

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Международная научная конференция

27 октября 2016 г.
г. Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

УДК 811581 (082)
ББК 81:711я431
ББК Ш 171:11я431
К 451

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия

Редакционная коллегия

В. Н. Соловьёва, канд. полит. наук (отв. редактор)
Ж. В. Шмарова, канд. филол. наук
Н. Ф. Бурмистрова, канд. культурологии

К 451   **Китайский язык : лингвистические и методические аспекты** : материалы междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; отв. ред. В. Н. Соловьёва. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 146 с.
ISBN 978-5-9293-1794-1

В сборнике представлены материалы докладов магистрантов, преподавателей, заслушанных на международной научной конференции «Китайский язык: лингвистические и методические аспекты», приуроченной к 55-летию юбилею кафедры китайского языка.

Конференция посвящена актуальным проблемам лингвистики, литературоведения, методики обучения иностранным языкам и литературе в вузе и школе, теории и практике межкультурной коммуникации.

УДК 811581 (082)
ББК 81:711я431
ББК Ш 171:11я431

ISBN 978-5-9293-1794-1

© Забайкальский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Ван Кэвэнь.</i> Исследование языкового двуязычия (русский и китайский языки) в северных районах Китая	5
<i>Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарёва Т. Е.</i> И. М. Ошанин о фонетических изменениях в эволюции китайских письменных знаков	9
<i>Дашеева В. В.</i> Смена имени в Китае как социокультурный феномен	13
<i>Косинова Л. В.</i> Сопоставительный анализ китайских и русских нарративных анекдотов	18
<i>Кочеткова О. М.</i> Лексико-семантическая парадигматика и синтагматика как основа классификации глаголов речи китайского языка	23
<i>Симоненко Н. Ю.</i> Динамика жанров русских и китайских нарративных песен	30
<i>Ленинцева В. А.</i> Развитие прикладной лингвистики в Китае	36
<i>Шмарова Ж. В.</i> Четыре кампании по переименованию географических названий в КНР	44

ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

<i>Варакина М. И.</i> Экологическая культура Китая как нравственный ресурс формирования экологизированного сознания нации	50
<i>Кобжицкая О. Г.</i> Скороговорки как эффективный приём обучения китайской фонетической речи	54
<i>Левченко О. Ю.</i> Из истории преподавания китайского языка в школе № 4 г. Читы	59
<i>Левченко В. А.</i> Обучение юридическому дискурсу китайского языка	62
<i>Малых О. А.</i> Пути решения актуальных проблем обучения произношению в процессе преподавания китайского языка	66
<i>Науменко С. В., Цзоу Хун.</i> Развитие когнитивных навыков у китайских детей и специфика китайского языка	72
<i>Серёда А. В.</i> Анализ предложения как топики-комментариевой структуры в практике обучения переводу с китайского языка	78
<i>Соктоева О. Ц.</i> Краеведческий аспект в подготовке бакалавра в языковом вузе	83
<i>Шахаева А. А.</i> Реализация лингвокогнитивного подхода в обучении китайским базовым глаголам направления движения	86

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Адилханян Н. Л.</i> Бестиарий «Шань хай цзин» («山海经») как феномен китайской культуры	92
<i>Бодоева А. А.</i> Авангардная литература: Россия и Китай	96
<i>Бурмистрова Н. Ф.</i> Истоки китайской литературы	101
<i>Дондокова М. Ю.</i> Творческая трансформация космогонических символов времени в китайской и бурятской поэзии XX века.....	105
<i>Терехова Н. В.</i> Интерпретативные стратегии Чжао Ци в его комментарии к канону «Мэн-цзы».....	114
<i>Трофимова Н. В.</i> Исследование китайского сленга в публикациях официальной газеты КНР «人民日报».....	120
<i>Тузулова О. Д.</i> Тенденции минимализма в современной китайской и русской поэзии.....	125

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК И С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

<i>Воропаев Н. Н.</i> О проблемах становления устного переводчика с китайского языка	130
<i>Пасечник К. С.</i> Сложности перевода фразеологизмов с китайского на русский язык	136
<i>Тиссен А. Е.</i> Проблемы перевода с китайского на русский язык и с русского на китайский язык	140

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК-81

*Ван Кэвэнь,
Наньчанский университет,
г. Наньчан, КНР*

中国北方俄汉边缘语地区语言融合研究

汉语和俄语两种语言历史悠久，底蕴浓厚。尽管两种语言分属与不同的语系，但彼此相互间的吸收和译借方面却有着先天条件。两种语言的接触对于语言文化的反应十分直接，通过两种语言接触融合后的研究，可以更深入了解两种语言的异同。汉语外来词的研究通常是与翻译史的研究机密相连的。汉语外来词的出现是与汉语文学、艺术、科学、哲学、宗教等的翻译史紧密相连，平行发展的。

关键词：俄汉边缘语 语言接触 外来词

Исследование языкового двуязычия (русский и китайский языки) в северных районах Китая

Китайский и русский языки имеют долгую и богатую историю. Хотя эти языки относятся к разным языковым семьям, их взаимовлияние и заимствования из одного языка в другой являются исторически обусловленными. Путём исследования результатов взаимовлияния двух языков можно более глубоко понять сходства и различия между ними. Исследование заимствований в китайском языке, как правило, связано с историей перевода. Появление заимствований в китайском языке в историческом плане шло параллельно с переводческой деятельностью в области литературы, искусства, науки, философии, религии и т. д.

Ключевые слова: русский и китайский языки в приграничных районах, языковые контакты, заимствования

Van Keweng,
Nanchang University,
Nanchang, China

**Researching Bilingualism
(Russian and Chinese Languages)
in China's Northern Regions**

The Chinese and Russian languages have a long and rich history. Although these two languages belong to different language families, their mutual influence and borrowings from one language to another are historically-rooted. Researching the results of the languages' co-influence makes it possible to better understand the similarities and differences between them. Studies of the Chinese language loanwords are usually connected with the history of translation. Diachronically the Chinese language borrowings ran parallel to translational activity in the fields of literature, art, science, philosophy, religion, and so on.

Keywords: Russian and Chinese border languages, language contact, Loan words

二十世纪初，中苏两国共建中东铁路，大批俄罗斯人涌入到以哈尔滨为首的我国北方城市。全方位俄罗斯文化笼罩下生活的哈尔滨等地中国人不能不受其影响。日常各项生产活动中都要与俄罗斯人进行交际。由于没有受过正规的语言教育，故与俄罗斯人交际中所用的俄语，用法非常奇特，如俄语动词只用命令式，人称代词完全不用，只用物主代词，形容词与名词完全不一致，根本没有语法规则。故衍生出了俄汉交际地区特有的俄汉边缘语。如女人冬天穿着布拉吉 (платье), 男人脚登巴金给 (ботинки), 头戴基布克 (кепка), 嘴叼木什斗克 (мундштук), 冬天穿着毡疙瘩 (катанки), 做饭用着别拉达 (плита), 用水拧葛兰 (кран), 提水喂得罗 (ведро), 电灯用兰包 (лампа), 吃着大列巴 (хлеб), 喝着苏伯汤 (суп), 就着里道斯 (литовская колбаса), 喝着伏特加 (водка)。二十世纪二十年代，瞿秋白在旅途游记《俄乡纪程》中曾写道：“哈尔滨的上上下下都能讲几句洋泾浜的俄国话。北方俄汉区域性语言接触产生的俄汉边缘语是汉语外来词研究中一个重要的组成部分。《辞海》中外来词的定义是：外来词也叫“借词”或“外来语”。一种语言从别种语言里吸收过来的词语。（舒新城 1979）。汉语的外来词大致有4种类型：

1) 意译法; 2) 音译法; 3) 借形法; 4) 字母外来词。俄汉边缘语对外来词的借鉴主要是音译法和意译法。如现今哈尔滨街道的名称透笼街 (Сквозная ул.), 田地街 (Полевая ул.), 工厂街 (Заводская ул.) 等都是意译法, 流传至今的伏特加 (водка), 苏伯汤 (суп), 大列巴 (хлеб) 等都是音译法。俄汉边缘语正是中俄两国人民语言交流的产物, 是俄汉两大文化互相影响在语言上的体现。改革开放以后至今俄汉边缘语在中俄两国边境地区合作交往过程中, 也扮演着重要的角色。

源于俄语的外来词大致出现在二十世纪初期, 从俄文著作的译介开始, 许多译名甚至沿用至今。为进一步弄清我国北方俄汉边缘语的接入渠道, 经查阅相关资料, 大致梳理出以下脉络。中苏两国地理位置为中俄语言 and 文化的交流提供了便利条件。东北地区的黑龙江省与俄罗斯远东地区一些城镇隔江相望, 两岸人民有长期交往的历史(姜雅明 2011)。二十世纪初中东铁路的修筑, 俄罗斯带来了俄语语言和文化。在中俄两种文化撞击下产生了北方地区独有的地域性文化, 随之产生的还有地域性边缘语 - 俄源词(或俄边缘语, 俄式洋泾浜语, 毛子话等称谓)。十月革命后马列主义思想的传播全面推动了俄汉边缘语的发展和交流。随之而来的俄罗斯文学对俄语词汇的借入也是传播的重要途径。新中国成立后苏联作为同盟国带来了先进的科学技术的同时也为中苏两国全方面合作奠定了基础, 语言接触的频繁全方位充实了俄汉边缘语。之后我国实行改革开放政策, 中俄关系稳步提升, 带来了中俄语言文化的复兴。但相对于英语对当代汉语的影响程度, 俄语对汉语的影响则很有限。现代汉语中常见的俄外来语词汇只有少量涉及政治、经济、科技等方面的历史词汇、部分专有名词和北方方言中的一些口语词。

目前, 随着中国对外开放程度的逐渐深入, 俄罗斯 - 作为我国北方最大的邻国, 两国又不断在经济、文化及军事等各个领域开展了深入的合作。近两年由于俄罗斯受西方一些势力的排挤因素, 俄罗斯正与中国关系越来越密切, 呈现出一种新的融合发展的趋势。特别是以哈尔滨为首的与俄罗斯经贸往来密切的许多边境城市, 俄汉边缘语正在走向复苏, 一些熟悉易记的音译俄源词正重新被推广, 奇特的中式俄语句子中那些夹杂着俄汉边缘语词汇无时无刻在如满洲里、绥芬河、黑河、佳木斯等北方与俄罗斯接壤的边境地区

商人口中重复，并且呈多元化发展。这种新时期俄汉语言的接触造成的新俄汉边缘语现象不仅具有重要的语言学理论意义，对研究中俄文化交流、汉语的演变和发展也具有重要的参考价值，值得进一步深入研究。

在当今中俄合作关系更加密切的时期，对中国北方俄汉边缘语地区语言文化融合的研究与调查无疑具有重要的意义。特别是以历史为篇章，以文化为切入点，研究区域性语言文化的独特性为研究目标，主要采用社会语言学中的语言接触研究对俄汉边缘语文化进行研究调查，语言接触研究是社会语言学学科中的一个前沿领域，而“汉俄语言接触研究”是这一领域中的重要课题（徐来娣2008）。然而，迄今为止，汉俄语言接触研究在国内外学术界鲜有问津，在选题上具有创新。

中俄文化的差异是客观存在的，是我们在进行跨文化交流中都要面临的挑战。随着经济全球化和全球经济一体化，跨文化交流也日益广泛，不同民族间的文化是可以相互影响，互相渗透，相互吸收的。在这个时候对俄汉边缘语文化的研究尤为重要。我们应该意识到两国文化差异。本着“求同存异，互相尊重，平等相待，以诚相见”的原则，采取包容、尊重的态度，尽力了解对方民族文化心理，以达到跨文化交际的顺利进行。

参考文献

1. 陈原，《社会语言学》北京：商务印书馆，2000。
2. 徐来娣，《俄汉语言接触研究》哈尔滨：黑龙江人民出版社，2007。
3. 钟吉娅 《汉语外源词 - 基于语料的研究》华东师范大学，2003。
4. 薛才德 《语言接触与语言比较》上海：学林出版社，2007。
5. 张瑶 《俄汉语言外来词借入对比研究》高校学刊，2015。
6. 徐来娣《社会语言学视角下的俄汉词汇接触研究》学海，2012。
7. 王恩圩《源于俄语的汉语外来词》东北师大学报，1987（5）：88-93。

*О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарёва,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

**И. М. Ошанин о фонетических изменениях
в эволюции китайских письменных знаков¹**

В статье рассматриваются основные положения диссертации И. М. Ошанина, касающиеся фонетических изменений в эволюции китайских письменных знаков, с целью введения результатов данной работы в широкий научный обиход.

Ключевые слова: *китайская письменность, фонетические изменения, эволюция китайских письменных знаков*

*О. М. Gotlib, E. V. Kremniov, T. E. Shishmariova,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

**I. M. Oshanin about the phonetic changes
in the evolution of Chinese characters**

The article analyzes the thesis of I. M. Oshanin, particularly his grammatological views to the phonetic changes in the evolution of Chinese characters in order to introduce the results of this work to the modern research discourse.

Keywords: *grammatology, Chinese writing, phonetic changes, evolution of Chinese characters*

Один из аспектов диссертационного исследования И. М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», защищённого более 70 лет назад (1943 г.), – это фонетические изменения в эволюции китайских письменных знаков [1, с. 210].

Обращаясь к вопросу фонетической структуры той морфемы, которая первоначально стала обозначаться иероглифом, И. М. Ошанин полагает, что общепринятое мнение о том, что «иероглифическое письмо обязано аморфному строю китайского языка и связанному с ним моносиллабизму... не столь очевидно» [2, с. 84–86] и указывает, что «простое сопостав-

---

¹ Проект поддержан РГНФ (№ 13-04-00248).

ление звучания (по В. Karlgren'у) тех гнездовых идеограмм, которые, будучи связаны между собою семантически, следовательно, обладают в большинстве случаев общими графическими составными элементами, – позволяет нам констатировать наличие между ними явного фонетического родства» [1, с. 85–86], например: 目 mǐdǔ; 眉 mí; 蔑 miè; 瞢 mǒng; 曼 mǎn; 覓 mǐ. Он добавляет в этот ряд ещё несколько морфем, связанных семантически со словом «глаз», но без элемента 目 в своём составе: 明 míng «ясно видеть», 名 míng «различать» → «называть» → «имя», 面 miàn «лицо» и т. д. Приводя подобные примеры, И. М. Ошанин указывает на необходимость «...поставить вопрос о характере syllabемы и морфемы в древнекитайском языке, – как сложных продуктах скрещения, – что сразу же ставит под большое сомнение моносyllабический характер китайского языка в древности, – а возможно, и его аморфный строй» [2, с. 86–87].

По мнению И. Ошанина, syllабема в фонетическом аспекте в чжоуский период VII–VI вв. до н. э. характеризовалась следующими признаками: 1) скрещение и срастание слогов в однослог было закончено задолго до середины эпохи Чжоу; 2) в рассматриваемое время китайский язык фонетически деградирует: число возможных syllабем резко сокращается, полисемантизм резко усиливается; 3) для всего прослеживаемого периода развития китайского языка характерна четырёхэлементная структура syllабемы (начальный согласный или африкат – узкий неслогообразующий гласный – слогообразующий гласный – замыкающий согласный или полугласный), причём число syllабем с полным четырёхэлементным составом ограничивается специфическими для каждой диалекта нормами взаимной сочетаемости элементов; 4) китайский язык в эпоху Чжоу складывался из большого числа диалектов.

«Очевидно, – заключает учёный, – вышеперечисленные основные отличительные особенности и благоприятствовали сохранению слогового иероглифического письма до наших дней, – за счёт удаления письма от каждого данного диалекта и выработки особого общего иероглифического литературного

языка» [2, с. 87–88]. Появление у китайского слога – силлабемы – музыкального ударения, как считает И. М. Ошанин, стало следствием «фонетической деградации», безмерно усилившую полисемию в качестве её ограничителя [2, с. 89–90].

Анализ силлабемы дал учёному основание определить фонограмму как базовую и абсолютную в своём количественном составе единицу китайской письменной системы. И. Ошанин указывает, что «с установлением полной ассоциации между графемой (иероглиф), силлабемой (слог) и семантемой (семантический пучок), фонограмма как обозначение морфемы окончательно принимает своё современное содержание. Она охватывает: 1) начертание: “фонетик” и “ключ”; 2) звучание: силлабема и фоносемантический детерминатив – “тон”; 3) значение: семантический пучок, как развитие определённого понятия, причём графически его определителем является не столько “ключ”, сколько “фонетик”, а фонетическим не только силлабема, но и “тон”» [2, с. 92–93].

Далее учёный говорит о трёх основных аспектах этих изменений «чтения» гнездового иероглифа и производных от него фонограмм: 1) синхронические фонетические вариации корня, т. е. варианты силлабем в пределах одной морфемы; 2) диахронические изменения состава силлабемы под влиянием исторического развития фонетической системы языка; 3) влияние фонетических особенностей диалектов [1, с. 93].

Изменение в рамках синхронической вариативности, т. е. появление у одного данного знака двух или более вариантов чтения, отражающих соответственно фонетические варианты одного и того же корня, имеет место, по мнению И. М. Ошанина, ещё в глубокой древности и вызывается семантическим раздвоением морфемы с последующим изменением артикуляции голоса для одного из новых значений. В этом случае появление параллельного чтения иероглифа есть явление синхронического порядка, т. е. происходит в пределах одного и того же корня на протяжении одной эпохи и в пределах одних и тех же диалектов. Например: 若 n'iak (жо4) «быть похожим» и nuк, ныне 諾 (но3) «уступать» с выпадением промежуточного узкого гласного и изменением тона. Таким образом,

автор констатирует в этом типе изменений наличие передвижения любого из четырёх элементов syllabемы так же, как и тона, причём фонетическое чередование захватывает один элемент syllabемы, значительно реже – два или три элемента [1, с. 93–94].

Фонетические изменения исторического характера представляют собой, как это было доказано Б. Карлгреном, серию законченных чередований звуков, составляющих элементы syllabемы, за исключением небольшого числа незакономерных изменений, воспринимаемых теперь как исключения, на протяжении всего процесса развития древнекитайского языка к старокитайскому и далее к современному китайскому языку гоюй. Иллюстрацией такого рода закономерностей может служить такой пример: 夏 g'a – ɣa – hia «лето», «Китай» – сначала переход начального звонкого аспирированного гуттурального в звонкий гуттуральный спирант, затем в глухой мягкий спирант, т. е. появляется отсутствовавший второй элемент syllabемы. Автор указывает, что и в подобных примерах переходы ограничиваются пределами одного элемента syllabемы на каждом из рассматриваемых исторических этапов языка. От первого же этапа до третьего изменения часто затрагивают и два элемента. Что касается перехода тона в этом виде изменений, то они представляют крайне редкое, едва ли не единичное явление [1, с. 94–96].

«Фонетические изменения, – пишет далее И. М. Ошанин, – и вариации географического, диалектологического порядка, несомненно, должны были в любую эпоху иметь место в произношении иероглифов... Современные диалекты китайского языка, а также “китайские чтения” иероглифов в Японии, Аннамe и Корее объясняют очень многое в фонетической системе китайского письма, наглядно демонстрируя всю последовательность фонетических переходов и объясняя причины непонятных на первый взгляд чередований звуков в письме, следовательно, изменения не только синхронического, но и диахронического порядка» [2, с. 97–98].

«Таким образом, – заключает учёный, – отклонения в чтении фонетических дериватов от основного гнезда, т. е. пер-

вой силлабемы, в результате всех трёх из указанных факторов могут оказаться весьма и весьма значительными. Эти отклонения могут казаться непонятными, если исходить из современного их звучания в пекинском диалекте, т. е. выбить у себя из-под ног солидную почву... На самом деле, если поставить изучение фонетической системы китайского письма на строго научные рельсы, то чтение фонограмм никакой загадки представлять собой не будет. Нужно будет лишь в каждом отдельном случае на материалах истории и диалектологии китайского языка тщательно изучить эпоху, характер и последовательность происходивших процессов в фонетике морфемы, и тогда самые непонятные чередования и переходы звуков станут легко объяснимыми» [2, с. 99–100].

Список литературы

1. Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарёва Т. Е. Отечественные труды в области грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в.: В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин. Иркутск: Изд-во МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

2. Ошанин И. М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма. М.: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943.

УДК-81

В. В. Дашеева,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Смена имени в Китае как социокультурный феномен

В статье рассматриваются вопросы смены имени как процесса, обусловленного различными факторами изменения социального и культурного фона. Автор описывает случаи многократной смены имени в Китае, указывает на основные причины, как пассивно, так и активно обусловленные. В работе анализируется степень стабильности и изменчивости китайского имени.

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, китайские имена, смена имени*

V. V. Dasheyeva,
*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Name change in China as a sociocultural phenomenon

The article deals with the problem of the name change as a process caused by different factors, e.g. modification of the social and cultural background. The author describes processes of multiple name changes in China and points out the main reasons of both passive and active name changes. The article analyzes the degree of stability and variability of the Chinese name.

Keywords: *onomastics, anthroponimics, Chinese names, the name change*

Китайская пословица “行不改名，坐不改姓” (дословный перевод: «Идущий не меняет имени, сидящий не меняет фамилии»), на первый взгляд, говорит о стабильности имени в китайской культуре. Но употребляется она в переносном смысле: при характеристике простодушного, открытого и честного человека, который ни при каких обстоятельствах не скрывает ни своего имени, ни истинных намерений [3, с. 302].

К выбору имени представители всех народов, в том числе и китайцы, всегда подходили со всей серьёзностью, очень обдуманно. При употреблении имени издревле руководствовались строгим правилом: имя было довольно устойчивым. Однако вследствие непрерывных изменений окружающей обстановки, появления новых социокультурных условий носители имени в ряде случаев начали осознавать, что их 原名 юаньмин ‘первоначальное имя’ уже не столь успешно выполняет все присущие имени функции, и зачастую стали стремиться к его смене.

В Китае социальные функции имени ярко проявляются в многократной его смене в течение жизни: при каждом изменении социального статуса денотата. До сравнительно недавнего времени китаец на протяжении своей жизни имел несколько индивидуальных имён. При рождении он получал 原名 юаньмин ‘первоначальное имя’, или так называемое 乳名 жумин ‘детское, молочное имя’, 小名 сяоимин ‘детское имя’, 奶名 наймин ‘молочное имя’. Детское имя было извест-

но только близким родственникам, изредка употреблялось ближайшими соседями и друзьями и сохранялось до школьного возраста человека. В детском имени выражалось пожелание родных, чтобы их ребёнок вырос здоровым, а также надежда увидеть в нём в будущем самые выдающиеся качества, хотя обычно эта функция делегировалась именам более поздних возрастных категорий.

В соответствии с обычаем родные и друзья давали ребёнку второе имя – 字 *цзы* ‘слово, иероглиф’, которое не заменяло первичное имя, а существовало параллельно с ним. Иногда с поступлением в школу родители или учитель давали ребёнку специальное школьное имя – 学名 *сюэмин* ‘школьное имя’. Позднее молодые люди могли получать юношеские псевдонимы [1, с. 32]. После достижения совершеннолетия китаец получал первое официальное имя – 名 *мин* ‘имя’, для уточнения его ещё называют 大名 *дамин* ‘взрослое имя’ или 官名 *гуаньмин* ‘официальное имя’.

К вопросу смены имени китайцы подходят так же серьёзно, как и к вопросу первоначального имени наречения. Кроме пассивно обусловленной смены имени, когда имена даются окружающими людьми, существует ещё одна его форма – активно обусловленная, когда сам денотат присваивает себе то или иное новое имя [3, с. 302]. Например, взрослый человек может выбрать себе ещё и псевдоним – 号 *хао* ‘прозвище’ или 别号 *бехао* ‘другое имя’, 伪名 *вэймин* ‘прозвище’, 虚名 *сюймин* ‘фальшивое имя’. У писателей и представителей некоторых других творческих профессий был 笔名 *бинмин* ‘литературный псевдоним’. «Вымышленные имена-псевдонимы представляют собой краткую формулировку убеждений автора, своеобразный девиз, кредо его жизни» [2, с. 56].

Основной причиной, побуждающей взрослых людей менять своё имя, является, с одной стороны, стремление к самовыражению, с другой – к упрочению своего изменившегося социального статуса. Иногда смена имени вызвана желанием зафиксировать в нём то или иное жизненное событие или эмоциональное состояние, чаще всего денотат испытывает при этом неудовлетворённость звучанием своего первоначально-

го, данного при рождении имени. Так, 聂耳 *Не Эр* – китайский композитор, автор музыки к гимну КНР 1912–1935 гг. – носил имя 聂守信 *Не Шоусинь*. Так как он был очень одарённым в музыкальном плане человеком, к тому же в его родовом имени присутствовал иероглиф 耳 *эр* ‘ухо’, ему дали прозвище 耳朵 *эрдэ* ‘ухо, слух’. Ему нравилось его прозвище, в связи с чем он и сменил впоследствии своё первоначальное имя на 聂耳 *Не Эр* [3, с. 302].

Подобный процесс в работах некоторых авторов получил название 向往新生活改名 ‘смена имени как результат стремления к новой жизни’. «Вследствие того, что имя, данное при рождении, кажется денотату тривиальным, ретроградным и безвкусным, не соответствующим его нынешним жизненным устремлениям, он берёт себе новое имя, чтобы изменить свою жизнь. Большинство людей получают при рождении то имя, которое соответствует ожиданиям, предпочтениям, сиюминутному настроению их родителей или других представителей старшего поколения. По мере взросления носитель имени приобретает свои собственные стремления, мечты, жизненные устои, и чаще всего именно по этой причине и происходит смена имени» [3, с. 305].

Что же касается пассивной смены имени, то она происходит в том случае, когда имя присваивается окружающими человека людьми, обычно вследствие того, что детское имя перестаёт соответствовать ожиданиям и предпочтениям представителей старшего поколения. Иногда в процессе взросления носитель имени подвергается свежим веяниям нового времени или каким-то социально-обусловленным ограничениям, вследствие чего он получает новое имя. Так, в период культурной революции (1966–1976 гг.) многим китайцам пришлось сменить имена на «более современные», такие как: 爱兵 *Айбин* ‘любить воина’, 爱武 *Айву* ‘любить военное дело’, 卫东 *Вэйдун* ‘оборона Востока’, 卫红 *Вэйхун* ‘оборона + красный’, 学彪 *Сюэбяо* ‘учиться + отряд’, 学青 *Сюэцин* ‘учиться + молодой’, 继革 *Цзигэ* ‘продолжение революции’, 永革 *Юнгэ* ‘вечная революция’ и т. п. Затем, когда эпоха, способствующая массовому появлению подобных имён, завершилась, имена

эти стали восприниматься как излишне искусственные и даже комичные, и неизбежным стал процесс повторного переименования их носителей.

После смерти некоторые императоры, дворяне, деятели литературы и искусства, другие люди, но чаще всего именно представители правящих династий Китая получали ещё одно посмертное имя – 堂名 *танмин* ‘клановое, посмертное имя’. Оно как бы подводило итог всей жизни человека и являлось своеобразным отображением результата его деятельности. Например, император Минской династии 朱元璋 *Чжу Юаньчжан* получил посмертное имя 高皇帝 *Гао Хуанди* ‘высокий император’, император династии Цин 玄燁 *Сюань’э* стал известен после смерти под именем 仁帝 *Жэньди* ‘гуманный император’, а последний император Китая, правитель «марионеточного государства» Маньчжоу-го 溥儀 *Пу И* получил посмертное имя 逊帝 *Сюньди* ‘отрекшийся от престола император’. «Это обычно почётное имя описывает деяния императора в период правления, подводит итог жизненному пути своего носителя, содержит оценку, данную его родственниками или современниками. Именно его записывают на деревянной поминальной табличке, выставляемой на домашних алтарях или в китайских храмах. Перед табличкой с посмертным именем совершаются обряды подношения предкам. В настоящее время посмертные имена вышли из повсеместного употребления» [2, с. 104].

Таким образом, китайцы в течение своей жизни имеют несколько имён, при этом с изменением их жизненных условий, устремлений и приоритетов может появиться новая потребность в изменении имени. «Иногда люди напряжённо размышляют, ищут подходящее имя, но не достигают особого успеха на этом поприще, иногда же, напротив, совершенно случайно, по наитию, возникает новое имя со свежим и интересным значением» [3, с. 302].

В китайском языке с его иероглифическим характером и образной эстетикой процесс как начального создания имени, так и переименования – это творческий акт, подобный деятельности по созданию литературного, музыкального или

художественного произведения, для него требуется вдохновение. Ведь имя – это некий знак, символизирующий статус, нравственные качества человека, а также его место в социуме.

Список литературы

1. 孩子起名必读 = Руководство по имянаречению. Пекин: Цисян, 2008. 288 с.
2. 好名好运一生 = Хорошее имя – хорошая судьба. Пекин: Китайское городское изд-во, 2004. 341 с.
3. 李少林·说名道姓 = Ли Шаолин. Рассуждение об именах, знание о фамилиях. Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 2007. 34 с.

УДК 811.581.11

*Л. В. Косинова,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Сопоставительный анализ китайских и русских нарративных анекдотов¹

В статье сравниваются жанрообразующие признаки, основные классификации, тематика и языковая специфика русских и китайских анекдотов. Исследование проводилось на материале китайских и русских комических нарративов, общим количеством 400 анекдотов.

***Ключевые слова:** жанры комического, нарратив, анекдот*

*L. V. Kosinova,
Volgograd State
Socio-pedagogical University,
Volograd, Russia*

Comparative analysis of Russian and Chinese jokes

The article is devoted to the comparison of the Chinese and Russian narrative jokes, it's constitutive features, main classifications, topic and linguistic specifics. The material includes 400 Chinese and Russian narrative jokes.

***Keywords:** comedic genres, narrative, jokes*

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00500 = The research is supported by grant № 15-04-00500 of the Russian Humanitarian Science Foundation.

К жанрообразующим признакам, свойственным китайскому и русскому нарративному анекдоту, относятся: коммуникативная цель – достижение смехового эффекта; отсутствие зафиксированного авторства; устная либо письменная форма представления; вариативность содержания исходного текста; целостность, наличие быстрой развязки; актуальность, злободневность; разнообразие временных и ситуативных контекстов [1, с. 6; 2, с. 311; 3, с. 158; 5, с. 80; 6; 7; 8, с. 30; 11, с. 1; 12].

Национально-специфические жанрово-релевантные отличия китайских и русских нарративных анекдотов включают: 1) объём: китайские анекдоты по объёму превышают русские (иногда достигают более 500 иероглифов) [12, с. 84]; 2) в случае письменной фиксации у китайских анекдотов наличие названия – в более 95 % случаев, у русских – в 9 % случаев; 3) тонкая дифференциация комической тональности и использование специфических языковых средств.

Мы выявили следующие классификации, свойственные китайским и русским нарративным анекдотам: по комической тональности («чёрный» юмор, «жёлтый» юмор) [9, с. 89–94]; по форме представления (СМС-анекдоты, анекдоты-загадки, анекдоты-стихотворения, анекдоты-истории, анекдоты-страшные истории и т. д.); по действующему лицу (анекдоты, персонажами которых являются простые жители, исторические фигуры, прецедентные персонажи, современные известные личности и т. д.); по локусу осуществления коммуникации (универсальные локусы: в больнице, на уроке, на свадьбе и т. д.); по сфере коммуникативной деятельности (политические, медицинские, армейские, спортивные, религиозные анекдоты и т. д.); по типу социальных отношений (анекдоты про любовь, семью, начальников и подчинённых, пьяниц и т. д.); по возрастной маркированности (детские анекдоты, школьные анекдоты, «анекдоты для взрослых» и т. д.).

Культурную специфику нарративных анекдотов отражают следующие классификации: 1) по комической тональности (юмор «мягкий», «средний», «жесткий»; анекдоты «холодные», «грустные», «отвратительные», «устрашающие») [10, с. 34]; 2) по форме представления (анекдоты-шунькоулю,

анекдоты-сехоуной (недоговорки); 3) по действующему лицу (анекдоты, персонажами которых являются уникальные китайские или русские прецедентные персонажи. В китайских анекдотах – полководец Цао Цао, мифологическая богиня Чан Э, баскетболист Яо Мин и т. д. В русских анекдотах – Вовочка, Чебурашка и Крокодил Гена, Новый Русский и т. д.); 4) по локусу осуществления коммуникации (национально-специфические локусы. В китайских анекдотах – в чайной, на Пекинской опере, у мастера Фэн-шуй и т. д. В русских анекдотах – во времена перестройки, на Чукотке, на праздновании Нового года и т. д.).

Приведём пример, в котором фигурирует имя китайского прецедентного персонажа Лэй Фэна (雷锋) (1940–1962) – молодого человека, оставшегося без родителей в раннем возрасте и воспитанного Народно-освободительной армией Китая. Во времена формирования Китайской Народной Республики и становления коммунизма в стране Лэй Фэн бескорыстно помогал своим согражданам, что и привело к формированию идеализированного образа «правильного коммуниста». Данный персонаж чаще всего встречается в комических текстах на коммунистическую тему, где высмеивается гиперболизированный альтруизм, пропаганда коммунизма, желание служить обществу. Помимо самого Лэй Фэна, высмеиваются также и его последователи – люди, которые ему подражают; это явление называется 学雷锋 – «учиться у Лэй Фэна». К примеру: *«В дом престарелых приехала бригада общественных парикмахеров – последователей Лэй Фэна – с целью оказания бесплатных услуг старикам. Пожилые люди очень обрадовались: скоро Новый Год, и они встретят его с красивой причёской! Старикам обстригли длинные волосы. На второй день приехала ещё одна добровольная бригада парикмахеров – последователей Лэй Фэна! И опять подстригли стариков, оставив на голове лишь небольшой “ёжик”. На третий день ещё одна добровольная бригада парикмахеров – последователей Лэй Фэна – решила оказать бесплатные услуги старикам, но пожилые люди крепко закрыли двери дома престарелых и лишь сквозь щель сказали бригаде: “Наши волосы уже некуда боль-*

ше состригать, ещё чуть-чуть – и мы все станем похожи на лысых монахов”». (敬老院里来了学雷锋的义务理发队, 帮老爷爷、老奶奶理发。老人们可兴奋啦, “可以高高兴兴、干干净净过新年了!”。披肩长发的老奶奶变成了短发老太。第二天又来了一支学雷锋的义务理发队! 于是再理一次发, 短发老太变成了平头老太。第三天再有学雷锋的义务理发队来, 敬老院只能把大门关得紧紧的, 老奶奶惊叫: “头发不能再剪啦, 否则我要变成光头尼姑了”)。

На универсальном уровне комический эффект достигается при помощи невербальных приёмов (обманутое ожидание, отклонение от нормы) и вербальных способов (каламбур, какофония, аллитерация, ассонанс, звукоподражание, метафора, гипербола, антитеза, оксюморон, антономазия, инверсия, повтор, зевгма, антифразис, порядок слов, речевая избыточность, речевая недостаточность, умолчание и др.) [4, с. 4].

Языковая специфика китайских анекдотов заключается в использовании маркеров национально-культурной принадлежности (китайских топонимов и антропонимов, названий политических реалий, известных произведений искусства, марок, прецедентных имен и цитат, наименований китайских реалий), а также иероглифического юмора, игры тонами, обыгрывания диалектных различий, юмора чисел.

В китайском языке содержится большое количество омонимов, омофонов, омографов, а также такие явления, как 形近字 (иероглифы имеют различное произношение и значение, но схожи в написании, например, 找 и 我, 为 и 办, 见 и 贝, и др.) и 近音字 (иероглифы имеют различное написание, но их произношение схоже, фонемы могут немного различаться и/или иметь разный тон, например, 亲吻 (*qin* – 1-й тон + *wen* – 3-й тон) «целовать» и 请问 (*qing* 3-й тон + *wen* – 4-й тон) «позвольте спросить»).

Устное восприятие текста, содержащего иероглифический юмор, затруднено: понять смысл подобных юмористических высказываний проще при их зрительном восприятии. К примеру: «Жила была утка, звали её Хуан. Однажды её чуть не сбила машина, тогда она вскрикнула: “Кря!” С тех пор она стала огурцом». (有只鸭子叫小黄, 一天它被车撞到, 它就

大叫一声：“呱！”从此它就变成小黄瓜了!) «Огурец» по-китайски произносится как *huang gua*, звукоподражание «кря» на китайский манер звучит как *gua*. При слитном произнесении имени утки «Хуан» (*huang*) и междометия «кря» (*gua*), получается слово «огурец» (*huang gua*).

Изученный материал позволяет сделать ряд выводов. Жанрообразующие признаки китайского и русского анекдота совпадают в таких аспектах, как коммуникативная цель, авторство, форма представления; вариативность содержания; целостность, быстрая развязка; актуальность, злободневность; разнообразие контекстов. Специфические признаки китайского анекдота включают объём, название, комическую тональность и языковые средства.

Китайские и русские анекдоты совпадают в основных классификациях, специфика проявляется в комической тональности, форме представления, действующих лицах, локусах осуществления коммуникации.

Языковая специфика китайских анекдотов заключается в использовании маркеров национально-культурной принадлежности, иероглифического юмора, игры тонами, обыгрывания диалектных различий, юмора чисел.

Список литературы

1. Каган М. С. Анекдот как феномен культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 нояб. 2002 г.). СПб., 2002. С. 5–16.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
3. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: СамГПУ, 1999. 176 с.
4. Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 1998. 416 с.
5. Милютин Ю. Е. Нечто об экзистенции анекдота // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 нояб. 2002 г.). СПб., 2002. С. 80–82.
6. Слышкин Г. Г. Современный русский анекдот: функции и ценностные доминанты // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 190–203.
7. Столович Л. Н. Анекдот и миф // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 нояб. 2002 г.). СПб., 2002. С. 46–53.

8. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола (16 нояб. 2002 г.). СПб., 2002. С. 17–31.

9. 崔乐, 侯敏《外国人汉语新词语学习词典》= Цуй Юэ, Хоу Минь. Словарь неологизмов китайского языка для иностранцев. 上海: 上海外语教育出版社, 2012. 267 页.

10. 薛宝琨《中国人的软幽默》= Сюэ Баокунь. Мягкий юмор китайцев. 北京: 科学出版社, 1989. 168 页.

11. 王金玲《幽默语篇理解的多维理论阐释》= Ван Цзиньлин. Теоретическая интерпретация понимания юмористического текста. 长春: 吉林大学出版社, 2008. 165 页.

12. 张喆《英语语言幽默的图式特征及解读难题探究》= Чжан Чжэ. Изучение схематических характеристик английского вербального юмора и выявление механизмов его интерпретации. 北京: 科学出版社, 2011. 185 页.

УДК: 811.581.11

О. М. Кочеткова,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Лексико-семантическая парадигматика и синтагматика как основа классификации глаголов речи китайского языка

В статье рассматриваются парадигматические и синтагматические отношения как способ классификации глаголов речи китайского языка. Автор считает, что синтагматическое содержание этих лексических единиц представляет парадигматические границы группы глаголов речи китайского языка.

Ключевые слова: *лексико-семантическая парадигматика и синтагматика, синтагматическое содержание, глаголы речи китайского языка*

O. M. Kochetkova,
Zabaikalsky State University,
Chita, Russia

Lexical and semantic paradigmatics and syntagmatics as the basis of the Chinese speech verbs classification

The article focuses on the characteristics of paradigmatic and syntagmatic relations as the method of Chinese speech verbs classification. The author considers that syntagmatic content of these lexical units sets the paradigmatic borders of Chinese speech verbs.

Keywords: *lexical and semantic paradigmatics and syntagmatics, syntagmatic content, chinese speech verbs*

Парадигматические и синтагматические отношения – это взаимосвязанные, взаимообусловленные и равнонаправленные системные отношения в языке. В настоящем исследовании эти отношения рассматриваются только в лексико-семантическом аспекте.

Парадигматика как вертикаль языковой системы противопоставления единиц языка, в том числе и лексических единиц, является способом выделения признака отличия одной единицы от другой, с целью установления места данной единицы в системе языка.

Парадигматические лексико-семантические отношения – это отношения противопоставления в общем корпусе лексики языка лексических единиц с целью определения их лексической значимости и принадлежности к определённой семантической подгруппе. Совокупность подгрупп с общим значением объединяет слова в семантическую группу. Семантические группы, объединённые общим содержанием, представляют идеографический класс слов. Идеографические классы слов – это тип организации лексических единиц, который называется тезаурусом.

Системные свойства парадигматических отношений не являются определяющими для классификации глаголов речи китайского языка, потому что данный тип отношений устанавливает границы значений слов условно, только как их темати-

ческую принадлежность. Системные свойства синтагматических отношений, определяющие синтаксическое управление, характер связи между предикатом и объектом, есть семантическая основа классификации глаголов речи китайского языка, на основании которой, каждая лексическая единица находит своё место.

Парадигматические и синтагматические отношения – это отношения, системные свойства которых – способ классификации лексических единиц по их месту и содержанию. На основании лексико-семантического парадигматического принципа выделяются тематические блоки классификации. Синтагматический принцип точно определяет место каждой лексической единицы в классификации.

Содержание подгрупп глаголов речи китайского языка обладает чёткими границами, установленными лексико-семантической парадигматикой и синтагматикой, равная направленность которых определяет непересекаемость подгрупп, что является особенностью классификации лексических единиц китайского языка.

Парадигматический принцип – это основа для классификации глаголов речевой деятельности, определяющий место и содержание подгруппы в классификации. Парадигматический принцип классификации лексем речевого действия в китайском языке основывается на компонентном анализе, в результате которого определяется интегральный и дифференцирующие признаки, устанавливающие границы подгрупп лексико-семантической группы глаголов речи.

Деление подгрупп проводится на парадигматическом уровне лексической системы языка. Для того чтобы выделить подгруппу, необходимо рассмотреть семантические парадигматические отношения, в которые вступают между собой лексемы слов. Такие отношения также называются семантическими корреляциями. Семантические корреляции – это противопоставление лексических единиц с целью выявления интегрального и дифференциальных признаков лексического значения. Интегральный семантический признак объединяет слова в подгруппу.

Интегральный признак выявляется при противопоставлении толкований слов, объединённых общим содержанием. При исследовании словарных статей толкований анализируется только первое значение или первичная лексема, которая является исходной, остальные значения не рассматриваются.

Синтагматический принцип – это маркер грамматической функции глагола, показывающий управление глагола, глубинные синтаксические отношения, подтверждающий его принадлежность к той или иной подгруппе. Глаголы, называющие речевые действия, обозначают процесс, цель которого передача информации между двумя и более участниками коммуникативной ситуации или характер этого процесса. Процесс передачи информации предполагает наличие коммуникативной цели, согласно которой, говорящий выбирает конкретную лексическую единицу для её достижения. Коммуникативная цель в ситуации речевого взаимодействия является синтагматическим принципом или содержанием для классификации действий, объединённых общим значением «речь».

Все глаголы данной лексико-семантической группы объединены интегральным семантическим компонентом 用话表达意思, 用话表达的行为 – «выразить (что) при помощи речи» или «действия, производимые при помощи речи». При классификации, лексические единицы обозначают коммуникативные цели говорящего, номинируют его речевые действия и являются основой для формирования подгрупп. Коммуникативная цель высказывания говорящего определяет выбор лексической единицы, при помощи которой цель может быть достигнута.

Классифицировать глаголы речи – это подразделить группу на подгруппы и дать описание лексем глаголов каждой подгруппы. Дать классификацию глаголам, обозначающим речевые действия в китайском языке – значит выявить базовые компоненты содержания, разграничивающие подгруппы и устанавливающие парадигматическое и синтагматическое деление лексических единиц.

Тематическое идеографическое содержательное деление подгрупп глаголов речевого действия китайского языка яв-

ляется условным, т. к. парадигматическое деление выделяет только группу глаголов речи, по признаку 用话表达的行为 – «выразить что-либо при помощи речи». Тематическое деление группы глаголов речи китайского языка не показывает принадлежность лексической единицы к какой-либо подгруппе, т. к. содержание речевого действия устанавливается не посредством наличия в толковании лексем номинации речевого действия, а по системе управления – глаголом, зависимыми членами, синтаксическими актантами, которые заполняют семантические валентности лексемы, представленные в толковании.

Равнонаправленность как свойство парадигматических и синтагматических отношений показывает связь между содержанием толкований лексем и системой глагольного управления, а также закономерность соответствия парадигматико-синтагматического содержания.

Лексико-семантические парадигматические и синтагматические отношения определяют принципы построения классификации глаголов речи китайского языка: 1) как принадлежность к тематическим классам; 2) как систему глагольного управления, намечающую место глагола в классификации.

Взаимодействие парадигматического и синтагматического аспектов является определяющим значимым фактором в классификации глаголов речи китайского языка. Эта взаимосвязь есть способ определения семантической позиции лексической единицы в классификации. Парадигматический аспект отражает семантическую принадлежность к классу, синтагматический аспект устанавливает местоположение в классификации.

Принадлежность лексической единицы к семантическому классу определяется посредством анализа толкований, которые содержат описание лексического значения глагола речевого действия в китайском языке. Толкование – это информация парадигматического содержания, функция которого – формировать границы семантических классов слов.

Толкование лексического значения речевого действия содержит сигнификат как базовый компонент, включающий со-

вокупность существенных признаков лексемы, отличающих речевые действия. Данные признаки – это парадигматические границы, представляющие совокупность представлений человека о речевом действии в китайской языковой картине мира. Они представляют «формальное» описание номинаций, отражающих осмысленную направленную речевую деятельность. Под формальным описанием понимается описание лексического значения, характер которого не раскрывает синтагматического содержания речевого действия, представляющего маркер принадлежности к определённой подгруппе.

Толкование лексемы включает совокупность существенных признаков значения, но не отражает характер, направленность, синтагматическое содержание и сущность речевого действия. Толкования слов отражают ментальную принадлежность к определённым границам реальности, зафиксированной сознанием человека в лексической единице языка как парадигматический класс, парадигматическое соотношение общего к частному. Синтагматика систематизирует это соотношение, распределяет точную принадлежность лексем по подгруппам.

Содержание значения речевого действия определяется на парадигматическом уровне посредством выделения в толкованиях лексем интегрального семантического признака, обозначающего речевое действие как принадлежность к семантическому классу, маркирующему его границы. Однако наличие в толкованиях лексем данного признака ещё не означает принадлежность лексемы к этому классу. Способность лексемы выполнять функцию глагола речи, обусловленная характером управления лексемы репрезентирует синтагматическое содержание речевого действия в китайском языке.

В китайском языке, на основании его типологических особенностей, классификация лексических единиц, с определённой грамматической функцией, осуществляется посредством определения синтаксических актанта, заполняющих семантические валентности лексемы. Толкования лексем представляют набор семантических валентностей как семантических составляющих содержания слова, но не показыва-

ют их соответствие синтаксическим актантам, отражающим коммуникативные цели говорящего и разграничивающим речевые действия. Коммуникативные цели, в процессе речевой деятельности есть сущность синтагматического содержания глаголов речи китайского языка.

Синтагматическое содержание речевого действия в китайском языке – это объект речи, адресат речи и содержание речи. Синтагматическое содержание устанавливает парадигматические границы как система равнонаправленного взаимодействия лексико-семантических аспектов значения слова в языке. Данный тип содержания является фильтром или критерием принадлежности слова к определённой лексико-семантической группе. Синтагматическое содержание лексемы есть первичный критерий отнесённости слова к лексико-семантической группе в китайском языке. В китайском языке синтагматическое содержание глаголов номинирующих речевые действия показывает, что речь в сознании носителей китайского языка есть осмысленная направленная деятельность, для которой значимыми составляющими являются объект, адресат и содержание речи.

В классификации в синтагматическом содержании проводится парадигматическое деление на подгруппы глаголов речи с одинаковым управлением, но разным семантическим содержанием. Таким образом, синтагматика определяет парадигматические границы лексико-семантической группы глаголов речи в китайском языке.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»: Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелёва; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1998. 536 с.

Н. Ю. Симоненко,

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Динамика жанров русских и китайских нарративных песен¹

Статья посвящена выявлению жанровой специфики русских и китайских песенных нарративов. Особое внимание уделяется динамике жанров нарративных песен XX–XXI вв., а также причинам выбора того или иного жанра для песенного повествования на разных исторических этапах.

Ключевые слова: русская нарративная песня, китайская нарративная песня, песенный нарратив, песенный жанр, жанровая специфика, жанровая дифференциация, нарративный анализ

N. Y. Simonenko,

*Volgograd State Socio-pedagogical University,
Volgograd, Russia*

Genre dynamics of Russian and Chinese narrative songs

The article deals with the revealing of genre specificity of Russian and Chinese song narratives. Particular attention is devoted to the dynamics of narrative song genres during the 20th–21st century and to the reasons for choosing definite genre for song narratives in accord with historical situation.

Keywords: *Russian narrative song, Chinese narrative song, song narrative, genre, genre specificity, genre differentiation, narrative analysis*

Жанр песни, её самобытный стиль определяется на основе её содержания, персонажей, сюжета, выразительных средств, ритма и прочего, соотносясь с формой, т. е. планом выражения того, о чём говорится в песне [3]. Вслед за В. Шмидом, мы определяем нарратив, основу нарративной песни, как повествовательное произведение любого жанра и любой функциональности [5, с. 9].

Целью данной статьи является выявление жанровых специфик китайских и русских песенных нарративов и рассмотрение их в динамике.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00500.

На основе собранных нами жанровых классификаций [3] выделяем следующие жанры нарративной песни: лирические, эпические, танцевальные и сатирико-иронические. Исследование детских песен требует иных методов и подходов, поэтому в данной статье они не затрагиваются.

В качестве материала исследования были отобраны 73 китайских и 55 русских нарративных песен XX–XXI вв. С исторической точки зрения 73 китайских нарративных песни могут быть разделены на два периода: 33 относятся к революционному периоду с 1924 по 1977 г. (пекинский переворот 1924 г., буржуазно-демократическая революция 1925–1927 гг., гражданская война 1927–1950 гг., правление Мао Цзэдуна 1949–1977 гг. и культурная революция 1966–1976 гг.), а 40 – к периоду с 1978 г. по настоящее время (этап реформ Дэн Сяопина и «большого западного скачка»).

Русские нарративные песни были разделены на четыре этапа: 1) 9 песен относятся к периоду 1900–1916 гг. (Первая русская революция 1905 г., последние годы царствования Николая II); 2) 8 песен – к периоду военно-революционному 1917–1945 гг. (Февральская и Октябрьская революции 1917 г., гражданская война 1917–1922/1923 гг., образование СССР в 1922 г., начало правления И. В. Сталина в 1922 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.); 3) 23 песни – к поствоенному периоду 1946–1990 гг. (холодная война 1946–1991 гг., смерть И. В. Сталина в 1953 г., начало этапа перестройки при М. С. Горбачёве в 1985 г.); 4) 15 песен – к периоду 1991–2012 гг. (правление Б. Н. Ельцина 1991–2000 гг., чеченская война 1994–1996 гг., дефолт 1998 г., начало правления В. В. Путина).

Для более точного сопоставления русских и китайских нарративных песен будем сопоставлять не временные периоды, а исторические этапы, которые проходили Россия и Китай. Таким образом, военно-революционное время в России (1900–1990 гг.) будет сопоставлено с таковым в Китае (1924–1977 гг.), а время реформ в Китае (1978 г. – настоящее время) будет сопоставлено с таковым в России (1991 г. – настоящее время).

На основе работ отечественных и зарубежных нарратологов [1; 6; 7; 8] критерием отбора нарративных песен считается наличие в песне сюжетной линии, нарратора, персонажей и взаимодействия между ними. Единицей анализа в данном исследовании выступает одно повествовательное произведение коммуникативного жанра в стихотворной форме, предназначенное для вокального исполнения, часто в сочетании с музыкальным сопровождением, т. е. нарративная песня [4, с. 166], которую мы анализируем по следующим параметрам: нарратор, время, пространство, персонажи, события, основные сюжеты, тематика, жанровая специфика песен, бинарные оппозиции, фоновые знания, интертекстуальные связи. Китайское понимание нарративной песни чаще всего обозначает фольклорный повествовательный текст, повествовательный сюжет, переложённый на форму арии или романса.

Анализ материала показал различия в жанровой дифференциации нарративных песен в России и в Китае в XX–XXI вв. на сопоставимых исторических этапах. В военно-революционные периоды в России (20 %) и Китае (32,8 %) были популярны эпические песни, повествующие о героических победах солдат, защите родных земель и различных исторических событиях. Это такие песни, как «Вот Петербург забавствовался», «Беснуйтесь, тираны», «Вперёд, друзья!», «Врагу не сдаётся наш гордый варяг», «Дубинушка», «天上布满星» («Небо усыпано звёздами»), «我们的生活充满阳光» («Наша жизнь наполнена солнечным светом»), «祝福毛主席万寿无疆» («Желаем долгих лет председателю Мао»), «灿烂的朝霞» («Сверкающая утренняя заря»).

В революционный период в Китае (1924–1977 гг.) преобладают песни эпического жанра (32,8 %) историко-героической тематики. В качестве примера можно привести песню: «王大妈要和平» («Тётушка Ван хочет мира»), которая по сей день сохраняет свою популярность в Китае. В этой песне времён американской агрессии (1950-е гг.) через описание деятельности тётушки Ван, которая всей душой поддерживает коммунистов Китая, воспеваются верность партии, желание открывать окружающим правду о политической ситуации,

трудиться ради мира в стране: “王大妈要和平， // 你看她东奔西跑要呀 // 那个要呀和平。 // 她每天动员妇女们来 // 来签名，宣传的脑筋开了窍， // 道理懂得清。 // 你看她东奔西跑要呀那个要呀和平” («Тетушка Ван хочет мира, // Видите, как она бегает и старается // Ради этого мира. // Она каждый день просит девушек приходить и подписываться, // Через агитацию просвещает их, // Объясняет смысл происходящего. // Видите, как она старается ради этого мира»).

В начале XX в. каждая вторая русская нарративная песня могла быть отнесена к эпическому жанру (20 %), как, например, песни «Вперёд, друзья!», «Врагу не сдаётся наш гордый варяг» или «Дубинушка». Несмотря на это, уже в военно-революционный период 1917–1945 гг. всё чаще поются лирические песни (73 %), наполненные личностными переживаниями разделённых из-за войны членов семьи. Примером выступает песня 1943 г. «Тёмная ночь» в исполнении народного артиста РСФСР Марка Бернеса, в которой ушедший на войну солдат мысленно проживает каждую бессонную ночь рядом с супругой и кроваткой, в которой спит их ребёнок, и, вопреки разделяющему их расстоянию, получает силы на новые бои от любви жены:

Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Тёмная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, чёрная степь пролегла между нами. <...>

Различие жанров русских и китайских песен, которые поются во время военных потрясений, лежит в различиях историко-культурного опыта и национально-специфичных мировоззрений русского и китайского народов. Китайская песня ещё во II–III вв. до н. э. записывалась Императорской музыкальной палатой «ЮЭфу» и впоследствии в канонизированном виде вновь распространялась в народ, проводя нужные

конкретной династии идеалы [2, с. 3–15]. В связи с сохранением до конца 1970-х гг. традиции использования песни в управлении мышлением народа, китайцы подхватывали наиболее удобные для правящей компартии Китая эпические песни, делая их наиболее популярными.

В России 1917–1960-х гг. советская власть также активно создавала и популяризировала эпические песни, прославляющие власть, её политический курс и идеалы. Однако популярными становились более лиричные, мирные, поющие о согласии, сочувствии, личном горе песни, которые были ближе русскому слушателю, не привыкшему в песенном творчестве во всём вторить правящей партии, но петь о том, что было на душе.

Начиная с конца 1970-х гг. в Китае, также становятся всё более популярны песни лирического жанра (60,3 %). Такие песенные нарративы, как «香港之夜» («Ночь в Гонконге»), «小燕子» («Маленькая ласточка») и другие, наполнены личными чувствами, настроениями персонажей. Их мелодии очень мягки и красивы, их характеризует размеренный медленный ритм.

Жанровое разнообразие растёт, и к концу XX в. в Китае появляются песни современного танцевального жанра (5,5 % от всех проанализированных песен). Они имеют живую мелодию, чёткий ритм и простую композицию. Танцевальные песни повествуют о любви, чаще всего от имени фемининного нарратора. В России число танцевальных нарративных песен также не велико (7,2 %). Это такие песни, как «У самовара я и моя Маша», «Последняя электричка», «Старый клён» и «Ходит песенка по кругу». Наибольшее количество танцевальных песен на русском и китайском языках не содержит сюжета, поэтому не было нами проанализировано.

Как на русское, так и на китайское песенное творчество в конце XX – начале XXI в. стала оказывать влияние западная культура. Из её танцевальных и лирических традиций до сих пор черпаются тематики, образы персонажей и нарраторов, линии сюжета и даже фоновые знания, которые всё быстрее входят в русскую и китайскую лингвокультуры ввиду глобализационных процессов, становясь их неотъемлемой частью.

В данной статье изложены результаты исследования китайских песенных нарративов лишь по одному из параметров: жанровой специфике. Более глубокие причины замеченной нами динамики могут быть найдены при анализе отобранного материала по другим параметрам исследования песен, таким как: тематика, события, сюжет, нарратор, персонажи, фоновые знания, бинарные оппозиции и др. В этой связи перспективами исследования видим рассмотрение динамики русских и китайских песен по перечисленным параметрам.

Список литературы

1. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
2. Меньшиков Л. Н. Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 304 с.
3. Симоненко Н. Ю. Жанровая дифференциация китайских нарративных песен в диахроническом аспекте // Narratorium. 2016. № 1.
4. Симоненко Н. Ю. Особенности китайских нарративных песен в диахроническом аспекте // Известия ВГПУ. 2015. № 2. С. 166–170.
5. Шмид В. Нарратология // Коммуникативные стратегии культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. 304 с.
6. Genette, G. Figures 3. Paris: Seuil. 1972.
7. Jahn, M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uni-koeln.de> (дата обращения: 10.09.2016).
8. 谭君强《叙事学导论》 = Тань Цзюньцян. Введение в нарратологию. 高等教育出版社, 2009. 第3版. 102页.

В. А. Ленинцева,

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия*

Развитие прикладной лингвистики в Китае

Автор представляет взгляды китайских лингвистов Ли Жулун, Лю Юнчюаня, Цяо И и других о путях развития прикладной лингвистики в Китае. Комплексное развитие прикладной лингвистики в Китае началось более десяти лет назад. Китайские филологи и лингвисты в своих работах пытаются определить место прикладной лингвистики в системе других дисциплин. Развитие прикладной лингвистики в последний период как раз и характеризуется изучением смежных наук и соприкосновением её с другими лингвистическими и нелингвистическими науками.

Ключевые слова: *прикладная лингвистика, отрасль языкознания, объекты исследования, исследование природы языка, комплексная междисциплинарная наука*

V. A. Lenintseva,

*Moscow City Teacher Training University,
Moscow, Russia*

Development of applied linguistics in China

The author presents the views of Chinese linguists Li Rulun, Lü Yunchuan, Qiao Yi and other, about the developments of Applied Linguistics in China. The integrated development of the applied Linguistics in China began more than 10 years ago. Chinese philologists and linguistics in there's works attempt to determine the place of Applied Linguistics in the system of other disciplines. The development of Applied Linguistics during the last period precisely characterizes by analyzing of allied sciences and touching with the others linguistics and non-linguistics sciences.

Keywords: *Applied Linguistics, branch of Linguistics, objects of research, research of language nature, integrated multidisciplinary science*

Прикладная лингвистика – это наука, изучающая различные пути использования языка в обществе. Авторы многих монографий, посвящённых прикладной лингвистике, считают, что она в узком смысле значения указывает на обучение языку, и лишь в широком смысле значение термина включает разработку алфавитов, составление словарей, перевод (в том числе машинный), научно-техническое применение языка

и т. д. Хотя и нельзя назвать это мнение ошибочным, оно не может в полной мере отразить природу и содержание прикладной лингвистики.

В книге Пита Кордера «Введение в прикладную лингвистику», оказавшей большое влияние на развитие этой отрасли языкознания, ещё тридцать лет назад говорилось: «Если рассматривать прикладную лингвистику как раздел языкознания, связанный лишь с обучением языку, то такая точка зрения будет неправильной. Есть и иные профессии, в которых язык играет центральную роль, например, логопеды и дефектологи, литературные критики, инженеры систем связи и другие» [4, с. 15]. Автор говорит о том, что есть множество напрямую связанных с использованием языка отраслей, которые должны быть отраслями исследований прикладной лингвистики.

В соответствии с действительностью, обучение языкам – всего лишь область, которую развивающаяся прикладная лингвистика исследовала в первую очередь. Язык чрезвычайно широко используется в общественной жизни. Все процессы, имеющее прямое отношение к использованию языка (виды деятельности, где язык играет центральную роль), должны быть объектами исследования прикладной лингвистики. Лю Юнцюань говорит, что «прикладную лингвистику можно определить как науку, изучающую практическое применение языка во всех областях. Такое понимание термина не только точно соответствует житейской действительности, но и в достаточной мере соответствует смыслу термина «прикладная лингвистика» [3, с. 1].

Прикладная лингвистика – это междисциплинарная комплексная наука. Когда язык используется в различных областях общественной жизни, он всегда испытывает ограничения, диктуемые объективной ситуацией и актуальными требованиями в данной конкретной области. Для того чтобы ответить на вопрос, как же можно эффективно использовать язык в данной области, необходимо исследовать эти ограничения и соответствующие правила. Например, цель обучения языку – это языковое наследие, передача языковых знаний от поколения к поколению, а также расширение его общественной функциональности.

Обучение языку необходимо реализовать через различные формы учебной деятельности. Эффективность обучения языку строго зависит от законов образования, от всех условий учебного заведения в совокупности. Например, в обучении языку на уровнях элементарного, базового и профессионального образования используются разные программы, материалы и методы; при очном обучении и при дистанционном обучении с использованием мультимедийных технологий (обучение через Интернет) методы и порядок ведения урока также обязательно должны различаться. В связи с этим исследования, касающиеся обучения языкам, должны затрагивать не только особенности самого языка (например, в зависимости от того, диалект это, национальный язык или иностранный), а также отличающиеся от естественного овладения языком учебные процессы и закономерности, состояние организации обучения и порядок учебного процесса.

При изучении средств языкового выражения в литературном произведении необходимо не только исследовать средства литературной обработки, отталкиваясь от взаимосвязи устного и письменного вариантов конкретного языка, но и разбираться в особенностях литературных стилей и требованиях, предъявляемых к ним, иметь представление о литературных направлениях различных эпох и художественных стилях отдельных авторов. Таким образом, междисциплинарное комплексное исследование – это и общая черта прикладного исследования языка в различных областях, и одновременно с этим существенная особенность прикладной лингвистики. Гуй Шичунь говорил: «Прикладная лингвистика – это междисциплинарная наука... Это не просто лингвистика, тем более не практическое использование теоретической лингвистики, в её основе лежит именно междисциплинарность» [1, с. 8]. Эта точка зрения как нельзя точно отражает суть понятия.

Связь прикладной лингвистики и исследования природы языка. То, чем занимается прикладная лингвистика, и исследование природы языка – это не одно и то же: прикладная лингвистика – «это общее название различных путей использования лингвистических знаний в разных областях»

[3, с. 3]. Однако прикладная лингвистика в первую очередь должна быть «лингвистикой», т. к. «никто не в состоянии пользоваться тем, что не изучено как следует» [4, с. 28]. То есть, прикладная лингвистика не занимается онтологическими исследованиями, она должна опираться на их результаты и вести связанное исследование. У онтологического изучения языка есть база (описательная лингвистика), отдельные исследования (фонетика, лексикология, семасиология и грамматика), различные подразделы (социолингвистика, лингвистическая география), динамическое изучение (историческая лингвистика). Сравнительным изучением занимается типологическая лингвистика, теоретическими исследованиями – теоретическая лингвистика. Что же касается прикладной лингвистики, то, т. к. области использования языка различны, при применении результатов исследований онтологической лингвистики сразу же возникают различные преимущественные аспекты. Например, в обучении языку акцент делается на применении результатов описательной и типологической лингвистики. Культурная лингвистика, в свою очередь, тесно связана с исторической лингвистикой, лингвистической географией и социолингвистикой. Составление лексикографической литературы заключается в непосредственном применении результатов различных отдельных исследований, при составлении же двуязычных словарей также необходимо пользоваться результатами сравнительного изучения билингвизма.

Как раз именно по этой причине при исследовании в прикладной лингвистике необходимо отталкиваться от языка, лучше всего организовать участие многих специалистов в области его онтологического изучения. Однако, опираясь только на результаты исследований онтологической лингвистики, невозможно создать систему теории и практики прикладной лингвистики, потому что необходимо также придерживаться результатов исследований других смежных наук. Отметим, что применение результатов исследований онтологической лингвистики в исследованиях прикладной лингвистики на самом деле также представляет некоторую экспертизу для

этих результатов. Правильно сделанные выводы могут быть повторно доказаны, неокончательные могут быть дополнены, а некоторые неправильные ещё могут быть исправлены.

Некоторые грамматические модели выражения ранее считались ошибочными, но потом фактами их использования была подтверждена обоснованность их существования. Так, выражения «наводить чистоту» (打扫卫生 дословно – «подметать гигиену»), «оправиться от усталости» (恢复疲劳 дословно – «восстанавливать утомление») как раз служат к этому примерами. Это яркий пример внесения поправок практикой речевой деятельности в первоначальные заключения исследований.

У прикладной лингвистики есть свои теоретическая и практическая части. Поскольку прикладная лингвистика – это комплексная междисциплинарная наука, то она должна использовать различные теории и знания, наблюдать за процессами, в которых применяется язык. При преподавании пунтуна в регионах, где говорят на диалектах, нельзя создавать учебные материалы, непосредственно взяв за основу отчёты об исследованиях диалектологов, пригодные материалы необходимо воссоздавать в ходе некоторой редакции. Специалисты в области компьютерной лингвистики хотят обучить машины различать морфемы, слова и словосочетания, но они не могут при этом руководствоваться принципами и методами, которыми располагают грамматисты, им необходимо тщательно и детально устанавливать разнообразные параметры в соответствии с тем, что приемлемо для вычислительной машины.

Питу Кордеру принадлежат такие слова: «Учёные, занимающиеся прикладной лингвистикой, – это те, кто пользуется готовыми теориями, а не те, кто создаёт новые» [4, с. 78]. Эта точка зрения неверна, теории общей лингвистики не могут охватить и заменить теории прикладной лингвистики. У прикладной лингвистики должны быть свои собственные подход к языку и методология. В теории прикладной лингвистики, междисциплинарной науки обязаны быть теории и методы комплексных смежных наук, которые должны сформировать-

ся в результате многочисленных реальных исследований, а не быть тем, что могут создать по отдельности учёные профильных дисциплин.

Прикладная лингвистика должна в значительной мере заниматься вопросами в области практического использования языка. Области использования языка в общественной жизни обширны и безграничны, поэтому необходимо достичь максимальной эффективности его использования, и важность представляют вовсе не обдумывание каждого определения и наведение порядка в терминологии или теоретические выводы, а целый ряд практических действий, таких как исследование и подведение итогов по их результатам. Например, что касается литературной обработки письменного языка, то здесь необходимо исследовать различные литературные жанры на наличие общих и отличительных черт, исследовать связь между темой, сюжетом и средствами языкового выражения в том или ином произведении, проводить анализ специфических особенностей литературных произведений каждой исторической эпохи в отдельности, а также достоинств и недостатков различных литературных течений и жанров отдельных персоналий. Что же касается оптимального выбора вербальных выражений, то всё зависит от конкретной ситуации. С позиции участников разговора можно рассмотреть следующие случаи: монолог ли это, диалог или полилог; кто говорит, кому он это говорит, в каких отношениях находятся участники разговора (начальник и подчинённый, друзья или близкие родственники); с позиции ситуации общения сам акт общения (обыденная праздная беседа, деловое общение); с позиций средств общения (устная беседа с глазу на глаз, передача новостей на родину с чужих мест, передача речи с помощью громкоговорителя или звукозаписи, письменная запись или хранение в письменном виде).

Методы кодировки китайских иероглифов и транскрипции китайского языка пиньинь, разработанные в соответствии с требованиями общественной жизни и основами устной и письменной речи, необходимо испытывать в определённой обстановке и в ходе испытания наблюдать за их преи-

мушествами и недостатками и вносить соответствующие исправления. На это есть те же основания, что и при оценке и усовершенствовании новой рецептуры при многократных испытаниях в лаборатории или распространении среди пользователей нового продукта.

Прикладная лингвистика должна быть наукой. Язык – это инструмент, созданный людьми для приспособления к общественной жизни и регулирования межличностных отношений. В общественной жизни в использовании языка выявилась неоднородная сложная структура. Устаревшие традиции и новые подходы в области применения языка постоянно находятся в состоянии конкурентной борьбы с поочерёдной сменой друг друга, победу тех или других определяет не только «естественный отбор» на основе превосходства, но также и другие политические, экономические, культурные и даже тесно связанные с каким-либо историческим персонажем особые факторы.

Раз уж использование языка на практике осуществляется для удовлетворения нужд общественной жизни, то неизбежно возникновение его многочисленных связей с политической жизнью общества. Так, как только в новейшей истории Китая начались обновление литературного стиля, движение за создание национального языка и движение за реформу письменности, они сразу же обрели тесные связи с реформированием общества и демократической революцией. Первоначальными намерениями движения за создание китайского фонетического алфавита «цеинь» в позднюю Цин были ликвидация безграмотности, повышение культурного уровня народа и развитие науки; противостояние классическому китайскому языку вэньянь и популяризация литературы на байхуа во время движения четвёртого мая были в свою очередь важными составными частями движения за новую культуру, начинающую распространение демократических и научных идей. Распространение национального языка в 1930-е гг. вместе с движениями за романизацию и латинизацию также находилось в тесной связи с проходившим в то время Движением сопротивления японцам и спасение родины. Политическое стиму-

лирование иногда могло в значительной степени выступить движущей силой для радикальных изменений в использовании языка, однако, большую роль играли научные положения и практические результаты.

Отсюда очевидно, что можно найти принципы для определения того, целесообразно ли с позиции науки использование языка или нет, научное объяснение также можно дать и всевозможным историческим изменениям. Поэтому прикладная лингвистика должна быть наукой.

Прикладная лингвистика должна соприкасаться с общественной практикой использования языка и воплощать китайскую специфику. Поскольку прикладная лингвистика должна исследовать практические задачи применения языка и искать оптимальные приёмы использования языка, она должна напрямую и своевременно уделять внимание языковой деятельности в конкретное время и в конкретном месте. Прикладная лингвистика в Китае должна обладать китайской спецификой и китайские учёные должны прилагать максимальные усилия для проведения исследований в отношении этих специфических вопросов.

Как правило, придерживаются мнения, что прикладная лингвистика возникла на Западе, и история этой науки пока не превышает полувека. На самом деле в каждой стране и в каждом языке уже в древности были свои истоки развития прикладной лингвистики. Так, говоря о Китае, создание транскрипции «фаньце» (основанной на способе стяжения инициали и финали двух слогов-иероглифов), составление рифмических словарей, толкование древней литературы, составление таких учебников для детей, как «Троесловие», «Фамилии ста семей» и «Тысячесловие», изобретение таких методик обучения, как письмо по прописям и составление парных ритмических изречений «дуйцзы», а также большое количество созданных на протяжении веков монографий, посвящённых исследованию средств выражения языка поэзии, – поэтической критики и заметок о жанре «цы», – всё это результаты прикладной лингвистики.

Безусловно, в развившейся в прошлом столетии на Западе современной прикладной лингвистике есть немало тео-

рий и методов, соответствующих требованиям современной науки, сравнительно точных и тщательно разработанных и стоящих того, чтобы их заимствовали, слепо следовали им, пользовались ими без разбора, воспринимая некритически, оставив в стороне многочисленные труды, созданные предшествующими поколениями.

Список литературы

1. 桂诗春《应用语言学》= Гуй Шичунь. Прикладная лингвистика. 湖南教育出版社, 1988.
2. 李如龙《应用语言学的性质和内容》= Ли Жулуи. Природа и содержание прикладной лингвистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lingviko.net/feng/clcl.pdf> (дата обращения: 27.07.2016).
3. 刘涌泉, 乔毅《应用语言学》= Лю Юнцюань, Цяо И. Прикладная лингвистика. 上海外语教育出版社, 1991.
4. 皮特·科德的《应用语言学导论》= Пит Кордер. Введение в прикладную лингвистику. 中译本, 上海教育出版社, 1983.

УДК 81-112.2

Ж. В. Шмарова,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Четыре кампании по переименованию географических названий в КНР

Статья посвящена вопросам сохранения древних географических названий КНР. Автор даёт краткое описание четырёх кампаний по переименованию географических названий, проведённых в КНР с 1949 г., указывая на причины и последствия каждой из рассмотренных кампаний.

Ключевые слова: *топонимическое культурное наследие, кампания по переименованию географических названий*

Zh. V. Shmarova,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

Four campaigns on renaming the geographical names in PRC

The present article is concerned with the problem of preservation of the ancient geographical names in China. The author gives a short description

of the four campaigns on renaming the geographical names that have been carried out in PRC since 1949. The author indicates the reasons and the consequences of each campaign.

Keywords: *toponymic cultural heritage, a campaign on renaming geographical names*

В 1960-х гг. была учреждена группа экспертов ООН по географическим названиям (ГЭГН ООН). В 2007 г. на 24-й Сессии группы экспертов ООН по стандартизации географических названий было заявлено, что географические названия относятся к нематериальному культурному наследию. Это решение соответствует «Конвенции об охране нематериального культурного наследия» (от 2003 г.).

Лю Баоцюань, представитель группы экспертов ООН по географическим названиям от КНР, приводит следующие данные по количеству топонимов, которые сохранили древние названия, и история которых насчитывает более 1000 лет: «...На данный момент в Китае сохранилось более 700 уездов с древним названием, посёлков – более 1000, городов – более 500, деревень – свыше 100 000» [2].

В последние 50–60 лет в Китае были переименованы многие географические названия. На сегодняшний день в Китае ведётся серьёзная работа в области топонимики. Согласно решению руководящей группы по топонимическим исследованиям Госсовета КНР, данная работа должна быть направлена на сохранение культурных традиций, упорядочивание жилых районов, улиц и переулков.

Главная ключевая идея проводимых исследований – сохранение культурных традиций. С 1949 г. в КНР прошло четыре крупномасштабные кампании по изменению географических названий [1].

Первая кампания. Основная цель данной кампании – устранение ряда географических названий, в которых содержится акцент на превосходство китайской нации.

В 1951 г. Госсовет КНР издал документ, согласно которому подлежали изменению географические названия, в которых содержалось пренебрежение или уничтожение нацио-

нальных меньшинств КНР, и те названия, в которых слишком возвеличивалась роль правящего режима. В период династии Цин (особенно в годы правления императора Цяньлуна) в Синьцзяне были даны китайские названия целому ряду географических названий. Во время первой кампании г. Гуйсуй (дословный перевод – «вернуться к умиротворению»), был переименован в г. Хух-Хото (на монгольском языке означает «зелёный город»), г. Дихуа («вести вперёд», «просвещение») – в г. Урумчи (в переводе с древнемонгольского означает «прекрасное пастбище»), Чжэньнаньгуань («подавить Юг») переименован в Мунаньгуань («дружественный Юг»).

В целом, географические названия, в которых содержатся иероглифы 绥 (умиротворять), 化 (преобразовывать), 平 (усмирять), 镇 (подавлять), 宣 (провозглашать) и присутствует намёк на могущественное влияние правящей династии, подлежали изменению.

Эта кампания по переименованию оценивается в целом положительно. Но в отношении некоторых географических названий целесообразность их переименования была подвергнута сомнению. Например, в провинции Юньнань уезд Сюаньвэй (дословно – «провозгласить могущество») был переименован в Жунфэнсянь. Первоначальное название было дано в период правления маньчжурского императора Юнчжэн (1727 г.), переименование отразилось на сложившемся с годами торговом имидже (известна юньнаньская ветчина сюаньвэй хотуй из уезда Сюаньвэй). В 1959 г. по решению Госсовета уезду было возвращено его историческое название.

В то же время под эту волну попали заимствованные географические названия. Самый показательный пример с названием горы Эверест. Это английское название (额菲尔士峰) было заменено на тибетское – Джомолунгма, а Внешние Гималаи (外喜马拉雅山) – на Гандисьшань.

Вторая кампания. Эта кампания по переименованию была связана с «Проектом унификации китайской письменности», который вступил в силу в 1956 г. Несмотря на положительные стороны этой кампании, в некоторых случаях не учитывались вопросы, связанные с историческим и культурным

наследием. Например, в иероглифической записи г. Айгунь упрощение произошло за счёт двух графем, но новое название теряло связь с историческими событиями (Айгунским договором). В 2015 г. городу вернули прежнее название.

Третья кампания. Кампания связана с периодом культурной революции. С 1966 г. Китай охватила мощная волна переименований улиц. В Пекине улица в честь генерала Чжан Цзычжуна была переименована в «Восточную улицу рабочих, крестьян и солдат», улица в честь генерала Чжао Дэнюя была переименована в «Китайскую улицу». Район Хайдянь, где много учебных заведений, «Кольбель культурной революции» переименовали в «Район культурной революции». Но переименования в «красный цвет» было недостаточным, появились переулки «Учим произведения Мао» и «Уничтожим буржуазную идеологию».

По данным, в начальный период культурной революции хунвэйбины переименовали 412 улиц и переулков Пекина, что составляет 8,6 % от общего числа всех улиц и переулков города. Эта волна коснулась не только Пекина, как показывает статистика, в начале культурной революции в районе Циньчжоу г. Тяньшуй (провинция Ганьсу) 70 улиц и переулков получили новые названия, например: «Переулок борьбы против ревизионизма», «Переулок культурной революции» и др.

Эта безумная волна «красного переименования» вызвала большую проблему омонимии в географических названиях. Карты, печати, вывески, дорожные знаки, издательства не успевали за быстрым темпом переименования. Поэтому в 1974 г. городской комитет Пекина был вынужден признать: волна «красного переименования» оказалась под влиянием крайних левых взглядов, после чего большая часть переулков вновь обрела свои прежние названия, только 14 оставили новые.

Четвёртая кампания. Кампания прошла под лозунгом «стремление к экономической выгоде». В период с 1979–1986 гг. Китай проводил первую перепись географических названий в масштабах всей страны. Было задействовано более 100 000 человек, в течение 7 лет были исправлены перегибы, допущенные в период культурной революции.

Новая волна переименований началась с конца 1980-х гг. На этот раз ключевым было «развитие экономики», поэтому это движение коснулось прежде всего городов. В 2001 г. уезд Чжундянь (провинция Юньнань) был переименован в уезд Шангри-Ла (香格里拉县). Этот пример можно считать редким исключением, т. к. название представляет собой транслитерацию иностранного имени собственного Шангри-Ла (вымышленная страна в романе Дж. Хилтона «Потерянный мир», употребление в переносном значении «потерянный рай»). Целью переименования было привлечение туристов.

Переименование географических названий в целом не произвело ожидаемого экономического эффекта. В провинции Хэбэй уезд Ваньянь (первоначально он был округом Вань в эпоху Цзинь XII–XIII вв.) название имело значение «крепкое государство». Но иностранные торговцы продолжали интерпретировать «вань» как «конец, кончина», тем самым в 1993 г. уезд был переименован в Шуньпин (буквально – «удачный, мирный»).

Пятая кампания. Кампания проводится в настоящее время и должна учитывать опыт предыдущих, придерживаясь основного принципа: «Если нет необходимости в переименовании, то и не нужно изменять название».

Во всех кампаниях по переименованию необходимо исходить из интересов народа и думать о последствиях. Кроме того, любое переименование предполагает немалые денежные расходы. В 2010 г. городской округ Сяньфань провинции Хубэй переименовали в Сяньян. По проведённым подсчётам, правка карт, официальных печатей, документации, вывесок и другие административные расходы составили не менее 100 млн юаней. В 2009 г. в прессе появилась информация о предполагаемых расходах на переименование районов г. Шицзячжуан, на это потребовалось бы не менее 1 млрд юаней [1].

Прежде всего, известные географические названия нужно сохранять, не переименовывать, преследуя современные коммерческие выгоды. Во-вторых, в случае твёрдого решения на переименование необходимо пройти заключение специалистов, обращая внимание на обеспечение стабильности

и преемственности. Необдуманное, необоснованное переименование наносит огромный ущерб сохранению культурно-исторических традиций народа.

Список литературы

1. 最近七十年，中国为何五次大规模更改地名？[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.view.qq.com/a/20160429/003379.htm> (дата обращения: 20.06.2016).

2. 对乱改地名说“不”（专访）//人民日报（2007-11-22 第05版）[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.paper.people.com.cn/rmr/html/.../content_33458630.htm (дата обращения: 20.06.2016).

ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

УДК 1.13

М. И. Варакина,

*Новокузнецкий институт (филиал),
Кемеровский государственный университет,
г. Новокузнецк, Россия*

Экологическая культура Китая как нравственный ресурс формирования экологизированного сознания нации

Статья посвящена исследованию формирования новой экологической культуры, которая способствует позитивному духовному преобразению личности.

Ключевые слова: экологическая культура, экологический императив, социоприродное взаимодействие, экологическое единение, экологические традиции, экологические принципы, экологическое развитие

М. I. Varakina,

*Novokuznetsk Institute,
filial branch of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia*

The formation of the national idea of Chinese ecological culture

The article investigates the formation of a new environmental culture that promotes a positive spiritual transformation of the individual.

Keywords: ecological culture, ecological imperative, ecological traditions, ecological development

Будущее Китая невозможно без нового осмысления компонентов экологической традиционной культуры, и на этой основе – формирования национальной идеи экологической культуры в новом модернизированном варианте.

И-Фу Цуань пишет, что в истории Китая следует видеть две культуры, различающиеся в экологических аспектах. Одна широко освещается в литературе и представлена в философии, но столь же реальна и другая культура – «горы, где вырублены леса, засорённые потоки, переполненные города и политические интриги» [15, с. 63]. «Средний» китаец, по мнению И-Фу Цуаня, не знал даосизма, а обыденная культура масс требовала приземлённого быта, и потребительского утилитаризма, поэтому, в целом, китайское общество в процессе своего развития наносило окружающей среде значительный вред.

Сегодняшнее обращение официальной власти в Китае к философии конфуцианства является полностью оправданным, т. к. конфуцианство ориентирует на социальный мир, гармонию и экологическое единство с природой. «Конфуцианство проповедует приоритет эколого-коллективистских ценностей, упорный труд, учёбу и культ знаний» [1, с. 199].

Важнейшей особенностью «социалистической духовной цивилизации» является то, что традиционный эколого-этический принцип вновь становится абсолютным критерием ценности. Ряд фундаментальных особенностей китайской цивилизации – «стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая гомогенность населения и высокая этническая сплочённость ханьцев, высокая адаптивность и способность к “перевариванию” иностранного опыта» [2, с. 127] – несомненно, позитивно способствует созданию новой национальной экологической культуры.

Чувство долга и принцип всеобщего равенства, очень долго существовавший в Китае, влиял на сознание нации, приучая народ бережно и рационально относиться к природным ресурсам. В Китае говорят: «Мы едим зерно, выращенное нашими предками, и обрекаем наших потомков на бедную жизнь» [12, с. 7]. Для ценностной ориентации китайской экологии характерно «выполнение долга, пренебрежение выгодой» [15, с. 8]. Слова ханьского философа Дун Чжуншу, что «добродетельный человек исправляет свои чувства, а не помышляет о выгоде, познаёт свой путь, а не считает заслуги» [5, с. 5], могут и сегодня считаться основой китайской систе-

мы экологических ценностей, где проблема сохранения природы занимает основное место. В контексте философии китайских учёных, в частности философии Чжуан-цзы, в человеке «...как в свирели из бамбука, звучит сама природа, на которую человек откликается не намеренно, а как бы непроизвольно, точно эхо» [4, с. 217].

Социально-экологические взгляды, идеи и концепции философов древности становятся органической частью современной культуры и философии Китая. Конфуцианское наследие ориентирует личность в системе исторических координат мировой цивилизации и, вместе с тем, помогает личности выработать твёрдую гражданскую позицию, без чего не может функционировать развитое общество. «Для китайского традиционного мышления характерен интуитивизм. Интуитивизм стал одной из причин, задержавших развитие в Китае современной науки, но он же способствовал созданию уникальной эстетической системы» [14, с. 29].

Показав свою жизнеспособность, китайская культура продемонстрировала своё желание к информационному обмену с другими культурами. В настоящее время среди китайских исследователей растёт вера в конвергенцию двух культур – восточной и западной, где важное место займёт гармонизация общества и природы.

Экологические взгляды, идеи и концепции, став частью современной культуры, оказывают существенное воздействие на все стороны жизнедеятельности человека и общества. Восточные мыслители, как свидетельствует Н. И. Конрад, «...не подчиняли человека природе, не противопоставляли и природе человеку; они видели в них две силы, сосуществующие в одной и той же сфере – сфере жизни; силы не только сосуществующие, но и взаимодействующие» [7, с. 312].

Будучи «моделью успешных экономических преобразований» [8, с. 32], современный Китай вплотную подходит к пониманию того, что для достаточно эффективной реализации экологических задач необходимо создание экологической культуры, т. к. человек, овладевший экологической культурой, формирует способность соизмерять свои потребности с природными возможностями.

Задача сегодняшнего времени, стоящая перед китайскими учёными, – это, прежде всего, формирование глубокого целостного видения человека в его единстве с культурой и природой. Необходимым условием такого видения является новая экологическая культура. В её основе лежит концепция гармонии человека и природы, зафиксированная в таких религиозно-философских учениях, как даосизм и конфуцианство, в «порождении и воплощении всего духовного опыта предшествующей национальной цивилизации» [3, с. 59]. Идеи глобальной экологической этики, имеющие фундаментальное значение для формирования новой экологической культуры, содержатся в философии конфуцианства.

По мнению Мэн-цзы, нравственная система структурируется из двух составляющих – экологической нравственности и межличностной. Сюнь-цзы в труде «Сильное государство» развивает идею Мэн-цзы и определяет отношения между экологической и межличностной нравственностью как отношения «внешнего» и «внутреннего» [12, с. 2–7].

Нельзя сказать, что на данном этапе новая экологическая культура Китая уже сформирована и китайские учёные дают ей чёткое определение. Формирование экологической культуры – сложный и многоплановый процесс. Его необходимым условием является осознание социальной обусловленности человека и природы. Возможно, конфуцианство с его ярко выраженной социальной направленностью, выступит в качестве основной составляющей новой экологической культуры Китая, которая объединит в себе идеи даосизма и концепции современных западных и российских учёных.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие: социально-философский аспект. Чита: ЧитГТУ, 1998. 258 с.
2. Абрамова Н. А., Варакина М. И. Экологические проблемы КНР: традиционный аспект и современность. Чита: ЧитГУ, 2004. 132 с.
3. Головачёва Л. И. Цивилизация, Конфуций и будущее Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 111–127.
4. Долин А. А. Наука жизни древних даосов // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 2. С. 209–218.

5. Завадская Е. В. Ци Бай-ши. М.: Искусство, 1982. 285 с.
6. Кобылянский В. А. Экологическая культура и проблемы образования // Экологическая культура современного общества: материалы междунар. симпозиума. Новосибирск, 2000. С. 42–59.
7. Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1986. 910 с.
8. Портяков В. О. Опыт экономических реформ. Дэн Сяопин и политика реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 6. С. 32–41.
9. Пушков А. К. Россия в новом миропорядке: рядом с Западом или сама по себе // Международная жизнь. 2000. № 10. С. 12–25.
10. Чэн Цзэнхунь. Создание морали XXI века и конфуцианская этика. Социальные и гуманитарные науки // Зарубежная литература. 1997. Вып. 3. С. 20–27
11. Шилин К. И. Экософия постконфуцианства // Информационные материалы. М., 1997. С. 99–105.
12. Чжу Дао. Чжихуэй юй дандай шэхуэй = Мудрость конфуцианства, даосизма и современное общество / под ред. Гэ Жунциня. Бэйцзин, 1996. С. 2–7.
13. Чжэн Фэн. Шэхуэйчжун цзиншэн веньмин цзяньшэ яньцзю цзуншу = Обобщение исследований строительства социалистической духовной цивилизации // Лилунь юй сяндайхуа. 1997. № 8. С. 27–32.
14. Huang S. An Ancient Ethic Debate Revived Again: Mo versus Kung // J. of Chinese philoso-phy. Honolulu, 1983. Vol. 21. № 2. P. 6–18.

УДК-81

О. Г. Кобжицкая,

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Скороговорки как эффективный приём обучения китайской фонетической речи

В статье затрагиваются вопросы использования скороговорок на практических занятиях по китайскому языку. Дается описание метода отработки и закрепления отдельных звуков с помощью скороговорок.

Ключевые слова: фонетическая речь, скороговорки, аутентичный материал, методы обучения

O. G. Kobzhitskaya,
*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Tongue-twisters as an effective method of teaching Chinese phonetic speech

The article touches upon some issues of using tongue-twisters at the Chinese lessons of oral practice. The author gives the description of an effective method that can be used to train and master separate sounds with the help of tongue-twisters.

Keywords: *phonetic speech, tongue-twisters, authentic material, teaching methods*

Овладение фонетической базой китайского языка путунхуа – задача не из лёгких. От того, насколько успешно пройден первый этап по освоению китайской фонетики, зависит процесс её дальнейшего совершенствования. Поэтому целесообразно сразу по окончании вводного фонетического курса ввести упражнения на тренировку и корректировку звуков. Такие упражнения позволят учащимся своевременно распознать артикуляционные ошибки и исправить их.

В настоящее время существует немало методик преподавания китайского языка, в них учитываются особенности и трудности, связанные с произношением. За годы многолетней практики у любого преподавателя-китаиста накапливаются приёмы, позволяющие ему успешно решать задачи обучения китайской фонетической речи. При работе над произношением используются как традиционные приёмы, так и собственные наработки.

Нельзя сказать, что использование скороговорок в качестве вспомогательного материала в обучении фонетике является чем-то оригинальным, однако, данный приём, безусловно, зарекомендовал себя как эффективное средство, особенно на начальном этапе обучения иностранному языку. Скороговорка помогает не только отработать и закрепить произносительные навыки: многократное повторение усиливает мотивацию учащихся к говорению. Каждая выученная скороговорка даёт учащимся ощущение сопричастности к культуре

страны изучаемого языка, ведь наряду с пословицами и поговорками скороговорки представляют собой аутентичный материал, наиболее ярко характеризующий национальную особенность народа. Под аутентичным понимается такой материал, который создаётся носителями языка для носителей этого языка для неучебных целей. По мнению Н. А. Савиновой и Л. В. Михалевой, «изучение языка вместе с познанием культуры говорящего на нём народа считается неотъемлемым компонентом эффективного обучения иностранным языкам, поскольку невозможно овладение языком без привязки к предметному и социальному миру иной культуры» [3].

В настоящей статье представлены некоторые результаты апробации метода использования скороговорок в обучении китайской фонетической речи с использованием материалов учебного пособия «Курс корректирующей фонетики китайского языка». По нашему убеждению, упражнения с использованием скороговорок более эффективны для учащихся, освоивших вводно-фонетический курс. Во-первых, потому, что, слушая и проговаривая скороговорку, они могут самостоятельно контролировать правильность произношения и по необходимости корректировать его. Во-вторых, в процессе усвоения скороговорки они могут пополнить свой лексико-грамматический запас, т. е. к имеющимся знаниям по лексике и грамматике добавить новые. А так как работа над произношением приближена к условиям реального общения, то, в конечном счёте, это стимулирует речевую деятельность учащихся.

Следует отметить, что включение скороговорки в самое начало практического занятия способствует установлению хорошего эмоционального контакта преподавателя с группой. Частые повторы, чередование медленного, среднего и быстрого темпа делают вводную часть занятия более насыщенной. Такая фонетическая зарядка задаёт положительный настрой всему последующему ходу занятия.

Очень важно, приступая к обучению с помощью скороговорок, объяснить учащимся о таком явлении, как смешение звуков, столь характерном для диалектов китайского языка. В одном из разделов пособия «Курс корректирующей фонети-

ки китайского языка» содержатся скороговорки, подобранные именно с учётом наиболее частых случаев смешения звуков. Намеренно они объединены с тем, чтобы в процессе их сопоставления и чтения добиться освоения их точного произношения. Так, звуки **j**, **q**, **x** включены в следующие оппозиции: /z- zh- j/, /c- ch- q/, /s- sh- x/. Это значит, что в некоторых диалектах эти звуки не различаются. Как, например, в кантонском диалекте 粵方言 звуки, произносимые с поднятым вверх и плоско лежащим языком, такие как **zh**, **ch**, **sh**, произносятся как звуки **j**, **q**, **x**. Например, 知道 *zhīdào* произносятся 鸡道 *jīdào*; вместо 吃饭 *chīfàn* говорят 欺饭 *qīfàn* и т. д. [1, с. 99].

Предлагаем рассмотреть приём с использованием скороговорки для закрепления согласных звуков **x**, **j** и **q**.

稀奇

稀奇稀奇真稀奇:
麻雀踩死老母鸡,
蚂蚁身长三尺六,
八十岁的老头躺在摇篮里。

Xīqí

Xīqí xīqí zhēn xīqí:
Máquè cǎisǐ lǎo mǔjī,
Mǎyǐ shēn cháng sān chǐ liù,
Bāshisuìde lǎotóu tǎngzài yáolánli.

Перед началом презентации скороговорки даём характеристику данных звуков по месту и способу образования, указываем особенности их произношения. Так как все три звука являются схожими по месту образования (средняя часть спинки языка и твёрдое небо), то особо следует подчеркнуть их различие. Так, звук **x** является щелевым, **q** и **j** – смычно-щелевыми (аффрикатами). Также отмечаем наличие придыхания у звука **q** и его отсутствие у **j** [1; 4].

Далее переходим к самой презентации. Приёмом презентации скороговорки может послужить аудиозапись или её проговаривание преподавателем. Вначале скороговорка звучит в нормальном/быстром темпе, а затем – медленно по слогам. Во время прослушивания акцентируем внимание учащихся как на звуки, так и на логическое и фразовое ударение. Следующим этапом является работа над содержанием скороговорки. Осмысленное проговаривание – это залог к успешному и безошибочному воспроизведению. Поэтому на данном этапе мы выделяем слова и переводим фразы. Перевод предлагаемой скороговорки выглядит так:

Диковина

Вот уж диковина так диковина:
Воробей затоптал старую курицу,
Муравей длиною в 33,6 сантиметров,
Восьмидесятилетний старик лежит в люльке.

Следует пояснить, что порой скороговорка наполнена юмористическим содержанием, как в вышеприведённом примере. Однако ценность её состоит не в заключённом в ней смысле, а в ритмичном воспроизведении труднопроизносимых звуков.

После перевода и уточнения структуры скороговорки переходим непосредственно к работе над произношением. Каждый звук произносится изолированно, затем в слове и, наконец, – в самой скороговорке. Сначала скороговорка читывается про себя, затем несколько раз шёпотом с подчеркнута чёткой артикуляцией медленно и быстро. И далее вслух, вначале также медленно, затем громко и быстро. При индивидуальном проговаривании учитель проверяет фонетическое и интонационное усвоение скороговорки.

После усвоения данной скороговорки, целесообразно ввести ещё одну с повторением пройденных и добавлением новых звуков. Как было отмечено выше, целью такого приёма является недопущение смешения звуков:

莫把电视说“电戏”
开电视，看电视，
莫把电视说“电戏”。
若把电视说“电戏”，
是你不分“视”和“戏”。

Mò bǎ diànshì shuō «diànxi»
Kāi diànshì, kàn diànshì,
Mò bǎ diànshì shuō “diànxi”.
Ruò bǎ diànshì shuō “diànxi”，
Shì nǐ bù fēn “shì” hé “xi”。

Не говори «дяньши» как «дяньси»
Включать телевизор, смотреть телевизор,
Не говори «дяньши» как «дяньси».
Если говоришь «дяньси» вместо «дяньши»,
Значит, не различаешь «ши» и «си» [1, с. 103].

По мере накопления выученных скороговорок появляется возможность не только закреплять произносительные навыки, но и стимулировать речевую деятельность учащихся. Таким образом, включение скороговорки в качестве аутентичного

материала в процесс обучения китайской фонетической речи, в конечном итоге, решает задачу обучения коммуникации и осуществляется с точки зрения коммуникативного подхода.

Список литературы

1. Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка. М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. 204 с.
2. Кобжицкая О. Г. Курс корректирующей фонетики китайского языка: учеб. пособие. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 259 с.
3. Савинова Н. А., Михалева Л. В. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www. cyberleninka.ru/article/n/autenticnyye-materialy-kak-sostavnaya-chast-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii](http://www.cyberleninka.ru/article/n/autenticnyye-materialy-kak-sostavnaya-chast-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii) (дата обращения: 24.09.2016).
4. Спешнев Н. А. Введение в китайский язык. СПб.: КАРО, 2006. 256 с.

УДК 14.09.25

О. Ю. Левченко,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Из истории преподавания китайского языка в школе № 4 г. Читы

Автор статьи обращается к истории преподавания китайского языка в школе № 4 г. Читы в 1960–1980-е гг.

Ключевые слова: *китайский язык, история педагогики*

О. Y. Levchenko,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

From the history of Chinese language teaching in school № 4 Chita

The author addresses the history of the Chinese language teaching in school № 4 in Chita in the 60–80's years of the twentieth century.

Keywords: *the Chinese language, History of Pedagogy*

В контексте изучения региональной истории преподавания китайского языка несомненный интерес представляет деятельность школы № 4 г. Читы, в которой с 1966 г. со 2-го класса было введено углублённое изучение китайского языка.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что в 1967 г. в ней преподавались три иностранных языка, английский – изучали все учащиеся 5–10-х классов, а кроме него в разных классах изучался ещё немецкий или китайский языки. В годовом плане работы школы на 1967/1968 учебный год ставились следующие задачи: освоить технические средства лингафонного кабинета; регулярно осуществлять внеклассную работу; совершенствовать методы обучения разговорной речи; улучшить изучение грамматического материала; активнее использовать периодические издания в учебном процессе; уделять большее внимание эстетическому и интернациональному воспитанию. В контексте организации внеклассной работы планировалось создать кружок разговорной речи, драматический кружок и клуб интернациональной дружбы [3, л. 21]. Документы, датированные 1974 г. свидетельствуют об успешном преподавании китайского языка, а также содержат сведения о деятельности языковых кружков и факультативов [4].

Имеются сведения о результатах проверки состояния преподавания китайского и английского языка в средней школе № 4 г. Читы, проведённой в 1977 г. В состав комиссии входили инспектор облоно И. А. Андрианов, преподаватель кафедры китайского языка Читинского педагогического института К. В. Тын и заведующая кабинетом иностранного языка Читинского областного института усовершенствования учителей И. В. Паршина.

Проверка показала, что обучение китайскому языку осуществлялось успешно, результаты соответствовали программным требованиям, учащиеся демонстрировали достаточный уровень сформированности навыков и умений. Учащиеся хорошо понимали речь учителя по ходу урока. Кроме этого, в документах отмечается высокий уровень профессиональной подготовки учителей китайского языка. «Все учителя имеют хорошую теоретическую подготовку, владеют методикой преподавания иностранного языка, прививают интерес к изучению китайского языка», – записано в документе [1, л. 75]. Этому во многом способствовала регулярная работа методической секции учителей китайского языка.

Интересно, что в ходе проверки было проанализировано трудоустройство выпускников школы за два года. Как оказалось, из 42 человек, окончивших школу в 1975/1976 учебном году, 8 поступили на китайское отделение факультета иностранных языков ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского. Как свидетельствуют документы, в школе проводилась работа по профессиональной ориентации учащихся в плане продолжения образования в учебных заведениях с китайским языком [1].

Большой вклад в создание учебно-методического обеспечения внесла К. В. Тын, учебники которой, пройдя успешную апробацию на базе школы, использовались и в других регионах страны. К середине 1970-х гг. в школе был накоплен значительный положительный опыт преподавания китайского языка, получивший высокую оценку на всесоюзном семинаре учителей китайского языка, проведённом в г. Чите в октябре 1975 г.

В октябре 1983 г. на базе школы № 4 г. Читы был организован семинар-совещание, в работе которого приняли участие учителя-китаисты из разных городов страны, заместители директоров школ по иностранным языкам и представители органов образования. На семинаре были заслушаны доклады, охватывающие широкий круг вопросов, связанных с преподаванием китайского языка в школе. В их числе можно назвать доклады Н. А. Абрамовой «Методика преподавания китайского языка в школе», К. В. Тын «Анализ новой программы по китайскому языку», В. Н. Ивановой «Организация и освоение языкового материала» [2].

Итак, в Забайкальском крае накоплен значительный опыт преподавания китайского языка в рамках общеобразовательных учреждений, который востребован в современных условиях. На протяжении всего периода существования школы учителя китайского языка осуществляли активную научно-методическую деятельность, результатами которой являлось создание программ и учебных пособий.

Существуя в статусе языковой гимназии, образовательное учреждение успешно сохраняет традиции организации и проведения на своей базе научно-методических мероприятий, в рамках которых обсуждаются проблемы и намечаются новые эффективные пути преподавания китайского языка.

Список литературы

1. ГАЗК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 2435.
2. ГАЗК. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 505.
3. ГАЗК. Ф. Р. 1726. Оп. 1. Д. 87.
4. ГАЗК. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 117.

УДК 14.35.09

В. А. Левченко,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Обучение юридическому дискурсу китайского языка

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся обучения юридическому дискурсу китайского языка. Автор описывает организацию работы с терминологией и юридическими текстами.

Ключевые слова: *обучение китайскому языку, юридический дискурс*

V. A. Levchenko,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

Teaching legal discourse of Chinese language

The article deals with the questions concerning the teaching of the legal discourse of the Chinese language. The author describes how to work with terminology and legal texts.

Keywords: *the Chinese language teaching, legal discourse*

Последнее десятилетие характеризуется увеличением международных контактов в различных сферах деятельности, что повышает потребность в их юридическом обеспечении на международном уровне. В этой связи закономерно возрастает интерес к юридическому дискурсу, его особенностям и существенным характеристикам.

Следует отметить многообразие исследовательских подходов к определению понятия «дискурс». Юридический дискурс традиционно рассматривается как один из видов институционального дискурса. По определению К. А. Устиновой, юридический дискурс представляет собой «совокупность

текстов, объединённых общей тематикой (закон, право, правовые отношения) и имеющих единую концептуальную основу (закон, право)» [3, с. 238]. И. В. Палашевская характеризует его как «...статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определённых правом ситуациях институционального общения» [1, с. 535].

Юридический дискурс китайского языка представляет собой специфический коммуникативный, культурно обусловленный код, включающий широкий спектр концептуальных и понятийно-терминологических единиц, характеризующийся сложностью синтаксических структур, формализованностью, низкой контекстуальностью и отсутствием экспрессивных средств.

Для юридического дискурса китайского языка характерна особая терминологическая система, которую составляют лексические единицы, относящиеся как к юриспруденции в целом, так и к её определённой подсистеме (например, 警察 полиция, 执法机关 правоприменяющий орган, 检察长 прокурор, 刑事诉讼 уголовный процесс, 搜查 обыск, 偷窃 кража, 强盗行为 бандитизм, 公家机关 государственный орган, 收养人 усыновитель и т. д.).

В этой связи в обучении юридическому дискурсу китайского языка необходимо уделять большое внимание изучению терминологии, относящейся к данной предметной области. Для этой цели используются различные виды упражнений: повторительные, подстановочные, конструктивные, трансформационные, речевые и т. д. Например, могут использоваться упражнения на подстановку подходящих по смыслу слов в текст по специальности, на составление предложения из отдельных слов, рецептивные упражнения на прослушивание и воспроизведение слов и словосочетаний и т. д.

Несомненный методический потенциал имеют: проведение иероглифических диктантов; выполнение упражнений на устный перевод словосочетаний с китайского языка на русский язык, на идентификацию и дифференциацию (например, подберите синонимы к выделенным словам, сопоставьте де-

финиции и слова); составление рассказов с включением юридических терминов. Данные упражнения позволяют сформировать навык сочетания новых терминов с ранее усвоенными лексическими единицами, осуществления эквивалентной замены терминов и т. д.

В работе по овладению юридической терминологией традиционно выделяют три этапа: ознакомление, тренировка и употребление при создании собственных высказываний. В зависимости от типа лексической единицы выбираются различные способы семантизации, например, с помощью антонимов, синонимов, с помощью речевой ситуации или контекста, наглядности и т. д.

Особого внимания требует работа с лексическими единицами, обозначающими юридические реалии (например, Народная вооружённая милиция Китая 中国人民武装警察部队, которая является составной частью Вооружённых сил КНР). В таких случаях для семантизации требуется перевод-толкование.

Важной принадлежностью юридического дискурса китайского языка выступают фразеологизмы, являющиеся неотъемлемым атрибутом национальной культуры. Необходимо учитывать, что они имеют терминологическое значение, например, 使用用途 (сфера применения), 物质损失 (материальный ущерб), 赔偿损失 (возместить ущерб), 无罪推定 (презумпция невиновности) и т. д.

Юридический дискурс китайского языка характеризуется жанровым многообразием, что должно учитываться в обучении. Так, в рамках юридического дискурса китайского языка выделяются публицистические, художественные тексты, а также различные виды нормативно-правовых документов: договоры, контракты, соглашения, уставы, законы, постановления и др.

В качестве критериев отбора текстов могут выступать их аутентичность, юридическая направленность, актуальность содержащейся в них информации, соответствие уровню владения обучающимися китайским языком, жанровое разнообразие и культурологическая насыщенность.

По мнению Е. Н. Солововой, в работе с любым текстом выделяют три основных этапа: дотекстовый, текстовый и послетекстовый. В качестве примеров упражнений на текстовом этапе она называет упражнения на подбор подходящего заголовка к абзацам, нахождение ответов на предложенные вопросы, на подтверждение правильности или ложности утверждений, на поиск предложения со словами или идиоматическими выражениями и т. д. [2].

Большую роль в обучении юридическому дискурсу китайского языка играет самостоятельная внеаудиторная работа студентов, включающая задания по изучению аутентичных текстов юридической направленности.

Итак, возросшее количество международных контактов закономерно повышает интерес к изучению юридического дискурса китайского языка. Он связан с определённой сферой деятельности, включает тексты различных жанров и обладает конкретной терминосистемой. В обучении юридическому дискурсу китайского языка необходимо учитывать его специфические особенности. В процессе работы с текстами юридической направленности студенты могут не только овладеть необходимой терминологией, но и приобрести фоновые знания, ознакомиться с реалиями и традициями страны изучаемого языка.

Список литературы

1. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5. С. 535–540.
2. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. М.: АСТ: Астрель, 2008. 238 с.
3. Устинова К. А. Судебный дискурс как разновидность юридического дискурса // Альманах современной науки и образования. 2011. № 3. С. 238–239.

О. А. Малых,

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия*

**Пути решения актуальных проблем
обучения произношению
в процессе преподавания китайского языка**

В статье приводится анализ современных проблем преподавания китайского языка в РФ с целью оптимизации данного процесса в целом.

Ключевые слова: методика преподавания китайского языка, обучение фонетике китайского языка, ЕГЭ по китайскому языку

О. А. Malykh,

*Moscow City Teacher Training University,
Moscow, Russia*

**The ways of solving actual problems
during teaching Chinese pronunciation**

The article provides an analysis of actual problems of teaching Chinese phonetics in Russia in order to optimize this process in general.

Keywords: methods of teaching Chinese, teaching Chinese phonetics, USE (EGE) in Chinese

В связи с расширением сферы политических, экономических и социальных взаимодействий между Россией и Китаем в российском обществе растёт интерес к изучению языка и культуры страны-соседа, как следствие, возрастает потребность в специалистах, владеющих китайским языком. Прагматизм мотивационных установок школьников, начинающих изучать китайский язык, легко объяснить: владение китайским языком раскрывает широкие возможности в плане трудоустройства в области государственной, коммерческой и других сфер деятельности [6, с. 400].

Любой, кто начинает изучать иностранный язык, сталкивается с рядом трудностей. В случае изучения китайского языка такого рода трудности связаны с освоением иероглифической письменности, постижением иного, с точки зрения типологической классификации, языка (в сопоставлении с родным или западноевропейским), погружением в мир восточной

культуры и т. п. Особого рода сложности, как показывают наблюдения преподавателей кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (далее – МГПУ), возникают при обучении студентов произносительной стороне речи на китайском языке.

Каковы причины, осложняющие процесс формирования и развития произносительных навыков у русскоязычных обучающихся, изучающих китайский язык? Одной из наиболее явных причин является отсутствие достаточного внимания к специфическим особенностям китайского языка при организации процесса обучения. А. М. Карапетьянц и Тань Аошуан отмечают, что «китайский язык, на котором говорит пятая часть населения земного шара, действительно является “другим”, его знаковая система пользуется иными способами кодирования» [5, с. 3]. Помимо сказанного, в процессе обучения китайскому языку зачастую не учитываются особенности фонетико-фонологической «привычки» обучающихся, сформированной при общении на родном языке, а также при изучении одного из индоевропейских языков (чаще всего английского), которая оказывает интерферирующее влияние на овладение новой принципиально иной произносительной способностью. Одновременно с этим не подлежат учёту особенности индивидуального свойства, накладывающие отпечаток на освоение как продуктивных произносительных, так и рецептивных слуховых навыков и умений, служащих основой для овладения китайским языком как средством межкультурного общения. Кроме того, слабо поддерживается мотивация обучающихся в процессе освоения произносительных особенностей китайского языка: она основана, преимущественно, на внешних стимулах, что, как известно, не приводит к необходимым результатам.

Можно с уверенностью сказать, что, по сравнению с другими восточными и, тем более, европейскими языками, фонетическая система китайского языка является одной из наиболее сложных для овладения иностранцами. Русскоязычные обучающиеся сталкиваются не только с нетипичными особенностями звуков и звукосочетаний, но и со специфическим

модулированием речи, изменением движения тона голоса на каждом слого [4, с. 6]. Необычной и неожиданной для русскоязычных учащихся зачастую бывает слоговая структура произносительной системы китайского языка [3, с. 28]. Структура слога в китайском языке также разительно отличается от структуры слога в русском языке. Если в русском языке слог может состоять из разного количества звуков, то в китайском – количество звуков не превышает четырёх. Последовательность гласных и согласных звуков в русском слого также разнообразна: в китайском языке каждый звук занимает отведённое ему место, на первом месте – согласный – инициал, за ним (чаще всего) – неслогообразующий гласный, затем – слогообразующий гласный и на четвёртом месте – конечный полугласный или носовой предикат [1, с. 4]. Кроме того в китайском слого не все звуки могут сочетаться между собой; существует ограниченное количество комбинаций – всего 418 слогов. Каждый слог, как правило, имеет значение и соответствует одному иероглифу. Это значение определяется не только звуковым составом слога, но и его тоном, который несёт смысловозначительную функцию.

Следующей немаловажной проблемой в обучении произносительному аспекту китайской речи при подготовке российских учащихся является *несовершенство самой системы преподавания китайского языка и отсутствие должного внимания к совершенствованию образовательного процесса в системе китаеведческого образования в России*. Данная проблема может быть разделена на несколько аспектов, среди которых наиболее важными, являются следующие:

1. *Недостаточная обеспеченность педагогическими кадрами*. Исторически сложилось так, что интерес к изучению китайского языка резко возрос, начиная с 1990-х гг., что было вызвано внешнеполитическими реформами КНР. Для удовлетворения данного интереса потребовалось большое количество специалистов, владеющих китайским языком. Но к концу 1980-х гг. в СССР «существовало немногим более десятка научных и университетских центров, где изучался Китай и готовились китаеведческие кадры» [7, с. 95]. Как следствие,

в систему высшего образования попали или недостаточно квалифицированные, или неопытные преподаватели, что не могло не отразиться на качестве подготовки новых специалистов. Что касается дня сегодняшнего, то количество высших учебных заведений, осуществляющих подготовку по направлениям бакалавриата и магистратуры в области педагогического образования, крайне мало, поэтому в школах зачастую работают специалисты, не имеющие специального педагогического образования, и иногда даже не имеющие образования лингвистического.

2. *Недостаток количества научных исследований и разработок в области методики обучения китайскому языку.* На сегодняшний день существует явная нехватка учёных-методистов, занимающихся данной проблематикой. Наиболее значимые работы в области методики обучения китайскому языку принадлежат Т. Л. Гурулевой, И. В. Кочергину, О. А. Масловец и Н. А. Деминой.

3. *Отсутствие универсального базового учебника для начального этапа освоения китайского языка в школе и вузе.* На проходивших в июне 2008 г. в МГПУ Первых международных методических сборах «Методика обучения китайскому языку: состояние и перспективы» впервые широко обсуждался вопрос о базовом учебном пособии для начального этапа обучения. Преподаватели-практики были едины во мнении о том, что в России «не существует универсального базового учебного пособия для начального этапа обучения... удовлетворяющего как требованиям большинства преподавателей китайского языка, так и потребностям обучаемых» [2, с. 90]. Под универсальностью учебника в основной и средней школе понимается его применимость как для школ, где китайский изучается как первый иностранный, так и в условиях изучения его как второго. В данный момент в подавляющем большинстве случаев все изучающие китайский язык, вне зависимости от возраста (и школьники, и студенты) на начальном этапе обучения преимущественно занимаются по учебнику «Практический курс китайского языка» под редакцией А. Ф. Кондрашевского, М. В. Румянцевой и М. Г. Фроловой, либо по учебникам,

созданным в КНР для иностранцев вне зависимости от национальности и переведённым на русский язык. Практика показывает, что такого рода учебно-методические пособия не учитывают родную культуру и родной язык учащихся, не отвечают потребностям российских школьников, не соответствуют требованиям нормативных документов, принятых в РФ.

4. *Отсутствие примерных программ основного общего и среднего полного образования по китайскому языку, утверждённых Министерством образования и науки РФ.* Каждое учебное заведение основного и среднего образования, где преподаётся китайский язык, разрабатывает свои рабочие программы без опоры на примерные программы, определяющие инвариантную часть учебного курса, как это бывает в случае с другими школьными предметами (иностранными языками, в частности). Отсутствие примерных программ порождает ситуацию, при которой учащиеся не способны к академической мобильности при переходе из одной школы в другую, а выпускники школ демонстрируют разный уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции во всех её составляющих. Данные факты имеют место из-за того, что сформулированных на федеральном уровне требований к предметным, метапредметным и личностным результатам обучения по предмету «Китайский язык» на каждом из этапов школьного образования просто не существует. В процессе разработки примерных программ по китайскому языку для школ сотрудники кафедры китайского языка МГПУ как члены рабочей группы столкнулись с рядом трудностей, которые в первую очередь логически вытекают из вышеуказанной проблемы отсутствия базового учебного пособия для российских школьников.

5. *Невозможность организации преемственности систем китаеведческого языкового образования средней общеобразовательной школы и вуза.* В стране существует большое количество средних школ, в которых изучается китайский язык, но на практике выбор данного языка только затрудняет для школьников путь к получению аттестата и выбору вуза для продолжения обучения. Сказанное обусловлено тем, что пока ещё не введён ЕГЭ по китайскому языку. На направления

подготовки в области китаеведения поступают по результатам ЕГЭ по другим иностранным языкам, чаще всего по английскому. Другими словами, на данный момент студенты, поступившие в вуз со знанием китайского языка после средней школы, учатся вместе с теми, кто учит китайский «с нуля».

На наш взгляд, работа по введению ЕГЭ по китайскому языку снимет и/или снизит остроту ряда вышеуказанных проблем, касающихся несовершенства самой системы преподавания китайского языка и отсутствия должного внимания к совершенствованию образовательного процесса в системе китаеведческого образования в России, что, безусловно, положительным образом скажется как на системе обучения китайскому языку в целом, так и на процессе формирования у обучающихся произносительных навыков китайской речи в частности. Благодаря разработке и внедрению ЕГЭ по китайскому языку:

- произойдёт привлечение внимания к проблеме нехватки педагогических кадров, владеющих китайским языком на профессиональном уровне;

- увеличится количество научных исследований и разработок в области методики обучения китайскому языку и числа учёных, занимающихся данной проблематикой;

- усилится интерес к разработке и созданию универсального базового учебника для начального этапа освоения китайского языка в школе;

- активизируется работа по разработке примерных программ основного общего и среднего полного образования по китайскому языку и унификации требований в области ожидаемых результатов обучения;

- будет обеспечена преемственность между системами китаеведческого языкового образования разных уровней.

Существование вышеперечисленных проблем обуславливает актуальность и перспективность исследования с научной и практико-технологической точек зрения проблемы поиска, разработки и внедрения новаторских идей в области совершенствования процесса обучения китайскому языку в нашей стране и введению Единого государственного экзамена по китайскому языку.

Список литературы

1. Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка: учеб. пособие для студ. пед. вузов по спец. «Иностранный язык». М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. 207 с.
2. Гурулева Т. Л., Макаров А. В. Высшее языковое образование в России: проблемы подготовки китаеведов // Высшее образование в России. 2013. № 8/9. С. 88–94.
3. Демина Н. А. Методика преподавания практического китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2006. 88 с.
4. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. 1. 5-е изд. испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. 304 с.
5. Карапетьянц А. М., Тань Аошун. Учебник китайского языка: новый практический курс: в 2 ч. Ч. 1. М.: Восточная литература, 2003. 640 с.
6. Малых О. А., Тарева Е. Г. Китайский язык: далёкий и близкий // Перспективы науки-2015: сб. докладов I Междунар. заочного конкурса науч.-исслед. работ. Казань, 2015. С. 400–405.
7. Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.

УДК 372. 881.1

С. В. Науменко, Цзоу Хун

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Развитие когнитивных навыков у китайских детей и специфика китайского языка

В статье авторы делают обзор основных особенностей освоения грамотности китайскими детьми в условиях приобретения навыков чтения и письма в различных китаеязычных обществах.

Ключевые слова: *когнитивные навыки, навыки чтения, навыки письма, фонологическая система, иероглиф, традиционное написание, упрощённое написание*

S. V. Naumenko, Tszou Khun,
Zabaikalsky State University,
Chita, Russia

Cognitive skills development in Chinese children and specifics of the Chinese language

In the paper the authors survey the basics of Chinese literacy development, considering the environments in which reading and writing are taught across different Chinese societies.

Keywords: *cognitive skills, reading comprehension, writing achievement, phonological system, Chinese character, traditional script, simplified script*

Условия, в которых дети приобретают навыки чтения в различных китаеязычных обществах, в значительной степени отличаются друг от друга. Наиболее явное отличие связано с существованием двух вариантов китайского иероглифического письма – традиционного (繁体字) и упрощённого (简体字). Первый вариант используется на Тайване и в Гонконге, в то время как второй вариант преобладает в континентальном Китае (КНР) и в Сингапуре.

В данной статье мы не останавливаемся на отличительных особенностях этих двух вариантов, т. к. они в достаточной степени описаны в нашей синологической литературе [1]. Вопрос же о том, насколько упомянутые варианты иероглифического письма затрудняют или упрощают развитие навыков чтения, исследован ещё недостаточно.

В одном из исследований проводилось сравнение умения распознавать иероглифы в связи с другими когнитивными навыками у детей из континентального Китая и Гонконга, в котором первые оказались сильнее во всём, что связано с навыками визуального восприятия [9]. Результаты исследования оказались несколько неожиданными, поскольку дети из Гонконга опережали своих сверстников из КНР в развитии прочих когнитивных навыков, таких как навыки фонологического восприятия, номинации и узнавания отдельно взятых иероглифов вне связи с навыками чтения.

Как следует из результатов данного исследования, упрощённые иероглифы требуют большего внимания и больших

усилий для узнавания, чем традиционные. По-видимому, это связано с тем, что традиционные иероглифы состоят из гораздо большего количества графических элементов, что делает их внешний облик более сложным и разнообразным и тем самым облегчает их идентификацию в результате визуального восприятия. Следует отметить, что наблюдается обратная зависимость сложности графического облика и навыков письма, вызванная теми же самыми причинами.

Другая существенная особенность – это использование различных систем фонетической записи иероглифов при обучении чтению. В КНР и Сингапуре такой системой является созданный на основе латинской графики транскрипционный алфавит пиньинь (拼音), на Тайване – это азбука чжуинь цзыму (注音字母) и, наконец, в Гонконге обучают чтению иероглифов непосредственно, без помощи какой-либо вспомогательной транскрипции. Принципиальное отличие пиньинь и чжуинь цзыму, гораздо более существенное, чем различие в их графическом облике, заключается в том, что при их помощи фиксируются различные единицы фонетической системы языка – в первом случае фонемы, во втором же случае – инициали и финали слогов, далеко не всегда выраженные отдельно взятыми фонемами. Что же касается Гонконга, то там дети вынуждены заучивать иероглифы механически, совмещая в сознании некий визуальный образ и соответствующий ему фонетический комплекс, не разлагаемый на элементы. Безусловно, это требует гораздо больших усилий и работы памяти, что не может не отразиться на эффективности развития навыков чтения и письма.

Исследователи отмечают, что в целом дети из Гонконга уступают своим сверстникам из других китайязычных сообществ в освоении фонологической системы языка [7]. Дело осложняется ещё и тем, что слог, записанный при помощи пиньинь, обязательно включает маркер тона, таким образом способствуя усвоению тонального рисунка новых иероглифов и слов. Гонконгские дети лишены такого вспомогательного средства, в то время как тоновая система кантонского диалекта (粤语) значительно сложнее тоновой системы путунхуа

(普通话), т. к. насчитывает от шести до девяти тонов, по данным разных исследователей. Иногда преподаватели китайского языка в школах Гонконга прибегают к методу разложения иероглифа на составные части, привлекая внимание учеников к тому, что фонетик может служить указателем, хотя бы приблизительным, на чтение целого иероглифа. Этот метод напоминает использование транскрипционных алфавитов, поскольку в основе его также находится анализ, только не анализ слога как фонетической оболочки морфемы или слова, а анализ иероглифа – оболочки графической. Но это лишь попытки отдельных учителей сделать процесс обучения иероглифике, а значит и чтению, более эффективным. Подобный метод не разработан должным образом, не является обязательным и не включён в учебные программы [4].

Помимо вариантов иероглифической письменности и наличия или отсутствия вспомогательных алфавитных систем письма для китайской иероглифики, важным фактором является собственно сам язык, которому обучают и на котором ведётся преподавание в школе. Для континентального Китая это государственный язык путунхуа. Отмечается, что, например, в Пекине это не только язык школьного обучения, но его использует большинство жителей в домашней и других сферах общения. В других регионах Китая, например, в Шанхае, хотя и используются свои диалекты (которые часто называют отдельными языками), но языком школьного образования всё-таки остаётся путунхуа. Аналогичная ситуация наблюдается на Тайване и в Сингапуре. Явным контрастом здесь выступает Гонконг, в котором дети не только дома, на улице, но и в школе пользуются кантонским диалектом. Однако даже в Гонконге письменный китайский язык тяготеет к грамматической структуре путунхуа, что создаёт для учеников проблему некоторого диссонанса между устной и письменной формами родного языка [5].

Уникальность китайской письменности определяет такую отличительную особенность становления когнитивных навыков, в частности навыков чтения, как отсутствие непосредственной связи между графическим обликом иероглифа и его

фонетической оболочкой. Как показывают многочисленные исследования, приобретение фонологических навыков, другими словами, овладение звуковой системой языка, напрямую зависит от способности узнавать иероглифы, и это справедливо для любого китаеязычного сообщества, независимо от того, использует ли оно вспомогательные алфавитные системы письма. Так, некоторыми исследователями [6; 10] было выявлено, что способность распознавать слоги у гонконгских детей влечёт за собой формирование навыков чтения слов, что демонстрирует двустороннюю зависимость между узнаванием иероглифов и распознаванием слогов. Способность распознавать отдельные фонемы не имеет столь тесной связи со способностью чтения слов, как способность распознавать целые слоги. Это справедливо даже для континентального Китая, где, как известно, используется фонемный транскрипционный алфавит пиньинь.

Любопытно отметить специфику способности распознавать морфемы (это ещё один когнитивный навык, наряду с распознаванием фонем, слогов и узнаванием иероглифов) китайского языка. Специфика эта состоит в том что, в отличие от индоевропейских языков, три разноплановые языковые единицы, а именно слог, морфема и иероглиф в китайском языке получают материальное выражение в одной комплексной единице, именуемой в классической китайской филологии 字. В российской синологии для обозначения данной единицы употребляется, в частности, термин «первичная лексема» [3]. Эта единица представляет собой трёхсторонний комплекс, в котором иероглиф является графической оболочкой, слог – фонетической, а поскольку этот комплекс наделён семантикой, он является ещё и морфемой. Данное явление хорошо известно в российском и советском китаеведении как закон морфологической значимости слогаделения [2]. Таким образом, китайские дети, овладевая перечисленными выше когнитивными навыками, автоматически овладевают и навыком распознавания морфем.

Можно сделать вывод, что специфика китайской иероглифической письменности является одним из важнейших

факторов, определяющих темпы овладения детьми грамотностью, включая как навыки чтения, так и письма. Здесь имеется, прежде всего, структура иероглифа, наличие в нём такого компонента, как фонетик. Это подтверждается результатами исследования, проведённого с участием учеников 4-го класса, родным языком которых является путунхуа. Им были предложены для запоминания новые иероглифы трёх различных категорий: 1-я категория – иероглифы с фонетиком, полностью совпадающим по звучанию, включая инициаль, финаль и тон, со звучанием целого иероглифа (полные омофоны); 2-я – иероглифы, у которых инициаль и финаль фонетика были одинаковыми с этими же элементами целого иероглифа, но различными были тоны (частичные омофоны), или же иероглифы, в которых у фонетика и целого иероглифа были одинаковые финаль и тон, но разные инициали; 3-я – иероглифы без фонетика, или где он не даёт указание ни на один элемент иероглифа. Выяснилось, что дети легче усваивают иероглифы 1-й категории, а труднее всего иероглифы 3-й категории. Что касается 2-й категории, то легче для запоминания оказались иероглифы с разными тонами, но одинаковыми инициалами и финалями.

Таким образом, существует неразрывная связь между особенностями фонетической системы какого-либо языка, типом письменности, используемым данным языком и развитием когнитивных навыков чтения и письма, которая обязательно должна учитываться практической методикой преподавания этого языка даже в качестве родного.

Список литературы

1. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 638 с.
2. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Теоретическая грамматика современного китайского языка: проблемы морфологии. М., 1979
3. Семенов А. Л. Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000. 320 с.
4. Cheung H. & Ng K. H. Chinese reading development in some major Chinese societies: An introduction. In C. McBride-Chang & H.-C. Chen (eds), Reading development in Chinese children. Westport, CT: Greenwood, 2003.

5. Chow B. W.-Y., McBride-Chang, Cheung C., H. & C. Chow. Dialogic reading and morphology training in Chinese children: Effects on language and literacy // *Developmental Psychology*. 2008. Vol. 44. P. 233–244.
6. Ho C. S.-J-1. & Bryant P. Learning to read Chinese beyond the logographic phase // *Reading Research Quarterly*. 1997. Vol. 32. P. 276–289.
7. Holm A. & Dodd B. The effect of first written language on the acquisition of English literacy // *Cognition*. 1996. Vol. 59/1. P. 19–147.
8. Huang H. S. & Hanley J. R. Phonological awareness and visual skills in learning to read Chinese and English // *Cognition*. 1995. Vol. 54. P. 73–98.
9. McBride-Chang C., Chow B. W.-Y., Zhong Y.-P., Burgess S. Chinese character acquisition and visual skills in two Chinese scripts. // *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2005. Vol. 18. P. 99–128.
10. Siok W. T. & Fletcher P. The role of phonological awareness and visual-orthographic skills in Chinese reading acquisition // *Developmental Psychology*. 2001. Vol. 37. P. 886–899.

УДК 811.581.11

A. B. Sereda,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Анализ предложения
как топико-комментариевой структуры
в практике обучения переводу с китайского языка**

В статье в методическом аспекте рассматривается проблема понимания учащимися грамматической структуры китайского предложения в процессе учебного перевода. Автор указывает на целесообразность анализа структуры больших по объёму предложений через категории «топик» и «комментарий» и при помощи конкретных примеров показывает некоторые приёмы сегментации предложений при переводе.

Ключевые слова: *топик, комментарий, многоуровневый синтаксический анализ, синтаксические маркеры*

A. V. Sereda,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

**The topic-comment analysis on teaching practical
Chinese-Russian translation**

The article deals with the problem of anticipation of the Chinese sentence structures by the students in studying translation. The author proposes to

apply topic-comment analysis when large and complicated sentences are translated. By the means of specific examples the author points out some methods of topic-comment segmentation in the translation.

Keywords: *topic, comment, hierarchical analysis of the sentence, syntactic markers*

Изучение грамматических основ иностранного языка – необходимый элемент учебной программы подготовки переводчиков. Для студентов, изучающих китайский язык, особую трудность представляет понимание специфики его организации. В результате преподавателям часто приходится сталкиваться с механическим переносом грамматических особенностей русского языка на китайский текст. Указанная специфика языка предопределена его изолирующим строем, фиксированным нормативным порядком слов в предложении, устойчивыми закономерностями прагматической организации высказывания. Современная практическая грамматика иностранного языка неотделима и от значения языковых единиц (изучая их семантические функции) и от ситуаций речевой коммуникации (изучая прагматические составляющие речи, т. е. комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации) [2, с. 64–73]. Применительно к китайскому языку современный подход к грамматическому описанию успешно реализуется в исследованиях по функциональной грамматике, а также в описании предложений китайского языка как топики-комментариевых структур.

В самом общем виде топик можно понимать как задаваемую говорящим тему высказывания, как нечто данное, известное из речевого и/или ситуативного контекста, а комментарий – как значимую для слушателя информацию о топике. Разумеется, для студентов языковых специальностей и направлений подготовки понятия топика и комментария в теоретическом аспекте должны раскрываться шире и глубже: в сопоставлении с категориями актуального членения (тема и рема) и логико-семантического анализа (логический субъект и логический предикат). В контексте практического обучения грамматике и переводу вполне разумно и целесоо-

бразно использовать понятия «топик» и «комментарий» для обозначения категорий 主语 и 谓语, под которыми китайские грамматисты подразумевают подлежащее и сказуемое не как отдельные слова, но как группы слов, объединённых внутренними связями [1].

Типичная ошибка обучающихся при переводе развёрнутых предложений китайских текстов публицистического стиля состоит в отождествлении грамматического подлежащего с отдельным словом, предположительно обозначающим субъект действия. Такое понимание структуры естественно происходит из привычного линейного грамматического анализа как процедуры установления связей между главными членами предложения. В таком случае требуется выделить отдельные слова, которые выступают в роли главных членов предложения, но сам поиск этих слов в рамках большого предложения со сложной структурой часто вызывает затруднения, особенно при первичном восприятии структуры, когда обнаруживается сразу несколько незнакомых слов. Учащимся необходимо усвоить, что слово в китайском предложении часто функционирует не отдельно, а в составе словосочетания [5, с. 198–202]. При таком рассмотрении предложение состоит из блоков, объединённых между собой связями определённых типов, причём эти связи реализуются на разных уровнях. На этом принципе китайские лингвисты давно разработали процедуру многоуровневого (ярусного) анализа, которую удобно использовать при переводе предложений с китайского языка [3, с. 108–110]. Полное предложение на верхнем уровне такого анализа разбивается на топик и комментарий. Понимание комментария как группы слов, включающей одно или несколько словосочетаний, возникает у обучающихся относительно естественно, в то время как выделение топика требует отхода от привычного восприятия структуры. Соответственно, в процессе обучения переводу необходимо уделить дополнительное внимание при формировании навыков топики-комментариевого анализа.

Анализ предложения посредством выделения топика и комментария выступает эффективным средством перевода

с китайского языка там, где топик (主语) выражен не отдельным словом или относительно простым именованным словосочетанием атрибутивного типа, а более сложным комплексом.

Подробно рассмотрим следующий пример предложения научно-публицистического стиля: “如何才能得到准确的分析结果，这就需要明白产品设计的各个因素”。*«Для того чтобы добиться достоверных результатов анализа, необходимо понять все разнообразные факторы, которые влияют на дизайн изделий».* Здесь, несмотря на использованную в переводе сложноподчинённую форму с придаточным цели, исходное предложение представляет собой топико-комментариевую структуру, поэтому возможен и другой вариант перевода: *«Получение достоверных результатов требует понимания...».*

Понимание первой части предложения как топика затруднено присутствием в ней вопросительного местоимения 如何 и сочетания 才能, которое обычно служит маркером условной конструкции в сложноподчинённом предложении. Перевод предложений такого рода целесообразно начинать со второй части, где содержится основной глагол-сказуемое. Запятая в подобных предложениях служит маркером, отделяющим топик от комментария, а не маркером сложноподчинённой конструкции, как часто ошибочно воспринимается учащими. В первой части нужно, прежде всего, выделить пару «глагол – объект», после чего определить позиции всех остальных компонентов топика.

Внимание обучающихся следует также обращать на лексические маркеры-разделители топика и комментария, в качестве которых часто выступают, например, служебные наречия 都, 就, 还, а также модальные глаголы в начале второй части предложения (комментария).

Отметим, что в практике перевода текстов современных китайских СМИ и научно-популярных изданий нередко приходится сталкиваться с примерами отхода их авторов от изложенных в пособиях грамматических норм. В таких случаях умение верно определить границы топика позволяет либо согласовать структуру предложения с конвенциональной нормой, либо оценить данную структуру как ошибочную, уяснив при этом заложенный в предложении смысл.

Важно донести до обучающихся, что топик может быть выражен как именной, так и предикативной группой разной степени сложности, иногда полным предложением, где обозначенный или скрытый субъект действия может совпадать, а может и не совпадать с субъектом действия для комментария.

Необходимо также указать, что топик может быть представлен за пределами данного предложения – в предыдущем предложении, часто в начале абзаца, когда весь абзац посвящён теме, заявленной топиком. В таких случаях точка в конце китайского предложения служит лишь целям разбивки одного длинного высказывания для облегчения его восприятия [4, с. 218–224]. В этом заключается ещё одна специфическая особенность китайского письменного текста, затрагивающая смысловую и грамматическую структуру предложения.

Обучение выделению топика и комментария, помимо развития навыков сегментации предложения в практическом переводе, способствует также формированию умения возводить поверхностные структуры к глубинным, учит видеть за планом выражения план содержания. Такое умение переводчика развивается и углубляется с обретением опыта и позволяет гибко оперировать разнообразными средствами и приёмами перевода в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. М.: Восток–Запад, 2006. 192 с.
2. Панфилов В. С. Коммуникативный синтаксис китайского языка // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 64–73.
3. Huang James C.-T., Li Audrey Y.-H., Li Yafei. The syntax of Chinese. New York: Cambridge University Press, 2009. 391 p.
4. Чи Чанхай. Сяньдай ханьйюй фа сюэ цзяочэн = Курс по стилистической грамматике современного китайского языка. Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянского ун-та, 2002. 324 с.
5. Фэн Вэйган. Шиюн дуйвай ханьйюй цзяосюэ фанфа юй цзицяо = Методика и приёмы преподавания китайского языка как иностранного. Пекин: Туаньцзе, 2014. 248 с.

О. Ц. Соктоева,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Краеведческий аспект
в подготовке бакалавра в языковом вузе**

В статье представлено содержание курса «Краеведение Забайкалья», где автор раскрывает особенности преподавания данного курса в вузе как регионального компонента, который значим в профессиональном становлении специалистов. Содержание курса нацелено на формирование у студентов установки на причастность к истории и культуре родного края и своей страны, тем самым усиливает роль регионального компонента в формировании профессиональной компетенции будущих специалистов.

Ключевые слова: *краеведение, региональный компонент, содержание курса, формирование профессиональной компетенции*

O. Ts. Soktoyeva,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

**Regional aspect of a bachelor's training
in philological departments of higher educational institutions**

The article presents the course content of Transbaikal Region Studies, where the author reveals singularities of teaching of this particular course at the university as a regional component, which is significant in professional development of the specialists. The course content is aimed at developing students installation to the involvement to the history and culture of the native land and country, thereby it strengthens the role of a regional component in the formation of professional competence of the future experts.

Keywords: *course content, regional component, formation of professional competence*

В данной статье рассматривается проблема изучения краеведческого материала студентами по направлению подготовки «Лингвистика» профиля «Перевод и переводоведение» и «Педагогическое образование» профиля «Иностранные языки».

Сегодня термин «краеведение» в учебных программах всё чаще заменяют термином «региональный компонент». Краеведение как самостоятельный предмет исчезло из программ

институтов филологического направления, но преподаётся во многих средних и высших учебных заведениях как курс по выбору.

Введение национального регионального компонента в систему вузовской подготовки способно решать ряд задач, направленных на воспитание уважения к культурным ценностям и традициям Забайкалья и формирование толерантности и уважительного отношения к представителям других культур, проживающих на территории нашего края.

Основой для курса служит учебное пособие «Краеведение Забайкалья», подготовленное авторским коллективом преподавателей кафедры китайского языка ЗабГУ О. Ц. Соктовой и Е. А. Юйшиной. Тексты составлены на китайском языке и предназначены для студентов, изучающих китайский язык на факультете филологии и массовых коммуникаций. основополагающим подходом при отборе текстов стал лингвострановедческий подход, который позволил распределить текстовый материал следующим образом: переводные тексты описательного характера краеведческой тематики; переводные тексты высокой информативности содержания о России, Забайкальском крае, АБО, по истории Читы, природе и климату Забайкалья, о декабристах в Чите, об архитектурных сооружениях и исторических памятниках. К каждому тексту составлен словарь реалий, способствующих адекватному переводу лексических единиц, которые вызывают наибольшую трудность.

Предтекстовые упражнения направлены на овладение новой лексикой в фонетической и иероглифической записи, текст каждой темы носит аналогичное название и оснащён системой контекстных упражнений, направленных на обработку навыков чтения, письма и говорения. Имеются упражнения на рендеринг по аналогичной теме, завершением этой работы могут быть задания на составление рассказа соответствующей тематики.

Историко-культурологический аспект обусловлен включением в пособие текстов, позволяющих сформировать представление о прошлом Забайкалья, его культурных традициях.

В тесной связи с историко-культурологическим аспектом выступает филологический аспект, выражающийся в анализе, интерпретации текстового материала на основе заданий, позволяющих раскрыть содержание прочитанного. Это могут быть вопросы и задания творческого характера: подготовка презентаций, перевод текста с русского на китайский язык; перевод туристических рекламных проспектов; подготовка словариков по изученным темам. Эти задания позволяют продемонстрировать не только определённые навыки понимания текста, но и способности интерпретировать и креативно осмысливать предложенный материал.

Предпереводческий и последующий перевод текстов учебного пособия способствует формированию у студентов прагматической части переводческой компетенции, позволяющей определить диапазон видов перевода, стилей текста и тем. Перевод краеведческих текстов даёт возможность соединить изучение иностранного языка, в частности китайского языка, и культуры в процессе развития коммуникативной компетенции.

Осмысление феномена краеведения сегодня необходимо и с точки зрения социокультурного подхода при историческом анализе учебного материала по краеведению, т. к. позволяет выявить эффективные механизмы формирования краеведческого дискурса.

Задача краеведческого образования представляется в совокупности процесса обучения, воспитания и развития личности по приобретению знаний об истории и культуре своей страны; воспитанию чувства любви к Отечеству, к своей земле, родному краю, гордости за достижения культуры прошлого и настоящего; формированию моральной ответственности за будущее своей малой и большой Родины.

Развитие интеллектуальной сферы – это развитие способности к поисково-исследовательской деятельности. Развитие эмоциональной сферы – это эстетическое восприятие и оценка памятников культуры, литературы, местных обычаев и традиций. Развитие волевой сферы – это формирование убеждения в ценности и значимости культурных традиций родного

края, стремления к распространению краеведческих знаний и личному участию в практических делах по сохранению и защите социокультурной среды.

Данное учебное пособие носит комплексный характер: в рамках регионального компонента позволяет реализовать различные подходы в изучении дисциплины, соединить изучение иностранного языка и культуры в процессе развития коммуникативной компетенции обучения.

Список литературы

1. Абросимова О. Л. Лингвистическое краеведение Забайкалья: учеб.-метод. пособие. Чита: ЗабГГПУ.
2. Боброва И. А., Емельянова Т. Я., Костина И. Н. Наш край Забайкалье: учеб. пособие // Успехи современного естествознания. 2010. № 2.
3. Пирожков Г. П. Теория краеведения. СПб., 2005.
4. Соктоева О. Ц. Краеведческий аспект изучения китайского языка в вузе // Филологическое образование в вузе и школе: традиции и перспективы: материалы науч.-практ. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2006. С. 145–148.
5. Соктоева О. Ц., Юйшина Е. А. Краеведение Забайкалья: учеб. пособие для 4-го курса. 2-е изд., доп. Чита: ЗабГГПУ, 2011. 168 с.

УДК 378.016:81.571

А. А. Шахаева,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Реализация лингвокогнитивного подхода в обучении китайским базовым глаголам направления движения

В статье предложен лингвокогнитивный подход в обучении китайским базовым глаголам направления движения на начальном этапе обучения, который заключается в управлении познавательным процессом при овладении иноязычной лексикой.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, лингводидактика, китайский язык, глаголы направления движения*

*A. A. Shakhayeva,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Lingvocognitive approach implementation in teaching Chinese basic verbs of motion

The given article discusses the implementation of the lingvocognitive approach when teaching Chinese basic verbs of motion at elementary Chinese level. This approach presupposes managing the cognitive process when mastering foreign vocabulary.

Keywords: *Cognitive linguistics, interaction, intercultural dialogue, cultural globalization*

Любые достижения в науке о языке дают возможность выработать новые подходы и в области лингводидактики. Результаты научных изысканий в области когнитивной лингвистики также нашли своё применение в методике преподавания иностранных языков.

Данная статья посвящена описанию метода обучения иностранному языку с применением концепции когнитивной лингвистики, в частности, использованию лингвокогнитивного подхода в обучении китайским глаголам направления движения (вслед за Л. В. Богомоловой, мы разделяем психокогнитивный и лингвокогнитивный подходы в методике обучения иностранным языкам).

Любой познавательный процесс, процесс усвоения обучающимся знаний является когнитивным процессом, поэтому основной задачей при обучении является организация познавательной деятельности, а именно, управление познавательным процессом.

Лексика иностранного языка представляет определённую сложность для восприятия и понимания в силу ряда причин: полисемичности, омонимичности, сочетаемостной специфики. Как правило, помимо указанных причин, процесс освоения лексики усложняет также и интерферентное влияние родного языка. В данной связи, при обучении иноязычной лексике необходимо учитывать все особенности семантики и управлять вербализацией смыслового содержания на иностранном языке.

ке. В качестве примера рассмотрим китайские базовые глаголы направления движения, при изучении которых у обучающихся возникает ряд трудностей.

В традиционном представлении глаголы выражают действие, состояние или процессы, поэтому значения базовых глаголов направления движения 来 и 去 в учебниках по китайскому языку часто представлены русскими глаголами *приходить* и *уходить/идти*.

С когнитивной точки зрения в семантике глаголов отражена целая процессуальная ситуация или событие. Глаголы направления движения – лексемы, обозначающие ситуацию движения, в которой обязательно наличие говорящего и субъекта движения – фигуры (иногда говорящий может совпадать с фигурой). Фигура перемещается по маршруту L1–L2 относительно какого-либо ориентира движения – фона, где L1 – начальная точка движения, а L2 – конечная точка движения. Данная ситуация показывает местонахождение говорящего по отношению к фону. Важно заметить, что говорящий может являться как сторонним наблюдателем за ситуацией движения, так и выступать участником ситуации движения. В случае, когда говорящий выступает участником ситуации, его местонахождение может совпадать с фоном, а может и не совпадать. Исходя из данного определения, можно сделать важный вывод, о том, что для китайских глаголов направления движения важен фон, по отношению к которому совершается движение, а также говорящее лицо, которое описывает ситуацию [9, с. 28].

В русском языке, исходя из типологических особенностей, группа глаголов направления движения не выделяется: направленность эксплицируется в приставках и предлогах (русский язык относится к языкам сателлитного типа, где сема маршрута движения содержится в сателлите [11]). Таким образом, указанные русские глаголы не являются полными эквивалентами китайских единиц 来 и 去.

Если исходить из подхода неуправляемой вербализации смыслового содержания на иностранном языке, то обучаемые на начальном этапе, в большинстве случаев, неправильно вы-

бирают слова для вербализации смысла, по причине того, что слова с глагольным значением русского и китайского языков, на первый взгляд, имеют равнозначные семантические особенности.

В связи с этим рационально использовать подход, предложенный Е. Г. Беляевской в статье «Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков», который предлагает вводить информацию о неких образах или неких картинках, стоящих за семантикой слова. Тогда в процессе коммуникации обучаемые при выборе нужного слова будут исходить не из соответствующей единицы родного языка, а из ментальной картинки, т. е. будут миновать стадию внутреннего перевода с родного языка.

На начальном этапе обучения нами предлагаются следующие схемы, представленные на рисунках 1 и 2, в которых обозначен набор компонентов значения базовых глаголов направления движения 来 и 去, где:

○ – фон (ориентир движения);
⇒ – маршрут движения

Рис. 1. Глагол 来

Рис. 2. Глагол 去

Рисунок 1 отражает процессуальную ситуацию движения, которая содержится в значении глагола 来: фигура (субъект движения) движется по маршруту в направлении к ориентиру движения. Рисунок 2 отражает процессуальную ситуацию движения, которая содержится в значении глагола 去: фигура (субъект движения) движется по маршруту в направлении от ориентира движения.

Как видно из данных схем, в семантике каждого глагола содержится целая процессуальная ситуация направленного движения, которая включает в себя такие компоненты, как

фигура (субъект движения), фон (ориентир движения), маршрут движения и говорящего. Поэтому китайские глаголы направления движения не сочетаются с предлогами направления и после себя обязательно требуют локатив (фон), т. е. существительное или местоимение со значением места.

Русские глаголы приходить и уходить/идти в своей семантике также отражают процессуальные ситуации, но набор компонентов значения отличается от китайских глаголов, поэтому, на наш взгляд, для эффективного предупреждения интерферентных ошибок при обучении глаголам направленного движения на семантическом уровне, значение каждого глагола группы глаголов направления движения следует представлять как изображение (картинку) целой процессуальной ситуации направленного движения и вводить информацию о каждом компоненте их сложного значения. И как результат – в процессе письменной или устной коммуникации на китайском языке обучаемые будут миновать родной язык и исходить из ментальной картинки, передающей значение глагольной единицы.

Список литературы

1. Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 5. С. 76–83.
2. Богомолова Л. В. Когнитивность и псевдокогнитивность в обучении иностранным языкам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pglu.ru/upload/iblock/8be/uch_2011_ix_00002.pdf (дата обращения: 28.08.2016).
3. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
4. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. 2. 2-е изд., стереотип. М.: Восточная книга: Восток–Запад: Муравей, 2004. 336 с.
5. Китайский язык = 汉语新目标第一册 Т. 1. Новый объект. Пекин, 2004.
6. Колядина Н. А. Грамматическая интерференция в процессе обучения многоязычию // Университетские чтения-2011: материалы науч.-метод. чтений. Ч. IX. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 49–53.
7. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.

8. Шахаева А. А. Семантика базовых глаголов направления движения 来 и 去 // Вестник Бурятского госуниверситета. 2012. Вып. 8. С. 113–118.
9. Шахаева А. А. Типология глаголов направления движения (на материале бурятского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02.22. Улан-Удэ, 2014.
10. Шахаева А. А. Предупреждение семантической интерференции при обучении китайским глаголам направления движения // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016. С. 322–324.
11. Talmy Leonard. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Grammatical categories and the lexicon. 1985. Vol. III. P. 57–149.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.581

*Н. Л. Адилханян,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Бестиарий «Шань хай цзин» («山海经») как феномен китайской культуры

Статья посвящена антропологическим и аксиологическим подходам к пониманию культуры, особой значимости исследований этнокультуры с этих позиций, а также актуальности изучения бестиария «Шань хай цзин» как литературного жанра, отражающего этнокультуру и этносознание древних китайцев.

***Ключевые слова:** этнокультура, этносознание, мифология, миф, бестиарий, «Шань хай цзин»*

*N. L. Adilkhanyan,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Bestiary “Shan hai jing” («山海经») as a phenomenon of Chinese culture

The article is devoted to anthropological and axiological approaches to understanding culture, ethnic culture research of special significance to these positions, as well as the relevance of the study bestiary “Shan Hai Jing” as a literary genre, reflecting the ethnic culture and ethnic consciousness of the ancient Chinese.

***Keywords:** ethnic culture, ethnic consciousness, mythology, myth, bestiary, “Shan Hai Jing”*

Китайская цивилизация является единственной из древнейших цивилизаций, которая развивается непрерывно в течение нескольких тысячелетий и существует в настоящее время.

Наличие письменности уже на ранних стадиях становления китайской цивилизации сделало её неотъемлемой частью этнокультуры и этносознания жителей Древнего Китая, позволив им описывать окружающий мир, события и фиксировать информацию.

Ю. В. Бромлей вывел два определения понятия этнического самосознания: в узком смысле, это осознание принадлежности к определённой этнической группе, в широком («образ мы») – это представления людей о культуре, языке, историческом прошлом своего народа, в том числе и о государственности, территории, представление о характерных чертах своей группы. Эти представления находят своё отражение в литературе, мифах, легендах, произведениях художественного творчества [1].

Антропологический и аксиологический подходы к пониманию культуры, а также осознание особой значимости исследований этнокультуры с этих позиций, делают актуальным изучение бестиария как литературного жанра, отражающего этнокультуру и этносознание.

Исходя из сказанного, исследование древнекитайского письменного памятника по мифологии «Шань хай цзин» («山海经» – «Канон гор и морей») играет важную роль для понимания этносознания и этнокультуры ханьцев (основной этнической группы Китая). «Шань хай цзин» является самым ценным источником по мифологии Древнего Китая, своеобразным бестиарием-путеводителем.

Данное сочинение датируется IV–I вв. до н. э., однако, исследования и споры о датировке памятника не прекращаются до сих пор. Становясь объектом изучения как китайских учёных (с древнейших времён), так и западных синологов (XIX–XX вв.), сочинение датировалось и временем правления династии Ся (согласно мифолого-исторической традиции, 2700 г. до н. э.), и подделкой эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), и компилятивным трудом ряда авторов эпохи Хань. Также были высказаны версии, что части «Шань хай цзин» были написаны в разное время и разными авторами, а затем собраны воедино. Автор сочинения также неизвестен, есть предположение, что авторов несколько.

Согласно легенде, бестиарий был выгравирован на девяти священных сосудах Бо И, и с них позднее были списан текст «Шань хай цзин» и срисованы изображения описанных в нём антропоморфных, зооморфных существ и флоронимов. Самому же персонажу Бо И отводится роль помощника Да Юй (Великий Юй), легендарного победителя мирового потопа.

«Шань хай цзин» известен в редакции Го Пу (276–324 гг. н. э.) и возводится к традиции Лю Синь, который жил в конце I в. до н. э. – начале II в. н. э., однако сейчас есть только предисловие, Лю Синь же называется автором второй части бестиария либо некоторых глав (свитков) из неё.

Одной из загадочных сторон данного сочинения является тот факт, что, исходя из самого названия, «Шань хай цзин» – является каноном (канонической книгой, трактатом), но не включается в «Тринадцатиканоние» («十三经»). Каноны (канонические книги) – 经 – первичное значение знака – «основа [ткани]» («нить основы», «продольные нити ткани», «основной»), а затем образованы переносные значения – «каноническая книга (классический (основополагающий) труд), «классики», «основополагающий трактат», «книга конфуцианского канона») – в культуре Китая являются произведениями, которые отражают духовные, философские, религиозные основы китайского общества. «Тринадцатиканоние» («十三经») представляет собой 13 древних канонических сочинений, которые и легли в основу традиционных мировоззренческих установок.

Логичным было бы внесение и «Шань хай цзин» в число подобных сочинений, исходя из того, что использование знака 经 не могло быть окказиональным при именовании данного сочинения, по причине важности и серьёзности отношения к самому процессу именованию в Китае (как в древнем, так и в современном). Возможно, ответом на эту «загадку» является само содержание «Шань хай цзин», которое являет собой синкретическое сочинение, которое ближе к мифологическому и прото-научному трактату, чем к философскому и религиозному.

По своему содержанию «Шань хай цзин» представляет собой, с одной стороны, древний трактат, содержащий сведения по географии (в том числе ботанической) и зоографии,

минералогии, народной медицине, с другой стороны – это сведения по мифологии (легендарные предки, герои и их генеалогии) и верования.

Стиль написания и подачи информации (определённые клишированные формы) «Шань хай цзин» свидетельствуют о наличии выработанной схемы описания земель ко времени его создания.

Говоря же о мифологической составляющей «Шань хай цзин», следует отметить тот факт, что, сравнивая сюжеты бестиария с сюжетами другого древнего произведения, а именно с «Шу цзин» («书经» – «Книга преданий»), находим схожесть самих сюжетов и различия в аксиологических характеристиках образов мифологических существ. Генеалогия предков-героев также отличается [4].

Поскольку древнейшая китайская мифология начала формироваться в дописьменную эпоху, нельзя утверждать, что один вариант является истинным, а остальные – его «искажения» [2]. Древние мифологические представления китайцев и соответственно сами мифы сохранились лишь в лаконичных разрозненных фрагментах. Реконструировать древнейшие китайские мифы сложно, ведь первоначальный смысл в них искажён позднейшими трансформациями, которые происходили под влиянием философских и исторических воззрений разных веков [1].

В свете современных подходов к изучению культуры через призму антропологического и аксиологического подходов, именно «Шань хай цзин» на сегодняшний день является одним из богатейших источников по мифологии, этнокультуре и этносознанию китайцев.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
2. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. 488 с.
3. Яншина Э. М. Каталог гор и морей = Шань хай цзин. М.: Наталис, 2004. 349 с.
4. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 280 с.
5. 《山海经诗经》 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2007, 630页.
6. 《中国神语传说词典》 上海: 上海辞书出版社, 1985, 457页.

А. А. Бодоева,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Авангардная литература: Россия и Китай¹

Общепринято считать, что авангардизм как совокупность разнородных направлений в литературе возник в начале XX в. Новое течение провозгласило программу открытой социальной ангажированности творчества, разрыв с классической художественной традицией, которая была сочтена как исчерпавшая свои эстетические возможности.

Ключевые слова: авангардная литература, авангард, «туманная поэзия», современная литература Китая, русская литература

A. A. Bodoyeva,

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Avant-garde literature: Russia and China

It is generally accepted that the avant-garde as a collection of disparate trends in literature emerged in the early twentieth century. The new program for declared open social engagement work, breaking with the tradition of classical art, which was considered exhausted its aesthetic possibilities.

Keywords: avant-garde literature, avant-garde, a vague poetry, modern Chinese literature, Russian literature

Известно, что термин «авангард» возник во Франции около 1820 г. в качестве обозначения военного отряда (от фр. *avantgarde* – передовой отряд) и приобрёл эстетическое значение, указывая на ту или иную разновидность искусства. В России термин «авангард» утвердился лишь в 1910 г. для характеристики ряда художников Александром Бенуа. В советском литературоведении понятие «авангардизм» использовали лишь для обозначения течений в искусстве, порывающих с установленными нормами и критериями. Затем принципы авангардизма восприняли такие литературно-художественные течения, как экспрессионизм, кубизм, футуризм, дадаизм, сюрреализм, литература «потока сознания» и др.

---

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Бурятского государственного университета «Художественные стратегии и языковые тактики современных поэтических текстов России и Китая».

Несмотря на устойчивое представление об авангарде как о художественном явлении XX в., учёные отмечают три волны авангарда в русской литературе (по О. А. Клингу). Первая волна пришлась на начало XVIII в. (М. Ломоносов, А. Сумароков, В. Тредиаковский), вторая волна авангарда – это начало XIX в. (Н. Карамзин, В. Жуковский, К. Батюшков, П. Вяземский, А. Пушкин, А. Грибоедов), третья главная волна относится к началу XX в. Здесь известны её инициаторы, в первую очередь – символисты В. Брюсов, А. Белый, и пик развития – футуристическая литература.

Учёные говорят о «ситуации авангарда», свойственной каждой эпохе и служащей для преодоления своего прошлого путём критического переосмысления. Возникновение направлений русского авангарда напрямую связано с историей России, с политической ситуацией того времени. Огромное влияние на развитие русского авангарда оказала революция 1905–1907 гг.

В Китае же в конце 1970-х гг. возникает и быстро набирает силу «литература нового периода» (синь шици вэньсюэ). Война с Японией и последовавшая за ней культурная революция дали новый мощный толчок развитию остросоциальной реалистической литературы в стиле 1920–1930-х гг. В это время Китай переживает бурный рост небывалого расширения тематики, разнообразия жанров, стилей и форм, которые содержат критический взгляд на события недавнего прошлого. В литературоведческих публикациях тех лет появляется множество новых имён и происходит возвращение имён старых, задвинутых в прежние времена в тень.

С конца 1970-х гг. появился ряд ярких произведений, в которых осмысливался трагический опыт предшествовавших десятилетий (например, сочинения Ван Мэна, Чжан Сяньляна, Фэн Цицая). Особенную популярность приобрели произведения, в которых даны яркие психологические портреты интеллигентов, подвергшихся жестоким гонениям в годы маоистской диктатуры.

Когда волна «разоблачительной» литературы постмаоистского периода пошла на убыль, в прозе обозначились несколь-

ко разнородных направлений. Появились новые определения типа «литература шрамов», «литература поиска корней», «первые авангардистские опыты», «неореализм». Нельзя было не видеть ни полемики между, условно говоря, консерваторами и новаторами в литературных рядах, ни изменений в позиции идеологического руководства – от провозглашения «свободы творчества» до борьбы против «буржуазного либерализма». Констатировалось расширение международных контактов и горизонтов, усиливающееся воздействие западных литературоведческих школ.

Авангардная литература в Китае восходит к стилистическому эксперименту, начатому молодым поколением так называемой «туманной поэзии» (朦胧诗 – мэньлунши) в конце 1970-х гг. и представленной такими именами, как Бэй Дао, Ман Кэ, Шу Тин, Цзян Хэ, Гу Чэн и др. Первые примеры авангардной литературы мы находим в середине 1980-х гг. в произведениях таких авторов, как Ма Юань, Гань Сюэ и Мо Янь в журналах Шанхая «Шохо» и «Шанхай вэньюэ». Эта тенденция распространилась в период с 1987 по 1988 г. и упрочила свой статус благодаря публикациям произведений таких писателей, как Су Тун, Гэ Фэй, Юй Хуа, Хун Фэн и Сунь Ганьлу, родившихся в 1960-х гг., и с которыми авангардная литература приобрела более определённые коннотации и основные формы.

Новый стиль был первоначально определён китайскими критиками как «новая волна» литературы (新潮). Несколько лет спустя, когда поэты и писатели, иногда объединённые в некоторые группы, заняли более экстремальные и провоцирующие позиции, критики назвали их творчество авангардной литературой (先锋文学), или экспериментальной литературой (实验文学).

Различные факторы способствовали появлению этого нового направления: с одной стороны, изменяющийся социальный климат в результате политики открытости и реформ, которая позволила, начиная с 1980-х гг. распространить по всей территории Китая современные западные теории философии и эстетики (психоанализ, структурализм, формализм,

экзистенциализм) и, прежде всего европейских, американских и латиноамериканских литературных произведений. С другой стороны, обновление культурного процесса началось несколько лет назад с ранее упомянутой «туманной поэзии», с литературы «поиска корней» – 尋根派 (Хан Шаогун, А Чэн) и затем с группы «модернистского повествования» (Сюй Син, Лю Сола, Ван Шо).

Дух авангардной литературы выражается в поисках новых стилистических форм и методов, которые предполагают новые выразительные возможности в языке. Создание историй, которые развиваются на параллельных плоскостях во времени и пространстве (Мо Янь); рассказов, не имеющих сюжет, начало или конец, где повествование оказывается фрагментированным, на грани между реальностью и воображением (Ма Юань); видение миражей и заколдованных миров и лабиринты воспоминаний (Гэ Фэй, Бэй Цунь) сложны для понимания, авторы уходят от традиционных методов повествования, побуждая читателя думать, размышлять, расследовать и открывать для себя альтернативные перспективы и многочисленные возможности интерпретации, а не просто принимать текст пассивно.

В отличие от предыдущего поколения «поиска корней», по-прежнему прочно привязанного к положительным идеалам, к литературе, погружённой в историю и видение литературного произведения как обязательства, авангардисты отказались от идеалов и ценностей, которые они воспринимали как анахронизм и искусственность. Они отказываются, прежде всего, от роли, данной им социальными или политическими руководствами, и от бремени, которые писатели всегда брали на себя. Поэтому в авангардистской литературе исчезают большие социальные темы, внимание смещается в сторону открытия индивидуального опыта и эмоционального мира, игнорированного так долго. Эта тенденция будет развиваться до крайности в литературе, написанной в 1990-е гг. Работы таких авторов, как Мо Янь, Су Тун и Юй Хуа предлагают взглянуть на официальную историю другими глазами, по-новому интерпретируя события, испытанные простыми людьми.

В авангардной работе отсутствует центральное ядро или намерение, а представление и психология персонажей носят фрагментарный характер. Часто персонажи и сюжет больше не занимают центральное положение в истории, а отступают на задний план, уступая место изложению сюжетной линии, в результате чего форма и повествовательный стиль становится истинной основой и экспрессивной ценностью работы.

Авангард, будучи явлением характерным для переходных этапов в истории художественной культуры, появляется в Китае и России с небольшой разницей во временных границах: в России основное развитие авангард получает с 1910 г., а в Китае – с конца 1970-х гг. Их связывают общие условия, сопутствующие образованию нового художественного течения – революция в России (1905–1907 гг.) и культурная революция в Китае (1966–1976 гг.). После революций произошло тотальное изменение роли писателя в обществе, типа писателя и самой литературы. С первых же послереволюционных лет литература в России и Китае развивалась потоками, а литературный процесс был многомерным.

Список литературы

1. Константинова С. Л. Русский поэтический авангард: XX век: учеб.-метод. пособие к спецкурсу. Псков: ПГПУ, 2007. 99 с.
2. Сорокин В. Ф. Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2006. С. 193–202.

Н. Ф. Бурмистрова,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Истоки китайской литературы

Статья посвящена традиционной китайской литературе, которая тесно связана с культурой своей страны. На протяжении веков китайская цивилизация как одна из древнейших сформировала уникальный тип культуры, в которой литература продолжает сохранять выдающееся мастерство, глубокий символизм, исторические корни и гуманистическую ориентацию. Автор констатирует, что традиционная китайская литература остаётся живой, являясь основным источником и сокровищем культуры Китая.

Ключевые слова: *литература Китая, символизм, поэзия, классические книги*

N. F. Burmistrova,

*Zabaikalsky State University,
Chita, Russia*

The sources of Chinese literature

The article is devoted to the traditional Chinese literature which has unique originality underlying Chinese culture. China is one of the ancient civilizations of the world. During the centuries Chinese civilization formed its unique type of culture. Traditional Chinese literature remains relevant in contemporary culture of China due to its excellence, deep symbolism, historic roots and humanistic orientation. The traditional literature is the basis of innovations, a source of ideas for modern poetry, etc. The author resumes that the traditional Chinese literature remains alive as a way to save Chinese identity of classical literature and treasures of Chinese culture.

Keywords: *Chinese literature, symbolism, poetry, classical books*

История китайской цивилизации – одной из древнейших в мире – насчитывает уже много тысячелетий. На протяжении столь длительного пути развития в Китае сформировался уникальный тип культуры.

Сокровищница китайских произведений колоссальна. Художественная литература Китая уходит корнями в глубокую старину. Первые памятники письменности относятся ещё к дофеодальному периоду китайской истории, к XII в. до христианской эры (надписи на костях, найденные в конце прошлого столетия при раскопках в провинции Хэнань).

Отсутствие исследований по истории Китая, равно как и социологических исследований древней китайской литературы, лишают возможности проследить историю китайской литературы, в связи с развитием общества. Поэтому при описании древней литературы Китая приходится следовать по пути, намеченному буржуазными филологами, лишь в незначительной степени обобщая те данные, которые оставила нам старая синология.

Обычно исследование китайской литературы начинается с книги «Шицзин» («Книга стихов»), относимой к VIII в. до христианской эры. Классические конфуцианские книги – «Уцзин» («Пятикнижье») и «Сышу» («Четверокнижье») – являются памятниками древнейшей классической литературы, дошедшими до нас. «Шуцзин» («Книга документов»), «Чуньцю» («Летопись весны и осени»), «Луньюй» («Рассуждения»), «Дасюэ» («Великое учение») и другие произведения не являются художественной литературой, но по своей форме и стилю именно они легли в основу художественной литературы феодального Китая. Конфуцианские классические произведения, историческая достоверность которых оспаривается некоторыми синологами, относящими их к более позднему периоду, стали и идеологической основой старой китайской литературы, которая в своём дальнейшем развитии пошла по пути углубления конфуцианских идей.

Неживая природа, географические особенности Китая, его горы и реки служили источником вдохновения для китайских литераторов. В древнейший период китайскому обществу был свойствен культ природы: поклонение духам земли, солнца и т. д. Мироззрение китайского этноса строилось на восприятии природы как бескрайнего космоса, частицей которого является человек. Сложившиеся в древности на базе анимизма философские, религиозные и этические представления способствовали становлению символическо-ассоциативного метода передачи настроений и мифопоэтического языка. Поклонение природе приняло в Китае форму поэтического пантеизма.

«Из всех видов китайской литературы к визуальным видам искусства ближе всего была поэзия» [4, с. 381]. Поэзия –

это основная форма литературы Китая, почти не изменявшаяся в течение многих веков истории. Она имеет свои строго узаконенные штампы – размер и ритмы. Китайские стихи, как и другие произведения классической литературы, представляющие собой сочетание мёртвых знаков-иероглифов, рассчитаны только на чтение: понятны только глазу, а не слуху, т. к. книжный язык, на котором написана вся литература, чрезвычайно далёк от разговорной речи. «В русском существует выражение “китайская грамота”, призванное обозначать некие замысловатые письмена, не поддающиеся человеческому разумению» [1, с. 15].

Художественная литература занимала в феодальном Китае совершенно особое место. Знание наизусть классических произведений древности – конфуцианских классиков – являлось неременной составной частью образования. Умение писать стихи и в совершенстве владеть стилистикой являлось обязательным для всякого образованного человека.

Вступивший в полосу развитого феодализма Китай в Танский период (608–917 гг.) стал одним из самых сильных государств. Достижения науки, литературы и изобразительного искусства Китая этого периода намного превзошли всё то, что создавалось раньше. В годы правления династии Тан была изобретена ксилография, открывшая возможности книгопечатания и способствовавшая большому распространению научных трудов. Времена династий Сун, Тан и Суй (590–617 гг.) по праву считаются апогеем культурного развития страны. Именно в этот период стихосложение буквально захлестнуло всё образованное китайское общество: от важных генералов и чиновников до бедных учёных. До наших дней дошло более 50 тысяч стихотворений. Самыми известными поэтами этой эпохи были Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи и др.

К концу династии Тан лирика в жанре «цы» стала ещё более популярной, чем прежде. В связи с тем, что «цы» после династии Сун постепенно становились более литературными и неестественными, начинает развиваться китайская поэзия жанра «саньцюй» (散曲) – более свободная форма, основанная на новых популярных песнях.

После династии Сун «ши» и «цы» продолжали сочиняться до конца имперского периода. Однако по многим причинам эти работы меньше рассматривались, чем те, которые были написаны при династии Тан. Одной из причин являлось то, что китайские поэты и писатели оставались в страхе перед предшественниками, ожидая, что новые произведения не выдержат сравнения с ранними мастерами. Отсюда следует, что поэмы имели тенденцию казаться вычурными или просто затрудняющими понимание современным читателям. Наконец, в 1920-е гг. стала появляться литература на языке, близком к разговорному. В основном, это были оперы и романы, явившиеся главными средствами выражения культуры.

Современные китайские поэмы (新詩 – «новая поэзия») обычно не следуют различным предписанным образцам. Поэзия была революционизирована после «Движения 4 мая», когда писатели пытались использовать местные стили, которые были ближе к разговорному языку (*байхуа*), нежели к предписываемым формам. В начале XX в. такие поэты, как Го Можо Сюй Чжи-мо и Вэнь Идо пытались оградить китайскую поэзию от иностранного влияния, соответствующего моделям вестерна. Например, Сюй Чжи-мо сознательно следовал стилю поэтов-романтиков.

В постреволюционный коммунистический период такие поэты, как Ай Цин, употребляли более либеральные строки и прямой стиль, которые были широко распространены. Позднее самые влиятельные поэты в группе под названием «туманные поэты» использовали косвенные намёки и упоминания. Среди них выделяются Шу Тин, Бэй Дао.

В период культурной революции (1966–1976 гг.) китайской литературе был нанесён огромный урон, т. к. в эти годы полностью прекратилось издание художественной литературы. Было уничтожено много книг, что именовалось «борьбой со старой феодальной и буржуазной культурой», к которой была отнесена почти вся литература Китая, а также мировая классика. Однако после завершения культурной революции произошёл подъём творческой активности поэтов и писателей Китая.

В настоящее время китайские литературные произведения стремительно вошли в XXI в., ещё раз доказав, что по праву занимают одно из передовых мест в мировой литературе. Литература Китая остаётся сферой отражения красоты реального мира. Имея в основном лирический характер, она показывает человеческие чувства, т. к. реальным миром для неё является внутренний мир людей.

Список литературы

1. Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М.: Муравей, 1998. С. 15.
2. Виноградова Н. А. Искусство Китая. М.: Изобразительное искусство, 1988. С. 8.
3. Лан Шаоцзюнь. Об открытии традиции // Место и функции национальных художественных традиций в современном искусстве. М., 1991. С. 10.
4. Фиджералд Чарлз Патрик. История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. С. 381.

УДК 821.511

*М. Ю. Дондокова,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Творческая трансформация космогонических символов времени в китайской и бурятской поэзии XX века

В статье рассматриваются вопросы трансформации космогонических символов времени в творчестве китайских и бурятских поэтов. Национальная поэзия, пережившая резкий скачок в развитии благодаря мощному социально-техническому прорыву, на примере изменения восприятия традиционных образов-символов времени раскрывает изменения сознания общества.

***Ключевые слова:** китайская поэзия, авторская трансформация, космогонические символы времени*

M. Y. Dondokova,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

Creative transformation of cosmogony symbols of time in Chinese and Buryat poetry in 20th century

The article describes the questions of transformations of cosmogony time symbols in Chinese and Buryat poetry. Nation poetry development which has gone through big social and technique evolution describes the social mind changes.

Keywords: chinese poetry, creative transformation, cosmogony symbols of time

Космогонические символы времени довольно широко представлены в творчестве национальных поэтов, которые активно трансформируют их в образы, наиболее близкие современной картине мира.

Поэты XX в. (помимо традиционного подхода и новый знаний) пытаются придать современный смысл и содержание некоторым мифологическим образам. В произведении Н. Нимбуева «12 апреля 1961 года» автор рассказывает историю покорения неба с древнейших времён, средневековья и до XX в., где мифопоэтическое восприятие неба трансформируется в современные воззрения, однако, сравнение рассветного тумана с «навернувшимися на очи Земли слезами» [2] оставляет мифическое содержание значения неба и земли даже в век высоких технологий. Современное понимание образа неба и космического пространства представлено и в произведениях «Ношусь в пустотах космических», «Мне этой ночью снова не спалось», где автор не без гордости описывает технические разработки XX в. и в этом плане смело смотрит в будущее.

Освоение неба как космоса в сознании современного человека усиливает его предметное значение, но поэт понимает, что невозможно совсем лишить образ неба его мистических начал, оно, по словам автора, безгранично: «Вселенная необъятна. / При мысли о её предельности / Мой разум мутнеет» [2].

В связи с научно-техническим прогрессом небо сегодня стало «ближе», чем его представляли в начале XX в., в нём

усилилось предметное назначение как космоса («Ношусь в пустотах космических»), оно стало терять свою всеобъемлющую силу, устрашающую мощь, неприкасаемость, которые теперь переносятся молодыми национальными поэтами на образ моря. О проведённой параллели между образами неба и моря и их трансформации из одного в другое говорит описание последнего: величественно, всеильно, могуче, суровое, мудрое, милостивое и по-отцовски ласковое: «Ласково тугое небо» («Возражение незнакомцу», Н. Нимбуев). Очевидно, что «небо», отдаляясь от своего предметного содержания, приобретает одновременно более абстрактное значение в отличие от «моря», которое перенимает его сакральность.

Поэт рассматривает море как источник жизни на Земле в произведении «Как долго мы с тобою спали» и соотносит смысл божественного времени с морем («Дельфинами в море поплавав»), а время бытовое – с жизнью на земле («И сном безмятежным уснули / На дюнах пустынных и знойных...»), при этом подчёркивает мимолетность последнего («Как время летит незаметно, / Как долго с тобою мы спали!») и всеобъемлющую и бесконечность первого, т. к. оно включает время до и после «сна» («С тобой мы на берег песчаный / Юнцами влюблёнными вышли. / ... / Проснувшись, увидел я рядом / Седую почтенную даму...») [2].

Многие функции и характеристики традиционного архетипа «небо» благодаря изначальному сходству как глубокого, синего, безграничного, непредсказуемого, сильного переносятся на образ моря, создаваемый в творчестве национальных поэтов. В стихах «Ты видел море» Хань Дуна и «Человек и море» Н. Нимбуева авторы описывают новые взаимоотношения человека с морем. При этом божественное, всемогущее начало в представлениях лирического героя связано с образом моря: в произведении Н. Нимбуева «Человек и море» немного слов, относящихся к описанию образа моря, однако, построенное стиха даёт ощущение силы, власти, мощи, что сравнимо с небом: фраза «сердито молчало» подчёркивает этот смысл. В кульминации повтор слова «море» в третьей строке стихотворения, состоящего из шести строк, придаёт большую вели-

чественность морю, а человек же столь мал и незначителен, что в самом произведении даже не упоминается, тем самым вызывая жалость и сострадание: «поплакаться». И это обращение лирического героя к морю позволяет нам обозначить параллель, при которой современный автору лирический герой может обратиться не только к небу, но и к морю как божественному началу, хотя, как известно, восточный человек традиционно обращается с мольбами, просьбами к небу. При этом главное действующее лицо – человек, и море необходимо ему как небо, как «...высшая сила помощи, к которой и вызывает человек, что являет, по сути, правосудные функции Неба» (цит. по [1, с. 96]).

Стихотворение Намжил Нимбуева перекликается с произведением Хань Дуна «Ты видел море», написанным в самом начале творческого пути (1984 г.). Здесь автор также раскрывает взаимоотношения человека с морем, где море выполняет функцию божественного начала, сверхсилы. Поэт создаёт всемогущий образ моря, человек же на этом фоне изображён незначительным, но дерзнувшим приблизиться к «морю». Произведение содержит довольно большое количество строк с повтором одних и тех же фраз: повторы и вариации усиливают восприятие стиха, дают полноту ощущений, позволяя читателю почувствовать ритм морской волны, проникнуться желанием увидеть море, которое символизирует этот самый Абсолют.

Лирический герой понимает, что море – это не только свобода, но и ответственность. Он боится, что без определённого понимания жизни он может «утонуть в морской воде», потеряться в безграничности этой свободы: «И ты представлял его, / Но ты / Не моряк, / И именно так» [3]. Обращаясь на «ты», автор, прежде всего, обращается к самому себе с иронией, отчего связь человека с морем здесь предстаёт более тесной и в большом и сильном движении. Однако недоступность образа моря сохраняется – китайский поэт так же, как и Н. Нимбуев, побуждает человека к действию при выборе пути к морю.

Таким образом, бурятский поэт Н. Нимбуев, как и другие национальные поэты, заимствуя из традиционной культуры

образ неба и некоторые его функции, переносит их на образ моря, потому что небо в понимании современного человека в силу стремительного научно-технического прогресса расширяет горизонты, становится доступнее, реальнее, представляется как «пустоты космические». Мистическое значение образа неба в определённой степени переносится на образ моря, при этом наблюдается естественный процесс притяжения и отталкивания от его предметного значения.

В традиционном понимании небо являлось высшей силой, влияющей на судьбу человека. В поэзии Н. Нимбуева человек обращается к морю с просьбами, образ моря становится ближе, но остаётся символом вечности, дополняя образ «вечного синего Неба», что, несомненно, можно считать авторским приёмом. Подчёркивая в образе моря значение всеобъемлющего времени, поэт противопоставляет ему значение земного времени, к которому можно подойти, извлекая вечные звуки музыки на рояле, как звуки жизни на земле, понимание чего для поэта важнее, с чем он может вступать во взаимоотношения в любом времени и любом пространстве.

Кроме природных красот, описываемых поэтами, современные авторы начинают прибегать к описанию городских, урбанистических пейзажей: например, в стихотворениях «Муза», «Разговор с веком» Намжила Нимбуева и «Нелепый зимний вид» Хань Дуна, что является новым в бурятской и китайской поэзии XX в. Умение описывать окружающий городской пейзаж, видеть в нём красоту, находить философский код в привычных глазу явлениях, показать абсурдность знакомых ситуаций – всё это объединяет творчество бурятского и китайского поэтов.

В стихотворении «Этот нелепый зимний вид» Хань Дун не задаётся целью поучить или восславить что-нибудь, как это делали его предшественники. Его внимание занимает «нелепый пейзаж», однако, он не указывает на недостатки современного общества с целью обличения, свои размышления он называет «лишь мысли в дни, когда увядают цветы». Хань Дун полагает, что гораздо важнее, чтобы люди начали обращать внимание на то, что их окружает, на то, к чему они уже

давно привыкли и что воспринимают как нормальное, тогда восприятие реальности будет адекватным. Каждый человек придёт к своему выводу и найдёт своё, если начнёт принимать мир таким, какой он есть, а не таким, каким его показывают другие, т. е. надо увидеть окружающий мир своими глазами («За мех, изначально принадлежавший животным, / Человечество с ними борьбу ведёт») [4, с. 13]. Из этих соображений Хань Дун всячески старается описывать реальность без прикрас – данность нелепости и абсурда в стихотворении обуславливаются нелепостью и абсурдом в окружающем нас мире. Особенно актуальна эта тема сегодня, потому что машины занимают большое место в жизни современного общества, усиливается их влияние на жизнь человека: «машины свой нрав выражают».

Многое в современной жизни теперь происходит вне зависимости от человека, без его участия: «магазины себя на продажу выставляют...». В абсурдность картины добавляются противопоставления, которые пронизывают всё произведение («китайская улица Рим», «житель деревни Ян Днём и ночью скучает о Париже», «южный северный зимний мороз»), что наполняет стихотворение трагическим содержанием. «Нелепость», заявленная в названии произведения, выражается через антонимичные сопоставления – «это южный северный зимний мороз», скорее всего, поэт имеет в виду северный ветер в южном районе страны. Образы времени в произведении представлены словами «связка солнца ключей», «лучи зари», «двери дня», «днём и ночью», «зимний мороз», «дни, когда увядают цветы», – в любом случае тема времени пронизывает всё стихотворение.

Наиболее интересно выражение «связка солнца ключей», похоже, что автор говорит о часах (наручных или на бретелке), оно представляется как авторский образ времени, указывающий на новое собственное восприятие, не имеющее традиционных аналогов. В этом стихотворении сталкиваются оппозиции («это северный южный ветер»), рождая философичность («связка солнца ключей висит на ремне»), иронию («магазины... себя на продажу выставляют»). Романтическое настро-

ение поэта передают символы времени в строчках «лучи зари открыли двери дня», «...лишь мысли в дни, когда увядают цветы», где «лучи зари» в первых строчках произведения указывают на начало времени, его новый отрезок, а завершающие строки «дни, когда увядают цветы» – на конец, завершение времени, зрелость, творческую мудрость. В конце стиха автор не делает определённых выводов размышлениям, оставляя свободу мысли читателю.

Особенное восприятие космогонических образов выражается в творчестве китайского поэта Хань Дуна через образ камня, которому автор придавал большое значение, что подтверждается названием его первого сборника «Белые камни». Подчёркнуто особое отношение к камню находим в стихотворении «Есть только камни и небо» [4, с. 7]:

Художник, который горячо любит камни и небо,
Рисует лишь камни и небо.
Я думаю, нет ничего более простого,
Нет ничего более радостного¹.

Поэт, через отношение лирического героя к камню и небу, раскрывает своё особое отношение к ним («Художник, который горячо любит камни и небо») – нет ничего более простого и радостного, чем занятие любимым делом («Рисует лишь камни и небо»). Небо и камни в их прочности и вечности укрепляют мысль и радость поэта от нахождения этой гармонии.

Особое отношение Хань Дуна к образу камня подтверждается и в других произведениях, однако, здесь сложнее определить авторский смысл, которым он наделяет этот образ. В произведении «Молчаливый» поэт описывает тяжесть молчания метафорой «камень» [4, с. 11]:

У меня тяжёлая верхняя челюсть и могучая нижняя челюсть,
Словно на запустевшей равнине примитивная каменная щель.
...
Твёрдый каменный замок на моём языке,
На круглом камне переливается лазурный свет.
Может, это два камня трутся, и друг друга подтачивают.
...
Я словно лошадиный камень осмыслю молчание.

---

¹ Перевод с китайского языка М. Ю. Дондовой.

Образ камня создаётся как тяжёлый, твёрдый, холодный в противопоставление неживому живого («Ладно, пусть комнате наводнит звук моего щебетания») [4, с. 11]. В произведении «Один человек среди груды камней» Хань Дун пишет: «Температура одного камня передаётся другому камню» [4, с. 9], тем самым тесно переплетая два образа – живой образ человека и неживой камня.

То, что поэт так тесно связывает камни с темой живого и неживого, позволяет предположить, что Хань Дун, свидетель культурной революции, ассоциирует камни с людьми, которые не могут говорить (или им нельзя). Человека, который ничего не чувствует, кроме страха, не может выразить свои чувства, нельзя назвать живым. Однако китайский поэт делит камни на тёмные (коричневые) и белые; последние не имеют негативного оценочного оттенка, в отличие от простых тёмных камней, и их поэт «горячо любит» («Есть только камни и небо»). Белые камни, в отличие от остальных, не мёртвые. В произведении «Пройти сквозь камни» поэт дополняет образ пейзажем: «Весной он ещё зеленее, камни ещё белее». Кроме того, «передаёт» тепло («Один человек среди груды камней»).

Созданные Хань Дуном образы камней позволяют ему подойти к сложной теме современного коммунистического Китая, где в центре внимания только интересы общества, народных масс. Автор же ставит в центр своего внимания индивидуальность, необходимость думать, чувствовать и выражать свои мысли: «Температура одного камня передаётся другому камню».

Своё значение имеет образ камня и у бурятского поэта Н. Нимбуева, как, например, символ тяжести прошлого в стихотворении «Красивая молодая вдова» («тяжёлый камень прежней любви»), с которым неразрывно связано настоящее («к ногам привязанный») и без которого невозможно строить будущее, а все попытки забыть, избавиться от прошлого – безрезультатны и болезненны.

Таким образом, трансформируя традиционные космогонические символы, национальные поэты не меняют их основного содержания, оставляя мифологическое значение неба,

земли, луны и звёзд как символов времени вечного, всеобъемлющего, состоящего из циклов, но дополняя сами образы современными представлениями. Небо, в силу технического и научного прогресса, расширяет горизонты, становится доступнее, реальнее. Мистическое значение образа неба в определённой степени перенесено на образ моря, при этом автор дополняет его образом музыки, что усиливает его божественное значение. Трансформация образа неба как символа вечного, недостижимого времени в авторский образ моря, дополненный образом музыки («Женщина играет на рояле»), обогащает изначальный образ неба.

Художественное изображение образа земли, в силу активной урбанизации, меняется на городские мотивы, что позволяет поэту создавать авторские образы спящего города, тротуара, машин и т. д. У Хань Дуна луна дополняется мифическими представлениями западных культур, вызывая ассоциативный ряд с ангелом-хранителем, что для китайской культуры ново так же, как звёзды у Н. Нимбуева, соотносятся с надеждой и временем будущим. Отдельный микрокосм создаёт китайский поэт в авторском образе камня, который сочетает в себе и жизнь и «не жизнь», простоту и всеобъемлемость в восприятии, время вечное и время настоящее. У бурятского же поэта камень ассоциируется со временем прошлым, что выражает тяжесть памяти, а невозможность избавиться от прошлого раскрывает особый трагизм в мироощущении.

Список литературы

1. Ангархаев А. Л. Число // Вершины. 2005. № 1/2. С. 96–114.
2. Нимбуев Н. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nimbuev.buryatia.org/namzhi/stihi.php> (дата обращения: 28.09.2016).
3. Хань Дун. Байсэдэ шитоу = Белые камни. Шанхай: Шанхай Вэньи, 1992. 117 с.
4. Хань Дун. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.shigeku.com/xlib/xd/300/8009_handong.html (дата обращения: 15.08.2016).

Н. В. Терехова,

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Интерпретативные стратегии Чжао Ци в его комментариях к канону «Мэн-цзы»

В статье рассматривается текст комментария Чжао Ци (赵岐) к канону «Мэн-цзы» «Главы и глоссы Мэн-цзы» («孟子章句»), описывается структура данного комментария, а также некоторые особенности реализованного в нём подхода «главы и глоссы» чжанцзюй (章句). Автором представлена общая классификация комментариев к главам канона чжанчжи (章指) и общее описание глосс цзюй (句).

Ключевые слова: *подход комментирования текста «комментарий к главам и глоссам» чжанцзюй, структура комментария Чжао Ци, типы комментариев к главам чжанчжи*

N. V. Terekhova,

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Interpretative strategies in Zhao Qi's commentaries on “Mencius”

The article surveys the text of commentaries to canon “Mencius” by Zhao Qi (赵岐) “Mengzi zhangju” («孟子章句»). The author explores the structure of the commentary, the features of the approach “chapters and glosses” zhangju (章句) applied in the Zhao Qi's work. It provides general classification of types of commentaries to chapters zhangzhi (章指) and the description of glosses ju (句).

Keywords: *commentarial approach to the text zhangju, structure of Zhao Qi's commentary, the types of commentaries to chapters zhangzhi*

В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) применялись разные подходы и методы комментирования текстов (насчитывается более 30 наименований), из которых, по мнению таких китайских филологов, как Бань Гу (班固, 32–92 гг. н. э.), а Цзунхо (马宗霍, 1897–1976 гг.), Дай Цзюньжэнь (戴君仁, 1901–1978 гг.), Ван Те (王铁, 1948 г.), одним из ведущих считался метод «главы и глоссы» чжанцзюй (章句), основанный в эпоху Хань [4, с. 23].

Слова «цзюй» 句 мы переводим понятием «гlossа» – непонятное, часто иноязычное слово или выражение, требующее толкования (оригинальная гlossа), либо само по себе данное толкование (комментирующая гlossа) [3]. Цзюй 句 в комментарии Чжао Ци представляют собой разные по объёму единицы речи: слова, словосочетания, синтагмы, предложения, несколько предложений. Гlossа как раз может быть представлена каждой из данных языковых единиц, кроме того в значении данного понятия заложена идея их толкования. Согласно теории гloss Т. Парсонса, гlossа является «общей системой восприятия и языка», обладающей статусом условного соглашения людей в отношении того или иного явления, достижение знания о реальности состоит в её “разгlossировании”, в разрушении стереотипов восприятия и мышления [2]. Окружающий мир представляется человеку сквозь призму его культуры и языка [1, с. 428], фиксирующим фрагментом которого выступает «гlossа», которая в текстах Мэн-цзы и Чжао Ци представляет «синкретичное целое восприятия и языка» (пер. О. М. Готлиба) Древнего Китая.

Единственной полной версией комментария «Мэн-цзы», сохранившейся от эпохи Хань, стал комментарий Чжао Ци «Главы и гlossы Мэн-цзы» («孟子章句»), который также является одной из двух самых ранних работ, где применяется метод комментирования текстов чжанцзюй (章句) (вторая работа Ван И (王逸, 158 н. э. – ?) «Главы и гlossы Чуских строф» – «楚辞章句») [4, с. 24].

Китайский филолог Ян Цюань (杨叔) в своей работе «Суждения о методе “главы и гlossы” и учение о нём» («论章句与章句之学») выделил две главные характеристики данного метода : 1) толкование смысла путём разделения текста на главы и анализа гloss (分章析句); 2) комментирование с опорой на канон и комментарии к нему (依附经传而行) [4, с. 25].

В своём комментарии к «Мэн-цзы» Чжао Ци использовал и, возможно, даже впервые ввёл метод «малые главы и гlossы» сяо чжанцзюй (小章句), который предполагал более подробное структурирование и детальное комментирование текста, в отличие от метода «большие главы и гlossы» да

чжанцзюй (大章句). В каждой из книг канона пянь (篇) он выделил по два раздела цзюань (卷), всего 14 разделов, которые в свою очередь разделил на главы чжан (章), всего 261 главы [6, с. 275–277]. Отмечаем, что текст канона «Мэн-цзы» и собственный комментарий Чжао Ци по объёму представлены в соотношении 4:6 [4, с. 39].

«Главы и глоссы Мэн-цзы» («孟子章句») (работа названа по наименованию метода комментирования) имеет следующую структуру:

1. «Предисловие к “Мэн-цзы”» («孟子题辞»). В данном разделе изложены биография Мэн-цзы, его идеи, их роль в контексте древнекитайской философской традиции, биография Чжао Ци, причины создания данного комментария, информация об оригинальном тексте «Мэн-цзы».

2. «Главы и глоссы “Мэн-цзы”» («孟子章句»). Здесь представлен текст канона «Мэн-цзы» с комментариями и редакцией Чжао Ци. Комментарий Чжао Ци расположен последовательно, перемежаясь с оригинальным текстом «Мэн-цзы».

3. «Послесловие к “Мэн-цзы”» («孟子篇叙»). В нём описана структура «Мэн-цзы», а именно обозначены аргументы в пользу представленной во втором разделе последовательности глав и общей структуры канона.

4. «Толкование названий» («解题») присутствует в начале каждой из книг пянь (篇). Здесь представлены главные философские идеи данной книги пянь (篇). В своём комментарии Чжао Ци предпринимает попытку целостной и связной интерпретации текста, а также обобщает и анализирует философские идеи «Мэн-цзы». [6; 7].

В конце каждой главы чжан (章) представлен комментарий к ней чжанчжи (章指), в котором раскрывается общий смысл данной главы, выделяются идеи или позиции, представленные в тексте «Мэн-цзы». Среди данных пояснений к главам чжанчжи (章指) можно выделить следующие типы:

1. *Выделение основной идеи.* В комментарии чжанчжи (章指) выделена основная идея или понятие, которое раскрывается, по мнению Чжао Ци, в данной главе. В комментарии к главе «Мэн-цзы» 1В.10 Чжао Ци подчёркивает идею о том,

что правители должны следовать воле народа (顺民心), другое государство может быть захвачено, если на это согласен народ другого государства. Согласие народа подразумевает согласие Неба, чьё одобрение требуется для вторжения: “章指言, 征伐之道, 当顺民心。民心悦, 则天意得矣。” [7, с. 65].

2. *Предупреждение.* В комментарии Чжао Ци поясняет значение данной главы, которое, в основном, заключается в предупреждении общества или правителя государства о чём-либо. Например, в пояснении к главе «Мэн-цзы» 1В.8 Чжао Ци превращает индивидуальный случай, описанный в главе, в руководство для всех, и представляет слова Мэн-цзы не только как его пожелание для осознания их правителем царства Ци (欲以深悟齐王), но и как предупреждение потомкам (垂戒于后): “章指言, 孟子言纣崇恶失其尊名, 不得以君论之, 欲以深悟齐王, 垂戒于后也。” [7, с. 64].

3. *Уточнение.* В своём пояснении Чжао Ци уточняет или дополняет текст «Мэн-цзы». Например, в главе «Мэн-цзы» 2А.9 описываются два великих государственных служащих, один из которых, по мнению Мэн-цзы, был узким человеком, а другой небрежным. Мэн-цзы даёт совет о том, что благородный муж не должен следовать ни одному, ни второму примеру. При этом Чжао Ци в своём комментарии делает добавление: он утверждает, что благородный муж должен почитать Яо и Шуня (древнекитайских совершенномудрых правителей), тем самым конкретно определяет образцы для подражания, Мэн-цзы же как раз оставляет этот вопрос открытым: “章指言, 伯夷、柳下惠, 古之大贤, 犹有所阙。介者必偏, 中和为, 纯圣能然, 君子所由尧、舜是尊。” [7, с. 108].

4. *Оценка.* Чжао Ци в своём пояснении к главе даёт свою оценку некоторым изложенным в ней идеям или её героям. Так в главе «Мэн-цзы» 6А.3 Гао-цзы излагает следующую мысль: «Жизнь – есть природа» (生之谓性). После чего Мэн-цзы предлагает рассмотреть некоторые аналогичные характеристики у разных предметов и, как следствие, сходство их природы. Чжао Ци в комментарии к главе высказывает своё отрицательное отношение к идеям Гао-цзы: он утверждает, что «Гао-цзы не разделил природу вещей и природу челове-

ка, и его размышление является грубым и невежественным. Мэн-цзы аккуратнее с данной идеей (о сходстве природы человека и вещей), истина находится посередине» (“章指言，物虽有性，性各殊异。惟人之性，与善俱生。赤子入井，以发其诚。告子一之，知其粗矣。孟子精之，是在其中。”) [7, с. 366].

5. *Место главы в тексте канона.* Так как Чжао Ци в своей работе разделил текст «Мэн-цзы» на главы чжаны (章), то в некоторых пояснениях к главам чжанчжи (章指) он разъяснял, какое значение занимает данная глава и описанные в ней идеи в тексте канона. Так, в пояснении к главе «Мэн-цзы» 1А.1 Чжао Ци указывает на место данной главы в тексте: Путь (Дао) управления государством очевидно должен быть знаменит благодаря добродетели и долгу, после обязательно установятся дружба между верхами и низами, уважение между Правителем и подчинёнными, закон Неба и принципы Земли. Это трудный Путь (Дао), поэтому данная книга начинается с его описания: “章指言，治国之道，明当以仁义为名，然后上下和亲，君臣集穆，天经地义，不易之道，故以建篇立始也。” [7, с. 2].

Внутри главы чжан (章) текст канона «Мэн-цзы» разделён на глоссы цзюй (句), к каждой из которых Чжао Ци написал комментарий, который представляет собой: 1) интерпретацию или перефразирование оригинальной глоссы цзюй (句) с использованием синонимов, разного рода добавлений, изменений в синтаксической структуре предложения и т. д.; 2) толкование отдельных слов: имён лиц, географических названий (названий царств, местностей, гор, рек), наименований предметов (орудий, экипажей, продуктов, напитков, животных, растений). Можно также отдельно выделить описания законов, правил, стандартов, моделей древнекитайского общества (аппарат чиновников, налоговая система, система обработки полей, музыкальный строй, порядок жертвоприношения, формы ритуалов, календарь и т. д.) [7].

Таким образом, последовательный комментарий глосс, с одной стороны, является переводом Чжао Ци с древнекитайского языка эпохи Чжоу на древнекитайский язык Восточ-

ной Хань, а с другой, представляет собой пояснения наиболее спорных и сложных, по его мнению, лексических единиц, отрывков текста или глосс «Мэн-цзы», а также интерпретацию реалий древнекитайского общества.

Список литературы

1. Готлиб О. М., Шишмарёва Т. Е. Аксиологические характеристики пространства и времени в языковой картине мира древних китайцев (на материале главы «Небеса» словаря «Эр'я») // Этносемиотика ценностных смыслов. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 529 с.
2. Интервью Карлоса Кастанеды, взятое Сэмом Кином для журнала Psychology Today (1956 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tzone.kulichki.com/anomal/kastaneda/interw0.html> (дата обращения: 01.10.2016).
3. Федосеева Н. Д. Глосса [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. Советская энциклопедия, 1990. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/107a.html> (дата обращения: 01.10.2016).
4. 郭伟宏 赵岐《孟子章句》研究 [本文]: 郭伟宏. –扬州: 广陵书社, 2014. 168 页。
5. 林庆章 两汉章句之学重探 [本文]: 两卷 / 林庆章. 台北, 1992. 第二卷, 277–297 页。
6. 孟子章句讲疏 [本文] / 邓秉元著. 上海: 华东师范大学出版社, 2011. 305 页。
7. 名家集注孟子 [本文] / (战国) 孟轲著, (东汉) 赵岐, (宋) 朱熹等注. 北京: 印刷工业出版社, 2011. 496 页。

Е. С. Трофимова,

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

**Исследование китайского сленга
в публикациях официальной газеты КНР «人民日报»**

В данной статье речь пойдёт об использовании китайского сленга в современной прессе на примере публикаций официальной газеты Китая «Жэньминь жибао» («人民日报»). Данная тема интересна тем, что абсолютно все языки мира претерпевают коренные изменения в своём лексическом составе, особенно этот процесс заметен в век бурного всплеска развития науки и информационных технологий. Неформальные разновидности языка из года в год обогащают официальный язык новой лексикой, в которой в достаточном количестве присутствуют сленгизмы.

Ключевые слова: *сленг, китайский язык, официальная пресса, сленгизмы*

E. S. Trofimova,

*Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia*

**Study of the Chinese slang in modern press of China
on the example of the articles of the official Chinese
newspaper «人民日报»**

The article deals with the study of the Chinese slang in modern press of China on the example of the articles of the official Chinese newspaper “Renmin ribao” («人民日报»). This article includes changes in the Chinese language especially at the age of science and high technologies. New lexical unit including slangisms enrich inofficial forms of the language.

Keywords: *slang, the Chinese language, the official press, slangisms*

Любой язык является динамической системой, которая находится в постоянном движении и развитии. Наиболее ярким подтверждением динамического характера языка является его способность обогащать свой словарный состав новыми лексическими единицами. Под влиянием процесса европеизации и ввиду бурного развития информационных технологий даже изолированный от внешнего мира вплоть до XVII в. китайский язык претерпевает коренные изменения.

В настоящее время Интернет проникает во все сферы и охватывает разные аспекты нашей жизни. Ежедневное общение посредством различных форумов, социальные сети и мобильных приложений стало для многих людей неотъемлемой частью повседневной жизни, и это не могло не наложить отпечаток почти на все области и ситуации жизни, благодаря его изучению, можно понять изменения общества, а именно языка и культуры. Изучением влияния сленга на китайский язык занимались такие отечественные и китайские учёные, как Н. В. Виноградова, Т. В. Куприна, А. А. Хаматова, Юй Сун, Чжан Шилу и др.

Один из путей исследования основных тенденций в развитии любого языка, в том числе и китайского, – анализ лексического состава официальной прессы. Следует отметить, что психология современного читателя кардинально изменилась. Так, многие люди, которые являются пользователями Интернета, давно не пользуются бумажными газетами, отдавая предпочтение сетевым изданиям. Влияние сленга на функционирование в сетевом пространстве официальных газет изучено не в полном объёме, потому возникает необходимость в определении влияния сленга на публикации современной прессы.

Для анализа была выбрана ежедневная китайская газета, официальное печатное издание Центрального комитета Коммунистической партии Китая «人民日报», а именно, её электронная версия. В публикациях газеты «人民日报» в период 2015–2016 гг. можно выделить следующие группы сленговых единиц:

1) интернет-сленг:

- 楼主 *lóuzhǔ* – «автор поста, топикстартер» (человек, который инициировал тему в форуме);
- 灌水 *guànshuǐ* – «пишущий бессмысленные посты»;
- 火星 *huǒxīng* – «бессмыслица»;
- 水军 *shuǐ jūn* – так часто называют спамеров;
- 偶稀饭 *ǒu xīfàn* = 我喜欢 *wǒ xǐhuān* – «мне нравится»;
- 潜水 *qiǎnshuǐ* – «флудить» (применяется к человеку, который много времени проводит на форуме, но мало оставляет сообщений, иногда к так называемым «скрытым пользователям»);

– 网虫 wǎngchóng – говорят о людях, которые очень часто сидят в Интернете;

– 木有 mùyǒu = 没有 méiyǒu – «не иметь»;

– 油管 yóuguǎn – YouTube (видеохостинг);

– 瘟都死 wēndōusǐ – Windows;

– 烘焙鸡 hōngbèijī – «главная веб-страница, домашняя страница» (англ. *homepage*);

2) разговорный сленг:

– 长假 chángjiǎo – относится к трём периодам семидневных каникул (Праздник весны, 1 Мая (День Труда), 1 Октября – годовщина образования КНР);

– 十一路 shíyīlù – «гулять, ходить пешком»;

– 煮饺子 zhǔjiǎozi – «как кильки в банке» (метафора для переполненного людьми места);

– 拉钩 lāgōu – «потяните друг друга за мизинцы» (выражение относится к обещанию или принуждению сделать что-то);

– 打哈哈 dǎhāha – «дразнить» (шутить о ком-то);

– 导游虫 dǎoyóuchóng – «нелегальный туристический гид»;

– 低能儿 dīnéng`r – «беспомощен, как ребёнок» (термин часто используется для обозначения человека, хоть, возможно, и успешного в школе, но совсем неготового к жизни);

– 钉子户 dīngzihù – «прибитые к дому» (метафора для тех, кто отказывается переезжать, когда их дом собираются сносить для строительства нового здания);

3) молодёжный сленг:

– 吵吵 chǎochǎo – Twitter; «быстро говорить, громко спорить, шуметь»;

– 单飞 dānfēi – «свободный полёт» (супруг/а, который едет на работу или учёбу за границу в одиночку);

– 电脑虫 diànnǎochóng – «компьютерный червь» (метафора для пиратского программного обеспечения);

– 败 bài – «покупать» (от англ. *buy*);

– 粉丝 fēnsī – «фанаты, поклонники» (фильмов, музыки, игр и т. д.);

– 干巴瘦 gānbashòu – «тонкий, тощий, худой»;

– 港 gǎng – «модный, стильный»;

– 跟风 *gēnfēng* – «следовать тенденциям» (делать то же, что и другие);

– 鸡蛋人 *jīdàn rén* – «человек-яйцо» (европеец, проникшийся азиатским духом, питающий большой интерес к азиатским странам, по образу мышления ставший больше азиатом, чем европейцем; «снаружи белый – внутри жёлтый»);

– 哈韩族 *hāhánzú* – «молодые люди, любящие корейскую музыку или кино»;

– 哈日族 *hārizú* – «молодые люди, любящие японскую музыку или кино»;

– 甲壳虫 *jiǎkéchóng* – «жук» (небольшая машина);

– 酷毙 *kùbì* – «крутой, самый лучший»;

– 老来俏 *lǎolái qiào* – «хип-дедушка» (термин для описания пожилого человека, который носит молодёжную одежду);

– 青春族 *qīngchūnzú* – «молодёжь, молодое племя, молодая кровь» (относится к людям в подростковом возрасте или немного после 12 лет);

– 嗨皮牛业 *hāipíniúyè* – «С Новым годом!» (от англ. “Happy new year!”);

4) политика:

– 曝光 *bàoguāng* – «обнародовать, довести до сведения общественности»;

– 洗钱 *xǐqián* – «отмывать деньги»;

– 顺走 *shùnzǒu* – «украсть»;

– 扒面 *bāmiàn* – «использовать преимущества должности или положения в своих интересах, получать прибыль за счёт компании»;

– 抄肥 *chāofēi* – «зарабатывать нелегальным путём»;

– 蛇头 *shétóu* – «человек или банда, которая занимается незаконной перевозкой людей через границу»;

– 老鼠会 *lǎoshǔhuì* – «организации-пирамиды»;

– 人蛇 *rénshé* – «нелегальный иммигрант»;

– 切汇 *qiēhuì* – «обманывать при обмене валюты» (особенно на чёрном рынке);

– 逆天 *nìtiān* – «антиправительственный» (天朝 – китайское правительство);

– 电老虎 *diànlǎohǔ* – «расхитители электричества»;

5) культура:

- 大片 *dàpiān* – «высокобюджетные и успешные фильмы»;
- 爆料 *bàoliào* – «подкинуть информацию журналистам»;
- 走穴 *zǒuxué* – «принимать участие в краткосрочных коммерческих выступлениях»;
- 水穴 *shuǐxué* – «частное шоу, которое приносит небольшую прибыль»;
- 做秀 *zuòxiù* – «шоу»;
- 脱口秀 *tuōkǒuxiù* – «ток-шоу»;
- 星哥 *xīnggē* – «звезда (муж. пола)»;
- 星姐 *xīngjiě* – «звезда (жен. пола)»;
- 漂人 *piāorén* – «артисты, приезжающие в Пекин в поисках карьерных успехов»;
- 港星 *gǎngxīng* – «поп- или кинозвезда из Гонконга».

Разработанная нами классификация сленговых единиц не является законченной, поскольку язык интернет-пространства, в особенности язык прессы и журналистики, продолжает развиваться с появлением новых событий, общественных явлений, научных открытий, также он постоянно пополняется новой информацией. Проведённый нами анализ показал, что сленг оказывает влияние на современный китайский язык, обогащает его сленгизмами, охватывающими все сферы жизни современного общества, в частности политическую, культурную и повседневную. Также следует отметить, что молодёжный сленг и интернет-сленг активно используются в современной прессе.

Список литературы

1. БКРС – Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bkrs.info> (дата обращения: 22.09.2016).
2. Китайский сленг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studychinese.ru> (дата обращения: 20.09.2016).
3. Туманова Е.В. Типы языковых сокращений в китайской лексике молодёжных чатов: на материале сайта «Вейбо» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.elib.sfu-kras.ru/handle/2311/11192> (дата обращения: 21.09.2016).
4. 人民日报 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.people.com.cn> (дата обращения: 23.09.2016).
5. 牛词网 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.niuword.com> (дата обращения: 20.09.2016).

О. Д. Тугулова,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Тенденции минимализма в современной китайской и русской поэзии¹

В статье представлены предварительные наблюдения за параллельными процессами в китайской и русской поэзии с точки зрения использования элементов минималистской поэтики. Стратегия минимализма проявляется в обращении к разговорному языку, а также в развитии жанров поэтической миниатюры – вэйсинши и «пирожки». Схожесть исторических и культурных судеб Китая и России в XX в. определила точки соприкосновения между поэзией двух стран.

Ключевые слова: минимализм, язык поэзии, поэтическая миниатюра, вэйсинши, «пирожки»

O. D. Tugulova,

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Trends of minimalism in modern Chinese and Russian poetry

The article presents some preliminary observation of parallel processes in the Chinese and Russian poetry, from the point of view of the elements of minimalist poetics. Minimalist strategy manifests itself in the usage of spoken language, as well as in the development of genres of poetic miniature – weixingshi and pirozhki. The similarity of the historical and cultural destinies of China and Russia in the twentieth century has defined the similar points in the poetry of the two countries.

Keywords: minimalism, language of the poetry, poetic miniature, weixingshi, pirozhki

---

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Бурятского государственного университета «Художественные стратегии и языковые тактики современных поэтических текстов России и Китая».

да чего-то нет ничего
Всеволод Некрасов

красное солнце
жёлтый рис
синяя даль

Хэ Фэн «Окно родины»

Для современной литературы характерно обращение к эстетике минимума. Рассматривая минимализм как художественную стратегию, отметим, что она реализуется на уровне выбора средств художественной выразительности, аскетичности художественной формы, а также как отказ от возвышенного литературного стиля в пользу разговорного языка. Примечательно, что в китайской и русской поэзии можно констатировать параллельные процессы, затрагивающие, в частности, вопросы поэтического языка. Авторы обеих литературных традиций стремятся к прозрачности языка, использованию живого языка, функционирующего в речевой ситуации, что в немалой степени было вызвано необходимостью преодоления эстетической узости с идеологической направленностью предшествующего периода.

Использование отдельных минималистских идей наряду с другими художественными идеями зримо обозначило рубеж в истории китайской литературы между «туманными поэтами» с многосложными образами и глубокой поэтической рефлексией и поэтами «нового поколения», чьё творчество отличают простота художественных средств, лаконизм формы, нарочитая бедность поэтики, обращение к повседневной жизни, конкретным явлениям, самоирония. Таковы произведения Юй Цзяня, Хань Дуна, Дин Дана и др.

Создание поэзии «живой конкретной речи» отразило поиски «фактичности, конкретности языка» [2] Вс. Некрасовым и другими лианозовцами. Возможности эстетики минимализма выясняли конкретисты (Ян Сатуновский), концептуалисты (Лев Рубинштейн).

Минимализм как тенденция проявляется и в форме новых жанров – малых, миниатюрных по объёму, что соответствует духу времени, заданному не сбавляющим обороты темпом жизни.

Для китайской культуры малые литературные формы традиционны и встречаются уже в древней и классической поэзии, к примеру, ханьские юэфу, песни яо, оборванные строфы цзюэцзюй, обладающие в полной мере своими жанровыми характеристиками и ограниченным объёмом в том числе, формируют традицию поэтической миниатюры. Так, востребованные на рубеже XX–XXI вв. стихотворения миниатюрной формы вэйсинши, являясь прямыми продолжателями коротких стихотворений сяоши, возникших в 1920–1930-е гг., заимствуют весь арсенал традиционных приёмов создания подтекста, расширяющего художественное пространство и предполагающего сотворчество со стороны читателя, воссоздающего внутритекстовые связи и способного проникнуть в образную многослойность произведения.

Произведения вэйсинши ограничены объёмом от одной до трёх строк и количеством иероглифов до тридцати. В них, как правило, отсутствуют знаки препинания. Смыслообразующую функцию выполняют пропуски в строке. Название стихотворения, в случае наличия такового, становится содержательной частью текста, вплоть до наделения его возможностями субъекта повествования [4–6; 8; 9].

Характеристики малого поэтического жанра как устойчивой системы со своими художественными особенностями в современной русской поэзии можно рассмотреть на примере таких форм, как «пирожки» и «порошки», функционирующих в сетевом пространстве и, несмотря на неоднозначные оценки литературоведов, уже являющихся фактом истории литературы и представляющих исследовательский интерес как одна из тенденций развития поэтического творчества.

Данные «жанровые трансформации поэтической миниатюры в непрофессиональной сетевой литературе» [3, с. 75], существуя в четырёхстрочном объёме, подчиняются строгому поэтологическому регламенту, определяющему количество слогов в строке, местонахождение рифмы, отношение к знакам препинания, написание числительных, орфографию, отбор содержательного материала [1; 7].

Малое художественное пространство не суживает рамки тематического диапазона: здесь присутствуют, в большин-

стве своём, мотивы классической поэзии (пейзажная, любовная, философская лирика, тема поэта и поэзии, размышления о жизни и смерти). События современности также находят отражение в поэтических миниатюрах, часто сатирического характера. При всей универсальности тематического наполнения в китайских миниатюрах вэйсинши заметно преобладание философской проблематики, онтологических вопросов с соответствующей патетикой и нотами лёгкой грусти, что гармонично перекликается с мыслями о бренности и краткости человеческого пребывания на земле, широко представленными в классической поэзии Китая. В то время как всегда конкретное содержание «пирожков» делает допустимыми и часто используемыми комичный контекст, интонации юмора и иронии, что становится, своего рода, основой произведений жанра независимо от раскрываемой темы.

Из художественных средств для обоих жанров предпочтительнее оказывается метафора, обеспечивающая текстам высокую степень образности. Использование аллюзий также позволяет авторам вэйсинши и «пирожков» расширить художественное пространство. Характерно, что китайские авторы чаще делают отсылки к образам, произведениям традиционной культуры, а в российских миниатюрах нередко можно встретить обращения и к современным реалиям, в том числе кинофильмам, рок-поэзии и пр.

Стремительно развивающиеся и популярные в аудитории разных поколений жанры современной миниатюры в китайской и русской литературе являют одну из тенденций развития современной поэзии, отражающей эксперименты с формой, поиски способов творческого самовыражения, отвечающей запросам времени. В то же время малые объёмы представляют собой варианты реализации минималистской художественной стратегии, наряду с другими элементами минималистской поэтики широко представленными в творчестве современных китайских и русских поэтов.

Список литературы

1. Крылова М. Н. Новые поэтические формы: «пирожки» и «по-рошки» [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2015. № 3. Режим доступа: <http://www.philology.snauka.ru/2015/03/1271> (дата обращения: 15.09.2016).
2. Кулаков В. Минимализм: стратегия и тактика [Электронный ресурс] // Независимый филологический журнал. 1997. № 23. Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/1997/23/kulackov.html> (дата обращения: 12.09.2016).
3. Прокофьева В. Ю. Жанровые трансформации поэтической миниатюры в непрофессиональной сетевой литературе: «пирожки» // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3. С. 75–81.
4. Тугулова О. Д. Китайские стихотворения миниатюрной формы: характеристика жанра // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. 2011. С. 102–106.
5. Тугулова О. Д. Поэтика заглавия китайских стихотворений миниатюрной формы // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2011. С. 430–434.
6. Тугулова О. Д. Истоки жанра миниатюрного стихотворения вэйсинши и его теоретико-литературное осмысление // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. 2013. С. 47–52.
7. Хоруженко Т. И. Пирожки как новый жанр интернетлора // Литература в контексте современности: жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. материалов 8-й Всерос. науч. конф. с междунар. участием (10–11 дек. 2015 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 66–70.
8. 刘婧. 微型诗: 在古代与当代之间 // 河南社会科学, 2009, 第17卷, 第3期, 160 - 162页。
9. 曾洪伟. 兴盛的微型: 20世纪90年代小诗研究 // 世界文学评论. 2008, 第2期, 189 - 193页。

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК И С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.581+81-11

Н. Н. Воропаев,

*Институт языкознания РАН,
г. Москва, Россия*

О проблемах становления устного переводчика с китайского языка

В статье рассматриваются проблемы становления устных переводчиков с китайского языка. Автор выделяет самые важные условия такого становления и компетенции, которые переводчик должен развить в процессе накопления переводческого опыта. В конце статьи автор даёт конкретное практическое предложение по развитию переводческого дела на кафедре китайского языка.

Ключевые слова: *устный переводчик, китайский язык, накопление переводческого опыта, устный последовательный перевод, синхронный перевод, компетенции устного переводчика*

N. N. Voropaev,

*Institute of Linguistic Research
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

On issues of the making of a Chinese interpreter

The article deals with some issues of the making of a Chinese interpreter. The author points out the most important factors of the making- process and emphasizes the competencies that must be developed by an interpreter in the process of accumulation of his translation skills. Summing up, the author makes a practical proposal concerning further translation studies at his department.

Keywords: *interpreter, Chinese, accumulation of translation skills, interpretation (sequential translation), simultaneous interpreting, competencies of an interpreter*

Как известно, для становления устного переводчика самым важным условием является возможность накопления опыта. Это возможно только при наличии стабильного спроса на данный вид услуг с определённой периодичностью в течение длительного времени.

Если специалисту удаётся устроиться на постоянную работу в российскую компанию или организацию, которая ведёт активное сотрудничество с китайскими партнёрами, или в китайскую компанию, работающую с российскими контрагентами, то в этом случае у него появляется возможность стабильно накапливать переводческий опыт. С другой стороны, здесь также важны установки как самого специалиста (хочет ли он сам становиться переводчиком или он желает продвигаться по карьерной лестнице в корпоративной команде в качестве проектного директора просто со знанием китайского языка на разговорном уровне), так и руководства компании (как правило, каждая встреча с китайскими партнёрами очень важна, и часто считается, что надёжнее пригласить опытного переводчика, чем позволить практиковаться своему молодому сотруднику со знанием китайского языка).

Если же компания или учреждение не регулярно и не часто проводит совместные мероприятия с китайскими партнёрами, то молодому специалисту также проблематично динамично накапливать опыт перевода с/на китайский язык. И при проведении редких мероприятий организация также будет склонна приглашать опытных переводчиков со стороны, а молодой специалист будет довольствоваться лишь обычным общением с китайскими партнёрами (за пределами зала совещаний).

В небольших частных компаниях, где уровень общения не так сложен и высок, молодому специалисту проще накопить опыт работы, начиная работать с нулевого уровня. Как правило, руководители таких компаний позволяют своему молодому специалисту переводить и практиковаться на переговорах.

На условия накопления опыта также очень влияет географический фактор. Если специалист проживает в регионе, который удалён от Китая, то и количество и частота шансов

поработать в качестве переводчика меньше. Также на накопление переводческого опыта влияет уровень экономического развития региона, в котором проживает специалист. Если регион динамично развивается, то и вероятность налаживания связей с Китаем у такого региона больше. Полагаем, что оптимальным условием развития переводческих навыков является наличие 3–5 мероприятий устного перевода в месяц от двух часов и более каждое, стабильно в течение 3–5 лет.

В основном квалифицированные опытные переводчики с китайского языка в современной России требуются в следующих ситуациях:

1. *Устный последовательный перевод важных мероприятий:*

- официальных встреч представителей различных государственных ведомств;
- официальных деловых встреч или переговоров между представителями коммерческих компаний;
- официальных торжественных обедов, ужинов (банкетов);
- специальных технических совещаний;
- при монтаже оборудования или обучении российских/китайских специалистов;
- на судебных заседаниях по административным и уголовным делам;
- телефонных переговоров или видеоконференций.

2. *Профессиональный синхронный перевод* – такой вид устного перевода на международной конференции, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (плюс иногда зрительно «с листа») предъявляемого однократно устного сообщения на иностранном языке в изолирующей переводчика от аудитории кабине, и в процессе которого – в экстремальных условиях деятельности – в любой отрезок времени перерабатывается информация строго ограниченного объема [1, с. 171]. Выделяются также такие разновидности синхронного перевода, как синхронное чтение заранее переведённого текста (синхронный перевод с опорой на текст), синхронный перевод на слух (собственно синхронный перевод), синхронный перевод с листа [1, с. 195–196]. Этот вид перевода считается самым сложным и требует отдельного рассмотрения.

3. *Выступление переводчика в арбитражном суде в качестве специалиста-эксперта.* Экспертное заключение от специалиста-языковеда обычно требуется в спорах о товарных знаках, а также в прочих ситуациях ведения хозяйственной деятельности как частными компаниями, так и государственными структурами, например, в спорах с налоговой инспекцией и т. п.

4. *Выступление переводчика в нотариальной конторе.* В настоящее время дипломированных переводчиков часто приглашают в нотариальные конторы. Нотариусы заверяют подпись переводчика, сделавшего перевод того или иного документа.

Также переводчики приглашаются к нотариусу для выполнения устного последовательного перевода. Это необходимо тогда, когда иностранный гражданин подписывает какой-либо документ, обладающий юридической силой, и нотариус спрашивает его на предмет понимания им смысла происходящего и содержания подписываемого им документа. Переводчик обязан с листа устно перевести весь документ иностранному гражданину.

Для выполнения всех вышеуказанных задач и видов работ по переводу переводчик должен обладать соответствующими компетенциями, которые нарабатываются годами.

Необходимо отметить, что качественно выполнять работу переводчика способны не все выпускники вузов, обучавшиеся по этой специальности, но лишь те из них, которые в период учёбы в вузе развивали и далее развили в себе набор определённых компетенций, необходимых для этой сферы деятельности.

Назовём важнейшие из этих компетенций:

1. Умение правильно оперировать двумя формами китайского слова. Для более чёткого понимания этой проблемы приглашаем посетить наш персональный сайт <https://www.vokitai.ru> и в разделе «Научная деятельность» ознакомиться со специальным рефератом (№ 26).

2. Способность выбирать стилистически верные лексемы китайского языка.

3. Хорошо владеть классификаторами китайского языка.
4. Отработать разряды китайских числительных, которых нет в русском языке: 万 [wàn] ‘десятки тысяч’ и 亿 [yì] ‘сотни миллионов’.

5. Освоить базовую технологическую лексику (самые важные термины из основных отраслей науки, техники, разных видов промышленности) и общеупотребительную терминологию юриспруденции, финансовой науки и прочих элементарных аспектов общественной жизни.

6. Необходимо научиться хорошо аудировать естественный поток китайской речи (залог этого навыка – хорошо развитая собственная беглая речь на китайском языке).

7. Развить навык оперативного перефразирования. Под оперативным перефразированием мы понимаем способность быстро находить близкий эквивалент лексеме или высказыванию, обороту, который характерен только, например, для русскоязычного культурного пространства, но редко упоминается или не имеет аналогов, передаётся совсем другими средствами (понятиями, словами) в китайском языке.

8. Владение базовым арсеналом широко известных имён собственных.

9. Владение достаточным арсеналом знаний о культурных особенностях страны изучаемого языка.

10. Необходимо постоянно развивать свою как устную, так и письменную речь на родном языке.

Призываю студентов вузов именно в годы учёбы закладывать основную базу (в первую очередь, лексическую) для работы в сфере перевода и как можно раньше начинать практиковать все виды перевода.

И в заключение практическое предложение. Как говорится: «Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе»: если уж в силу централизованности нашей страны, мероприятий в регионах происходит не так много, то в период обучения для студентов (начиная со 2-го курса) предлагаем организовывать большое количество (минимум ежемесячно) учебных игровых мероприятий (конференций, форумов), имитирующих разного рода российско-китайские экономические

и инвестиционные форумы, круглые столы, заседания и переговоры, презентации и так далее, на которых студенты могли бы интенсивно отрабатывать также и навыки синхронного перевода. Благо есть и китайские студенты, преподаватели и предприниматели и приграничные регионы Китая близко. Полагаем, что приобретение одной кабины для синхронного перевода и комплекта устройств с наушниками в количестве 20–30 штук не такая большая трата и бюджет университета может это потянуть. За 3–4 года таких практик будут выделяться те, у кого получается лучше всех. Так появятся 2–3 пары местных переводчиков-синхронистов и ещё больше устных последовательных переводчиков. Если в дальнейшем они уедут из региона или не захотят заниматься переводами, то на смену всегда придут новые старшекурсники и выпускники. И тогда удастся избежать таких парадоксальных ситуаций, как, например, приглашение синхронных переводчиков и устных последовательных переводчиков высокого уровня на важные мероприятия во Владивосток, Хабаровск, Читу или Иркутск из Москвы и Санкт-Петербурга.

Список литературы

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

К. С. Пасечник,

*Новокузнецкий институт (филиал),
Кемеровский государственный университет,
г. Новокузнецк, Россия*

Сложности перевода фразеологизмов с китайского на русский язык

В статье рассматриваются вопросы сложности перевода китайских фразеологизмов на русский язык. Автор описывает уровни перевода с китайского на русский язык, указывает на типы переводческих трансформаций, которые могут быть применены к переводу фразеологизмов. В работе анализируются межъязыковые преобразования с целью достижения коммуникативной задачи перевода.

Ключевые слова: *фразеологизм, переводческая трансформация, переводческая эквивалентность, уровень перевода*

K. S. Pasetchnik,

*Novokuznetsk Institute,
filial branch of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia*

The complexity of the translation of phraseological unit from Chinese into Russian

The article deals with the complexity of the translation of phraseological unit from Chinese into Russian. The author describes translation levels from Chinese into Russian, and points out that translation transformation can be applied to the translation of phraseological unit. The article analyzes interlingual transformation in order to achieve the communicative task of translation.

Keywords: *phraseological unit, translation transformation, translation equivalence, translation levels*

При переводе китайской фразеологии на русский язык существуют две основные проблемы: проблема эквивалентности и проблема использования переводческих трансформаций. Понятие переводческой эквивалентности заключается в близости текста перевода к тексту оригинала. Китайский язык отличается от русского и любого европейского языка по лексическому и грамматическому строю. Значение китайского фразеологизма можно передать, не используя русский фразеологизм-эквивалент, а можно перевести на уровне фонемы, слова, словосочетания, предложения и текста.

Уровень фонем. Фонема не является носителем самостоятельного значения, она играет в языке лишь смысловозначительную роль. Такой перевод используют при переводе географических названий, имён собственных, названий улиц и т. д. Вид перевода, при котором соответствие между единицами иностранного языка и языка перевода устанавливаются на уровне фонем, называется «переводческая транскрипция».

Иногда при переводе китайских фразеологизмов используют описательный перевод, для того, чтобы передать атмосферу оригинала и культурные реалии Китая. Например: 有眼不识泰山 [*yǒu yǎn bù shí tài shān*] – «иметь глаза и не разглядеть горы Тайшань» (образ в значении «пройти мимо самого главного, не заметить самого важного»).

Уровень слова. При переводе на уровне слова единицей перевода выступает слово, когда этому слову в иностранном языке соответствует не одно значение, а несколько значений в языке перевода. Например: 山高水长 [*shān gāo shuǐ cháng*] – «высок, как гора, и длинен, как река» (образ в значении «бесмертный»). Если разбить фразеологизм на отдельные слова, получим: 山 – гора, 高 – высокий, 水 – вода, река, 长 – длинный. Таким образом, здесь имеет место эквивалентность на уровне слов.

Уровень словосочетаний. Перевод на уровне словосочетаний является наиболее применимым в отношении фразеологии: часто значение подобных словосочетаний не ограничено прямым значением, а является суммой нескольких значений. Это делает невозможным перевод на уровне слов, т. к. единицей перевода является словосочетание. Например: 心甘情愿 [*xīn gān qíng yuàn*] – «охотно идти (на что-либо); испытывать готовность; с готовностью, с удовольствием, охотно».

Иногда значение фразеологизмов совпадает на двух языках. В таких случаях возможен дословный перевод. Например: 事怕行家 [*shì pà háng jiā*] – «дело мастера боится». В данном случае просматривается полное соответствие на уровне дословного перевода.

Уровень предложения. Необходимость в переводе на данном уровне появляется тогда, когда эквивалентности на уровне

не словосочетания недостаточно. Например: 只要工夫深, 铁杵磨成针 – «Терпение и труд всё перетрут» (русская пословица-эквивалент). Дословное соответствие: «Было бы старание, и железный пест можно выточить и превратить в иглу».

Уровень текста. В редких случаях в качестве единицы перевода может выступать весь текст в целом. Это в случае, если весь текст состоит из пословиц или объектов перевода, является стихотворением.

Ещё одна проблема – это необходимость переводческих трансформаций. Переводческие трансформации – это межязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента.

При переводе фразеологизмов, могут применяться следующие переводческие трансформации: грамматическая замена, замена частей речи, замена членов предложения, лексическая замена.

Грамматическая замена. Так как структура китайского предложения отличается от русского, то и фразеология грамматически сформирована иначе. Например: 在家千日好, 出门一时难 – русский эквивалент: «Дома и стены помогают». Буквальный перевод: «Дома и тысяча дней приятны, а выйдешь за ворота – и один час труден». То есть стоит заменить грамматический строй предложения и опустить предлог, как перевод становится естественным.

Замена частей речи. В китайском и русском языке части речи не совпадают. Одно и то же слово может относиться к разным грамматическим категориям одновременно. Например: 与人方便, 自己方便 – русский эквивалент: «Как аукнется, так и откликнется». Буквальный перевод: «Как ты к людям, так и они к тебе».

При подстрочном переводе, для каждого слова, в словаре находится подходящие эквиваленты:

与 [yù]. С.

人 [rén] сущ. Люди, другие (не я), некоторые, кто-то.

方便 [fāngbiàn]. Удобный, комфортабельный; подходящий.

自己 [zìjǐ]. Сам, свой, собственный.

Тогда подстрочный перевод звучит так: «С людьми удобно – самому удобно».

Замена членов предложения. При замене членов предложения происходит перестройка синтаксической структуры предложения.

Лексическая замена. Лексическая замена подразделяется на конкретизацию и генерализацию. Конкретизация – это замена слова, которое на исходном языке имеет довольно пространное значение, словом с более конкретным значением. Генерализация – замена видового понятия родовым, частного понятия – общим. Например: фразеологизм 进攻之鸟. Русский эквивалент: «Пуганая ворона и куста боится». Дословно его можно перевести: «Птица, пугающаяся лука». При передаче значение этого устойчивого оборота речи, мы конкретизируем общее понятие «птица», сужая его до конкретного понятия «ворона».

弹丸之地 – это случай генерализации. Дословно этот устойчивый оборот речи можно перевести как «земля, величиной с шарик для пращи». Общий эквивалент – «клочок земли, пятак».

Итак, перевод с китайского языка требует от переводчика исключительной внимательности, знание страны и глубокого изучения теории перевода.

Список литературы

1. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 509 с.

2. Ростовцев В. А. Теория перевода китайского языка: курс лекций. М.: Военный институт, 1977. 202 с.

A. E. Tissen,

*Новокузнецкий институт (филиал),
Кемеровский государственный университет,
г. Новокузнецк, Россия*

Проблемы перевода с китайского на русский язык и с русского на китайский язык

Данная статья посвящена проблеме перевода с китайского языка на русский и с русского на китайский язык. В статье рассматриваются различные диалектные группы китайского языка, его грамматические и лексические особенности при переводе на русский язык. В работе анализируется сложность перевода диалектов местных национальных меньшинств. Рассматриваются качества, которыми должен обладать переводчик как письменных текстов, так и устных докладов.

Ключевые слова: *китайский язык, диалекты, психолингвистические структуры, синхронный*

A. E. Tissen,

*Novokuznetsk Institute,
filial branch of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia*

The problem of translation from Chinese into Russian and from Russian into Chinese

This article deals with the problem of translation from Chinese into Russian and from Russian into Chinese. Discusses the various dialect groups of the Chinese language, its grammatical and lexical features in translation on Russian language. As well as the complexity of the translation of local dialects of the national minorities. Consider the quality that should be possessed by the interpreter as in written texts, and as in oral presentations.

Keywords: *Chinese language, dialects, psycholinguistic structures, synchronical*

Лексические проблемы перевода с китайского языка на русский и с русского на китайский язык на сегодняшний день – одна из актуальных и важных проблем в мире перевода. На данный момент китайский язык считается одним из самых распространённых языков мира: насчитывается более миллиарда носителей данного языка, что и вызывает бурный интерес к изучению китайского языка.

Перевод русских слов на китайские иероглифы и обратно довольно сложен, но в то же время и интересен. В основном, многие европейские переводчики по большей степени специализируются на английском, немецком, итальянском, французском и других романских и славянских языках. Поэтому, данная тема исследования на сегодняшний день является одной из самых актуальных.

Китайский язык – один из древнейших языков в мире. Это язык одной из самых мощных держав. На китайском языке говорят более 90 % жителей Китая. Китайский язык также очень распространён в Индонезии, Камбодже, Вьетнаме, Таиланде, Сингапуре и в других странах. Разговорный язык по линии социальной подразделяется на так называемый «мандаринский» язык (гуаньхуа). Он является обязательным «государственным» языком. И на «простонародные», местные языки (сухуа, тухуа).

Китайский язык – один из шести официальных и рабочих языков ООН. Китайский язык – ярко выраженный топиковый, т. е. топиковые синтаксические построения являются более естественными в речи. Если в китайском языке подобные структуры поверхностны, то в других языках они «спрятаны» на глубине и при «выходе на поверхность» должны быть перестроены в подлежащие. Поверхностный синтаксис китайской речи во многом иллюстрирует или позволяет моделировать психолингвистические процессы и психолингвистические структуры.

Китайский язык делится на девять больших диалектных групп. Каждая из диалектных групп, в свою очередь, делится на многочисленные наречия и местные говоры. Различия между диалектами столь велики, что, зачастую, общение между носителями диалектов невозможно. Особенно сильно отличаются друг от друга северные и южные диалекты.

Диалекты шести из этих групп распространены в прибрежных и центральных районах:

1. Диалекты у – в районе городов Шанхай и Нинбо.
2. Северноминьские диалекты – в районе города Фучжоу.
3. Южноминьские диалекты – в районе городов Сямынь (Амой), Шаньтоу (Сватоу) и на Тайване.

4. Диалекты хакка – в районе города Мэйсянь, на северо-востоке провинции Гуандун и на юге провинции Цзяньси.

5. Кантонский – в центральной и восточной части провинции Гуандун, в том числе в городе Гуанчжоу (Кантон).

6. Диалекты сян – в провинции Хунань.

Кроме того, существуют три подгруппы северных диалектов (в западной традиции называемых мандаринскими): северная, включающая диалект Пекина, а также южная и центральная, на которых говорят, в частности, в городах Нанкин и Чунцин. Эти подгруппы различаются примерно так же, как английский язык Новой Англии в США и Австралии, и поэтому они зачастую взаимопонимаемы.

Общепринятый нормативный китайский, или общенациональный язык путунхуа, основан на диалекте Пекина (иначе Бейцзинь, как по настоянию китайцев, стало воспроизводиться на Западе название столицы Китая). Средством общения носителей разных диалектов служит литературный китайский язык путунхуа (буквально – «всеобщий язык»), он сформировался на основе группы северных и северо-восточных диалектов гуаньхуа (буквально – «чиновничий язык»).

Китайская письменность использует иероглифы – знаки, каждый из которых обозначает отдельный слог или понятие. Общее количество иероглифов превышает 80 000, но большую часть из них можно встретить лишь в памятниках литературы или словарях. Элементарная грамотность начинается с владения 1500 знаками, для чтения газет достаточно 3000 знаков, а наиболее полный словарь иероглифов содержит 87 019 знаков.

Иероглифы существуют в упрощённом варианте (КНР) и в традиционном варианте (Тайвань, Гонконг, Сингапур и Макао). Китайская письменность рассматривает каждый иероглиф в отдельности, поскольку он может быть как отдельным слогом, так и морфемой. Китайские иероглифы делятся на два вида. Первый вид – это упрощённый, второй – традиционный. Упрощённые иероглифы используются в письменности Китая. Традиционное написание иероглифов практикуется в Гонконге и Тайване. Китайский язык – один из односложных языков, сохранивший больше архаизма, нежели другие члены группы, например, тибетский или корейский.

Последнее время круг изучающих китайский язык стал увеличиваться из-за развития тесных экономических, политических и культурных связей с Китаем. Начало переводов с китайского на русский язык и наоборот связано с именем первого русского китаевода И.К. Россохина (1717–1761), участника 2-й Духовной миссии в Пекине, с которого, по выражению А. М. Решетова, «началось изучение Китая в России, китайского и маньчжурского языков». К этим заслугам И. К. Россохина следует добавить и звание первого преподавателя китайского языка (не считая носителя языка) и первого литературного переводчика с китайского и на китайский язык.

Вторым значимым учёным-синологом и переводчиком с китайского языка на русский и наоборот можно по праву считать Алексея Леонтьева, члена 4-й Православной миссии. В отличие от И. Россохина, А. Леонтьев был отправлен в миссию, уже пройдя начальный курс обучения китайскому и маньчжурскому языкам. В Пекине А. Леонтьев находился с 1743 по 1755 г. и по возвращении в Санкт-Петербург, в отличие от И. Россохина, был назначен переводчиком в Коллегию иностранных дел.

С увеличением экономического и культурного обмена между странами, во много раз увеличилась и потребность в переводе совершенно разных документов с китайского языка на русский и наоборот. Работая над переводом на китайский язык, переводчику необходимо придерживаться определённых правил. Например, китайский язык не содержит правил грамматического изменения слов – склонений, спряжений, окончаний. Соответственно, лексическое значение переводу придаёт построение слов в предложении. Кроме того, сама структура предложений в китайском языке достаточно специфична. Для примера скажем, что придаточное предложение оформляется в роли определения к существительному. Цепь подобных определений в одном предложении может привести к замешательству и неправильному переводу. Наглядный пример: во фразе «требования заказчика к качеству работ и мерам по безопасности, предпринимаемым подрядчиком» слово «требования» выступает определяемым, а все остальные слова – определением к нему.

Устный китайский перевод требует от переводчика специальных навыков кроме хорошего знания языка. Существует две разновидности устного перевода: синхронный и последовательный. Оратор может останавливаться после каждого предложения, а может разбивать своё выступление на логические части. В любом случае устный китайский перевод весьма сложен. Переводящий должен быть всё время сконцентрирован, его память – натренирована, слух – сосредоточен. Он должен во время выступления выделять для себя важнейшие понятия, упоминание которых происходит часто. Кроме этого требуется держать в голове много информации, стараться ничего не упустить.

Ещё одна сложность – многочисленные диалекты китайского языка. Некоторые из них – шанхайский, гуандунский (кантонский) – настолько кардинально отличаются от северных диалектов, что китайцы, говорящие на этих диалектах, не в состоянии понять друг друга. Выходом из этого положения стало введение единого нормативного языка путунхуа. На нём ведётся преподавание в учебных заведениях, он используется в учреждениях КНР, на нём обязаны говорить все граждане страны. В последнее время острота этой проблемы смягчается. Но всё-таки чем старше человек, тем сильнее в его речи заметны диалектальные отличия от путунхуа или акцент.

Не стоит забывать и о существовании в Китае национальных районов и языков национальных меньшинств (чжуанского, уйгурского, монгольского и др.), также накладывающих специфический оттенок на произношение жителей этих районов. Переводчику часто приходится дополнительно запоминать особенности произношения жителей разных регионов Китая, различные варианты слов в диалектах. Гуандунский же и шанхайский диалекты преподаются в китайских вузах факультативно, они изучаются отдельно от китайского языка.

Сложность для перевода представляют многочисленные поговорки, фразеологизмы китайского языка, зачастую основанные на использовании имён исторических и легендарных личностей, литературных персонажей. Во время после-

довательного и тем более синхронного перевода необходимо быстро подобрать русский аналог, не используя конкретных имён.

Китай – могучая промышленная страна. Отсюда следует востребованность переводов китайского языка. Ведь весь товар, который экспортируется из государства, снабжается инструкциями на родном языке. В процессе перевода постоянно приходится прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям. Грамматические трансформации обусловлены различием в структурах двух языков – языка оригинала и языка перевода. В их лексических системах тоже наблюдаются несовпадения. Сложной задачей для переводчика является передача стилистических приёмов, основанных на игре слов, если в соответствующих словах обоих языков выделены различные признаки.

Список литературы

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М.: Московская литература, 2002. 574 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 2000. 176 с.
4. Сорокин С. Ю. Переводоведение. Статус переводчика и психо-герменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
5. Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности. Языкознание в Китае. М., 1989.

Научное издание

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Редактор Е. В. Валукова
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 05.12.2016.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 6,7. Заказ № 16333. Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30